

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТИ

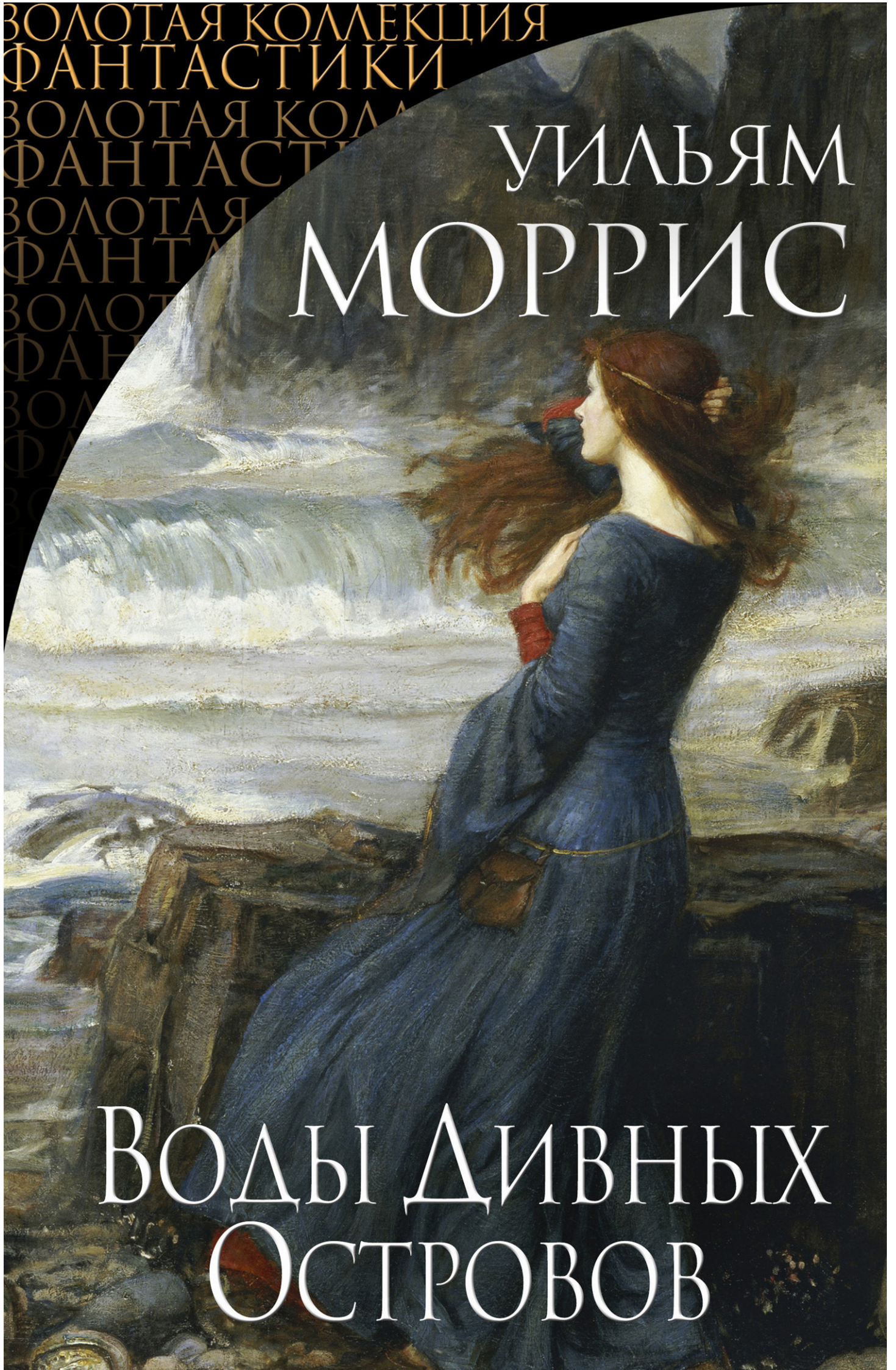
ЗОЛОТАЯ
ФАНТА

ЗОЛОТ
ФАН

ЗОЛ
ФА

УИЛЬЯМ
МОРРИС

ВОДЫ ДИВНЫХ
ОСТРОВОВ

Золотая коллекция фантастики

Уильям Моррис

Воды Дивных Островов (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.111312.9
ББК 84(4Вел)я44

Моррис У.

Воды Дивных Островов (сборник) / У. Моррис — «Эксмо»,
— (Золотая коллекция фантастики)

Уильям Моррис (18341896) – английский поэт, писатель, переводчик, художник, дизайнер, издатель, изобретатель и общественный деятель, поистине выдающийся ум и культовая личность Викторианской эпохи. Моррис одним из первых начал работать в жанре фэнтези – на стыке рыцарского романа и волшебной сказки, а знамя писателя позже подхватили Дж. Р.Р. Толкин, К.С. Льюис и многие другие авторы. В заключительный том собрания сочинений Морриса вошли два поздних романа, воплотившие в себе все художественные достижения писателя, а также сборник рассказов «Золотые крылья» (1856).

УДК 821.111312.9
ББК 84(4Вел)я44

© Моррис У.
© Эксмо

Содержание

Уильям Моррис – Рыцарь без Страх и Упрёка	7
Воды Дивных Островов	13
Часть первая	13
Глава I	13
Глава II	15
Глава III	16
Глава IV	17
Глава V	18
Глава VI	19
Глава VII	21
Глава VIII	24
Глава IX	25
Глава X	26
Глава XI	27
Глава XII	29
Глава XIII	30
Глава XIV	32
Глава XV	33
Глава XVI	35
Глава XVII	36
Глава XVIII	37
Глава XIX	38
Глава XX	39
Часть вторая	42
Глава I	42
Глава II	42
Глава III	44
Глава IV	46
Глава V	47
Глава VI	50
Глава VII	54
Глава VIII	55
Глава IX	57
Глава X	62
Глава XI	64
Глава XII	66
Часть третья	69
Глава I	69
Глава II	71
Глава III	73
Глава IV	74
Глава V	77
Глава VI	80
Глава VII	82
Глава VIII	83
Глава IX	84

Глава X	85
Часть четвёртая	88
Глава I	88
Глава II	89
Глава III	90
Глава IV	92
Глава V	93
Глава VI	95
Глава VII	96
Глава VIII	97
Глава IX	99
Глава X	100
Глава XI	102
Глава XII	103
Глава XIII	106
Глава XIV	107
Глава XV	109
Глава XVI	111
Часть пятая	115
Глава I	115
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Уильям Моррис

Воды Дивных Островов (сборник)

William Morris

THE WATER OF THE WONDROUS ISLES

THE SUNDERING FLOOD

GOLDEN WINGS AND OTHER STORIES

© Горинова Н.Р., вступительная статья, 2018

© Аристов А.Ю, перевод на русский язык, комментарии, 2018

© Лихачёва С.Б., перевод на русский язык, 2018

© Соколов Ю.Р., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Уильям Моррис – Рыцарь без Страх и Упрёка

*Мне не хотелось бы покидать этот мир, он ведь удивительно
радушно встретил меня.*

Уильям Моррис

Его имя ещё при жизни стало легендой. Поэт, писатель, переводчик, художник-прерафаэлит, дизайнер, критик, издатель, изобретатель и общественный деятель – всё это о нём, об Уильяме Моррисе. Обладая могучим здоровьем и огромной физической силой, он всю жизнь работал за десятерых. И каждое его произведение – будь то резьба по дереву, тканые ковры или романы – отличалось скрупулёзным следованием традиции и в то же время уникальностью. Борец за равенство и братство, романтик и учёный, искусный ремесленник и бойкий торговец – кем он был на самом деле, этот гигант Викторианской эпохи?

Безоблачное детство и бурная юность

Уильям Моррис родился 24 марта 1834 года в небольшом селении Уолтемстоу (ныне – пригород Лондона). Мальчика назвали в честь его отца, преуспевающего коммерсанта и партнёра фирмы «Сандерсон и Ко». Мать, Эмма Моррис (в девичестве – Шелтон), была родом из состоятельной буржуазной семьи из Вустера. Уильям был третьим из десяти детей, и их детство было по-настоящему счастливым, не омрачённым ни нуждой, ни школьной зубрёжкой.

Поместье Вудворд-холл, куда семья переехала, когда Уильяму исполнилось шесть лет, насчитывало 50 акров прекрасной земли, не считая лесных угодий. С братьями Уильям ловил рыбу, а с сёстрами ухаживал за цветами в саду. Он очень рано научился читать и горячо любил романы Вальтера Скотта. Разъезжая в игрушечных латах на подаренном родителями пони, он воображал себя отважным рыцарем и изучил все тропинки ближайшего леса. Маленького Морриса поразили найденные там руины времён каменного века, и позднее он с удовольствием посещал с отцом средневековые церкви в Эссексе, Кентерберийский собор и охотничий домик королевы Елизаветы I в Чингфорде. Наверное, именно тогда зародилась его любовь к эстетике идеализированного прошлого, к культу рыцарского служения высоким идеалам, что впоследствии определило всю его судьбу.

В 1847 году Моррис-старший неожиданно умер. Оставшись без кормильца, семья переехала в Вотер-хаус, куда более скромный дом в Эссексе. В феврале 1848 года Уильям начал учёбу в колледже Мальборо в Уилтшире (существует по сей день). Дни, проведённые там, были наполнены отчаянием, презрением к учителям и тоской по дому. Одноклассники издевались над низкорослым стеснительным подростком и наградили его обидным прозвищем Краб. В канун Рождества 1851 года Моррис вернулся домой, дальнейшее его обучение продолжал преподаватель Фредерик Гай, учитель соседней школы.

В июне 1852 года Моррис поступил в Эксетер-колледж при Оксфордском университете. Он скучал на занятиях по античной истории и богословию, но приходил в восхищение, изучая средневековую литературу и рассматривая старинные здания университетского городка. Прочитанный в это время роман Томаса Мэлори «Смерть Артура» оказал сильнейшее влияние на мировоззрение и творчество молодого Морриса. Для него Средние века олицетворяли собой эпоху, когда царили благородные рыцарские идеалы и закон всеобщего равенства, чего так не хватало чопорному викторианскому обществу. Моррис задышался в этом «царстве безвкусицы», он не выносил постоянных разговоров о прибыли и выгоде. Спасение от эгоистических принципов общества он видел в искусстве, только оно могло обратить мысли людей к идеальному прошлому старой доброй Англии.

В колледже Моррис познакомился с молодым художником Эдвардом Бёрн-Джонсом, и впоследствии их дружба длилась всю жизнь. Бёрн-Джонс ввёл Морриса в «Бирмингемскую группу» – компанию студентов Пембрук-колледжа, в которую входили Ричард Диксон, Чарльз Фолкнер и Эдвин Хатч. Собираясь по вечерам, молодые люди читали Теннисона, Диккенса и Шекспира, обсуждали вопросы медиевизма и социальные проблемы. В 1854–1855 годах друзья совершили путешествие по Франции и Бельгии, осматривая средневековую архитектуру и практикуясь в рисовании и стихосложении. Своим «безрассудным» поведением Моррис спровоцировал неудовольствие матери, считавшей, что Уильяму следует найти себя в торговле или богослужении, но никак не в искусстве. Но юноша уже твёрдо верил в своё призвание и на протяжении 1856 года, под эгидой «БГ», в действительности же – за свой счёт, издавал небольшой «Оксфордский и кембриджский журнал», где печатал собственные рассказы, стихи и критику, заслужившие похвалу самого Альфреда Теннисона.

Братство кисти, сердца трёх

Окончив колледж со степенью бакалавра, Моррис открыл для себя теорию крупнейшего искусствоведа той поры Джона Рёскина, сформировавшую его дальнейшие взгляды. Рёскин проповедовал возврат от машинного производства к ручному труду, превращение ремесленников в творцов-художников и создание неакадемического искусства, которое было бы доступно всем. Критик горячо поддерживал так называемое «Прерафаэлитское братство» – объединение молодых художников, существовавшее с 1848 года и положившее начало всем модернистским течениям в Европе. Картины прерафаэлитов, написанные на мифологические и литературные сюжеты, отличались тщательной проработкой деталей, ярким, сочным цветом и сложной нетрадиционной композицией. Кружок «защитников красоты и духовности» казался Моррису сбывшейся мечтой, и он с радостью примкнул к «братству».

И Моррис, и Бёрн-Джонс восхищались художником и поэтом Данте Габриэлем Россетти, главой и идейным вдохновителем «Прерафаэлитского братства». Двадцативосьмилетний мэтр стал не только их учителем и другом, но кумиром и авторитетом во всём. Благодаря Россетти Моррис познакомился со многими выдающимися людьми своего времени: поэтом Робертом Браунингом, художниками Артуром Хьюзом, Томасом Вулнером и Фордом Мэдоксом Брауном. Кроме того, Россетти помог Моррису и Бёрн-Джонсу снять квартиру на Ред-Лион-сквер в Блумсбери, центре интеллектуальной жизни Лондона. Друзья оформили интерьер квартиры в средневековом стиле, используя сцены из любимого Артурианского цикла.

К этому времени Моррис уже бросил службу в оксфордском архитектурном бюро, где работал вместе с Филиппом Уэббом, с которым они дружили на протяжении всей жизни. Моррис занялся живописью, продолжил писать стихотворения, подвизался в книжной иллюстрации. В марте 1857 года вышел его первый сборник стихов «В защиту Гвиневеры». К сожалению, опыт оказался неудачным, и Моррис ещё долго ничего не публиковал.

В октябре 1857 года Моррис познакомился с Джейн Бёрден, известной натурщицей, в которой воплотился прерафаэлитский идеал красоты. Джейн, девушка из простой рабочей семьи, была, по словам писателя Генри Джеймса, «само совершенство». Абсолютно ею очарованный, Моррис пригласил девушку позировать для картины «Прекрасная Изольда» и вскоре сделал ей предложение. Венчание Джейн и Уильяма Морриса состоялось 26 апреля 1859 года в церкви Святого Михаила, после чего молодые поселились в Лондоне на Грейт-Ормонд-стрит. Позднее Джейн признавалась, что никогда не любила Морриса, предпочитая ему обаятельного Россетти, но это замужество помогло ей выбраться из нищеты и заняться самообразованием. Моррис же настолько боготворил супругу, что в 70-х годах предпринял длительное путешествие в Исландию, дабы позволить Джейн и Габриэлю Россетти насладиться взаимной любо-

вью. Впрочем, поначалу чета Моррисов была весьма счастлива, и у них родились две дочери: Алиса в январе 1861 года и Мэри в марте 1862-го.

Дом, (не)милый дом

В 1860 году Моррис озаботился постройкой дома для своей семьи. Проект особняка, получившего название Ред-Хаус (Красный дом), разрабатывал архитектор Филипп Уэбб, дизайном интерьеров занимались сам Моррис, Бёрн-Джонс и Россетти. Ансамбль Красного дома следует традициям средневекового ремесленничества: он прост и естественен в сравнении с неоготическими постройками своей эпохи. Общая простота комнат с белыми стенами оттенялась изящными предметами мебели, вышивками, витражами и фресками. Ред-Хаус стал первым образцом архитектуры «Движения искусств и ремёсел» – художественного стиля, основанного на принципе единства Добра и Красоты. Моррис, будучи одним из основателей «Движения», утверждал, что красивые предметы, окружающие людей в быту, должны способствовать духовному совершенствованию общества.

С этой целью в 1861 году была основана фирма «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко», которая занялась производством декоративных изделий для дома: мебели, бумажных и тканевых обоев, витражей, ковров и гобеленов, тканей и вышивки. Моррис был настроен решительно, он надеялся изменить вкусы публики и привнести в мир красоту. Поначалу фирма почти не имела клиентов, однако на Международной выставке 1862 года в Южном Кенсингтоне продукция компании привлекла внимание прессы, после чего начала пользоваться большим спросом. Впрочем, этот успех для Морриса оказался разочарованием, ведь все изделия фирмы, сделанные вручную, оказались не по карману людям со средним достатком. Отвергая машинное производство, компания не могла сделать качественные вещи доступными широким массам, а следовательно, повлиять на быт и художественную культуру своего времени. Признав это, Моррис убедился, что его идеалы неосуществимы вне преобразований общества. Позднее, желая принять участие в борьбе «за равенство и братство», он вступил в Социал-демократическую федерацию, ну а пока... фирма стала производить простые стулья по 7 шиллингов за штуку.

В 1864 году Моррис, уставший от семейных проблем, продал Ред-Хаус и осенью 1865-го переехал в Блумсбери на Квин-сквер, в то же здание, где размещалась контора его фирмы. Он полностью погрузился в работу, благо предложений было хоть отбавляй. С сентября 1866 года по январь 1867-го он занимался отделкой Оружейной комнаты в Сент-Джеймском дворце. Затем проектировал интерьер Зелёной столовой в Южно-Кенсингтонском музее (теперь – Зал Морриса в Музее Виктории и Альберта). Слава компании дошла даже до Соединённых Штатов, что привело к знакомству Морриса с Генри Джеймсом и Чарльзом Элиотом Нортон. Однако несмотря на успех, фирма не приносила большой прибыли, и Моррису пришлось уменьшить свои расходы.

Не вырубишь топором

Вместе с тем Моррис возвращается к литературным трудам. В 1867 году увидела свет поэма «Жизнь и смерть Ясона», пересказывавшая легенду о Золотом руне. Она оказалась настолько успешна, что издатели даже соревновались за возможность переиздания. Следующая поэма «Земной рай» (1868–1870), написанная в духе «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера, привлекла обширное внимание критиков, заговоривших о Моррисе как о выдающемся поэте. Впоследствии все его романы подписывались: «*От автора, подарившего миру «Земной рай»!*»

К этому времени Моррис серьёзно увлёкся скандинавской литературой. Он даже перевёл несколько легенд и саг вместе с исландским богословом Эриком Магнуссоном. Одновременно с этим он постигал искусство каллиграфии и создавал рукописные иллюстрированные книги в средневековом духе. Всего с 1870 по 1875 год им было создано 18 манускриптов.

В июне 1871 года Моррис перевёз семью в поместье Келмскотт в Оксфордшире, чтобы дочери могли отдохнуть от шумного мегаполиса. Через месяц, оставив их на попечение Джейн и Россетти, он отбыл в Исландию вместе с Магнуссоном, Фолкнером и Эвансом. Моррис, сочувствующий исландскому движению за независимость, даже встретился в Рейкьявике с лидером этого движения и президентом исландского литературного общества Йоуном Сигурдссоном. Эта поездка произвела на Морриса неизгладимое впечатление. В 1876 году он опубликовал поэму «О Сигурде из рода Вёльсунгов и о падении Нибелунгов», в основе которой лежали скандинавские саги. На автора обрушился ещё больший успех, а некоторые критики до сих пор называют эту поэму в ряду лучших английских произведений. К этому же времени относятся его переводы «Энеиды» Вергилия, «Саги о Вёльсунгах» и исландских повестей о любви.

С середины 70-х годов Моррис, которого всегда увлекали идеи социального преобразования общества, вступает в политическую борьбу. В своих лекциях и статьях он критикует капитализм за стремление к извлечению всё большей прибыли. А вступив в 1883 году в Социал-демократическую федерацию, Моррис берётся за дело с жаром: читает лекции, издаёт и распространяет брошюры, активно участвует в собраниях и финансирует партийный журнал «Джастис». Но уже через два года, в январе 1885-го, он вместе с Эдуардом Эвелингом и Элеонорой Маркс (дочерью Карла Маркса) создаёт Социалистическую лигу и становится редактором журнала «Коммонуил».

Впрочем, политическая активность не помешала Моррису заниматься делами компании и литературным творчеством. После переименования фирмы в «Моррис и Ко» в 1875 году он начинает интересоваться ткачеством. Моррис сам смешивает краски и вручную ткёт гобелены, по сути, с нуля возрождая это искусство, позабытое после изобретения машинных станков. Чтобы не отрываться от любимого занятия, он устраивает мастерскую прямо в подвале дома в Хаммерсмите, который снимает с апреля 1879 года у писателя Джорджа Макдональда. Дела фирмы шли в гору, марка «Моррис и Ко» стала одной из самых популярных и любимых в Великобритании, особенно после открытия нескольких магазинов в Лондоне и Манчестере.

Что касается литературных трудов, в 1885 году в «Коммонуиле» печатается поэма «Пилигримы надежды», с ноября 1886-го по январь 1887 года – повесть «Сон Джона Болла». В 1887 году увидел свет его перевод «Одиссеи» Гомера, о котором положительно отзывался Оскар Уайльд. С января по октябрь 1890 года в том же «Коммонуиле» печатается роман-утопия «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия». Книга повествует о человеке по имени Уильям, который однажды просыпается в будущем и, путешествуя, наблюдает идеальное общественное устройство. В этом мире нет ни частной собственности, ни денежной системы, ни судов и тюрем, здесь царит гармония человека и природы, а труд, выполняемый с любовью, приносит радость. Роман этот был весьма успешен у социалистов, сразу после выхода его перевели на русский, французский, итальянский и немецкий языки.

Вообще, конец 80-х и 90-е годы – самый плодотворный период для Морриса-писателя. В это время из-под его пера выходит «Сказание о доме Вольфингов и всех родах Марки, изложенное в стихах и прозе» (1889), почти исторический роман, в основу которого лёг древнегерманский «сеттинг». Продолжение, роман «Корни гор», вышло уже через год. Изначально Моррис задумывал трилогию, но заключительная «Повесть о Дезидерии» так и не была написана. Впрочем, именно «Сказание о доме Вольфингов» позднее станет настольной книгой Джона Р.Р. Толкина, а также образцом для подражания и богатым источником идей.

Затем Моррис возвращается к средневековой эстетике. Он пишет «Повесть о Сверкающей равнине» (1890), в которой опять же описывает некое идеальное государство, где царят радость и красота. Но уже следующий роман, «Лес за Гранью Мира» (1894), знаменует собой новый этап в творчестве писателя. Здесь действие происходит в вымышленном мире с собственной географией и историей, а средневековые декорации сочетаются с магией и мифологией. Очевидно, что это рецепт фэнтезийного романа, и многие критики называют «Лес за Гранью Мира» первым произведением в жанре фэнтези, породившим современную жанровую традицию.

Затем последовал роман «Юный Кристофер и прекрасная Голдилинда» (1895), сюжет которого основан на легенде XIII века о герое Хавелоке. Хотя волшебство здесь почти отсутствует, роман пользовался большой любовью Инклингов. Кстати, его главный герой Кристофер считается одним из прототипов принца Каспиана в произведениях К.С. Льюиса.

Следующий большой роман «Источник на Краю Мира» (1896), включающий в себя четыре книги, считается вершиной литературного творчества Морриса. Пожалуй, это самое проработанное его произведение: несколько переплетающихся сюжетных линий, прекрасный язык, запоминающиеся живые персонажи... Весьма любопытно, что первый положительный отзыв на роман написал Герберт Уэллс, не очень-то жалующий сказки.

Ещё два романа, написанные в это же время – «Воды Дивных Островов» и «Разлучающий поток», – были опубликованы в 1897 году, уже после смерти автора.

Последние годы

В последние годы Моррис отошёл от политики, занимаясь преимущественно делами фирмы и литературой, а также принимая участие в разного рода арт-сообществах. Так, под влиянием «Движения искусств и ремёсел» в 1884 году была создана Гильдия работников искусства, куда Моррис вступил только в 1888 году, а в 1892-м был избран почётным Мастером гильдии. В этом же году он вступил в должность президента Общества прикладных искусств, где читал лекции об искусстве. Моррису предлагали также занять должность придворного поэта-лауреата королевы Виктории, но он отказался, будучи верен своим социалистическим взглядам.

В мае 1891 года заработала собственная типография Морриса «Келмскотт-пресс», созданная, чтобы «делать красивые книги». Ориентируясь на технологию печати Гутенберга, рабочие сами изготавливали бумагу и пергамент, Моррис лично рисовал новые шрифты и орнаменты. Большинство книг было украшено иллюстрациями Бёрн-Джонса. За семь лет, на протяжении которых работала типография, было издано 66 томов, стилизованных под средневековые рукописи, и первой из них стала «Повесть о Сверкающей равнине». Вообще, в «Келмскотт-пресс» вышло 23 книги Морриса, больше, чем книг прочих авторов, в числе которых были Китс, Шелли, Рёскин, Россетти, Суинбёрн и другие. Сегодня все эти тома считаются произведениями книгопечатного искусства. Но *magnum opus* типографии, работа над которым заняла несколько лет, стало великолепнейшее издание Чосера, включающее 87 иллюстраций. Один из экземпляров книги и поныне хранится в Британской библиотеке.

Уильям Моррис умер вскоре после выхода книги Чосера, 4 октября 1896 года, в окружении родных и друзей. Последние несколько лет он страдал от подагры, эпилепсии и туберкулёза, но продолжал работать и путешествовать. Некрологи, появившиеся во всех газетах на первой полосе, объявляли его великим поэтом, а социалистическая пресса вспоминала заслуги в общественной деятельности. Похороны Морриса прошли 6 октября в деревне Келмскотт при церкви Св. Георгия. Через несколько лет Джейн упокоилась рядом с ним.

Наследие Морриса весьма обширно, и не менее обширно влияние, которое его фигура до сих пор оказывает на западную культуру и искусство. Для нас же особенно интересен его

огромный вклад в литературу, сделавший современную фантастику такой, какая она есть. Ведь карта страны Фантазии наверняка была бы куда меньше и скучнее, если бы не Уильям Моррис, этот рыцарь без страха и упрёка, ведущий за собой всё новые поколения писателей.

Наталья Горинова

Воды Дивных Островов

Часть первая Обитель неволи

Глава I Похищение в городе Аттерхей

Некогда, как гласит предание, был на свете обнесённый стеною торговый город, что прозывался Аттерхей; возвели его на полоске земли чуть в стороне от большого тракта, что вёл из-за гор к морю.

Город сей стоял у самой границы леса, людьми почитаемого весьма великим, а может стать, даже бескрайним; однако же под сень чащи вступить доводилось поистине немногим, побывавшие же там возвращались с рассказами путаными и небывалыми.

Не пролегало сквозь чащу ни наезженных путей, ни окольных троп, не встречалось там ни лесников, ни дорожных смотрителей; никогда тем путём не являлись в Аттерхей торговцы, не нашлось бы во всем городе жителя настолько обнищавшего или настолько храброго, чтобы осмелился отправиться в лес на охоту; ни один объявленный вне закона преступник не решался бежать туда; ни один божий человек не доверял святым настолько, чтобы выстроить себе в том лесу келью*¹.

Ибо всяк и каждый почитал сей лес местом крайне опасным; одни говорили, что там бродят самые что ни на есть жуткие мертвецы; другие уверяли, будто языческие богини обрели в лесу приют; а кто-то полагал, что там, вероятнее всего, обитель эльфов* – тех, что коварны и злобны. Однако большинство сходилось на том, что в чащобах леса кишмя кишат дьяволы, и куда бы ни направлял стопы человек, раз оказавшись там, выходил он неизменно к Вратам Ада. И называли ту чащу Эвилшо, что означает «Лихолесье».

Однако торговый город жил не худо; ибо какие бы злые твари ни таились в Эвилшо, никогда не являлись они в Аттерхей в таком обличье, чтобы сумел распознать их людской взор, а уж о том, чтобы Дьяволы Эвилшо причинили кому-либо зло, в тех краях и вовсе не слыхивали.

И вот как-то раз был в торговом городе ярмарочный день, и стоял самый полдень, и на рынке толпилось немало людей, и явилась среди них женщина, высокая и сильная, черноволосая, с изогнутым носом и пронзительными, словно у ястреба, глазами, с виду не столь красивая, сколь надменная и властная; дать ей можно было около тридцати зим. Она вела под уздцы крупного серого осла, по бокам которого висели две корзины – туда складывала она покупки. Но вот женщина закончила дела торговые и теперь озиралась по сторонам, словно бы наблюдала за людьми забавы ради; когда же встречалось ей на пути дитя – на руках ли дитя несли, или вели за руку родственницы, или один ребёнок шёл, как частенько случалось, – чужестранка задерживала на малыше внимательный взгляд и рассматривала более пристально, нежели что другое.

Так она шла себе, удаляясь от торговых рядов, пока толпа не стала редеть; тут-то натолкнулась она на дитя, может стать, двух зим, что ползало туда-сюда на четвереньках; только жалкие лохмотья прикрывали крохотное тельце малютки. Незнакомка пригляделась к ребёнку,

¹ Здесь и далее объяснение слов, отмеченных «звёздочками», см. в Комментариях.

посмотрела в ту сторону, куда дитя направлялось, и увидела одинокую женщину, что сидела на камне, склонив голову к коленям, словно притомилась либо удручена была чем-то. К ней-то и подобралось дитя, весело лепеча, и обхватило ручонками ноги женщины, и спрятало головку в складки её платья; женщина подняла взгляд, и открылось лицо её, что, некогда замечательное своей красотой, теперь исхудало и осунулось, хотя бедняжке едва перевалило за двадцать пять. Она подхватила дитя, и привлекла его к груди, и расцеловала ручки его, и щёки, и лоб, и принялась развлекать малютку, да только в показном веселье этом чудилась скорбь. Статная незнакомка оглядела её сверху вниз, и заметила, как плохо та одета, и похоже, ни малейшего отношения не имеет к толпе зажиточных торговцев, и улыбнулась как-то мрачно.

Наконец заговорила владелица осла, и голос её прозвучал отнюдь не столь резко, как можно было предположить по лицу её. «Матушка, – сказала она, – ты, похоже, не настолько занята, как прочий здешний люд; можно ли попросить тебя растолковать чужестранке, что задержится в этом славном городе на какой-нибудь час-другой, где бы найти ей комнату, дабы отдохнуть и поесть малость, подальше от сквернословов и дурного общества?» Отвечала бедная женщина: «Недолог будет мой сказ; слишком бедна я, чтобы знать про постоянные дома да трактиры; нечего мне ответить». Отозвалась собеседница её: «Может быть, кто из друзей твоих пустит меня в свой дом, ежели ты попросишь?» Отвечала мать малютки: «Да какие у меня друзья, с тех пор как умер мой муж, и сама я умираю от голода, – и это в городе богатства и изобилия?»

Владелица осла помолчала немного, а затем молвила: «Бедная ты женщина! Мне становится жаль тебя; и скажу тебе вот что: нынче пришла к тебе удача».

Тем временем бедная женщина поднялась на ноги, держа дитя на руках, и собралась было идти своим путём, но чужестранка жестом остановила её и молвила: «Подожди немного и выслушай добрую весть». Она запустила руку в висящий у пояса кошель и извлекла оттуда новенькую золотую монету нобль*, и сказала так: «Вот что получишь ты, когда я присяду отдохнуть в твоём доме; когда же направлю я стопы свои прочь, найдутся для тебя ещё три, во всём схожие с этой, ежели останусь я тобою довольна».

Женщина поглядела на золото, и на глаза её навернулись слёзы; но рассмеялась она и молвила: «Комнату на час я тебе охотно могу предоставить, а в придачу и воды колодезной, и ломтик хлеба с мышиную долю. Коли полагаешь ты, что всё это стоит три нобля, как могу я сказать тебе нет, ежели деньги эти могут спасти жизнь моей малютки. Но чего ещё ты от меня потребуешь?» «Немногого, – отвечала чужестранка, – а потому води меня прямо к своему дому».

Так ушли они с рынка; горожанка провела владелицу осла вниз по улице и через западные ворота города Аттерхей, что, кстати говоря, выходили на Эвилшо; так оказались они на беспорядочно застроенной улице за пределами стен, что тянулась до самого леса; у тамошних домов вид был отнюдь не жалкий, но поскольку столь близко подступали они к Дьявольским Угодьям, люди богатые не желали больше иметь с ними дела, и жилища достались бедноте.

И вот, остановившись у своего дома, горожанка взялась за щеколду и рывком распахнула дверь; и протянула руку госте, говоря: «Не отдашь ли ты мне сейчас первую золотую монету, ибо отдыхать ты сможешь столько, сколько захочешь?» Владелица осла вложила монету в раскрытую ладонь, и женщина взяла нобль, и приложила его к детской щёчке, а затем поцеловала и монету, и ребёнка; и повернулась к чужестранке, и сказала: «Что до твоей выючной скотинки, ничего-то у меня для неё не найдётся, ни сена, ни зерна: лучше тебе оставить осла за порогом». Незнакомка кивнула в знак согласия, и все трое вместе вошли в дом: мать, дитя и гостя.

Горница* оказалась достаточно просторной, хотя скудным было её убранство, а именно: табуретка, кресло тисового дерева, небольшой столик и сундук; в очаге не горел огонь, и только белый пепел, оставшийся от нескольких жалких веточек, лежал тонким слоем; но поскольку на дворе стоял июль, значения это не имело.

Гостья уселась в кресло, а бедная женщина осторожно опустила дитя на пол и подошла к незнакомке, и застыла перед нею, словно ожидая приказаний.

И молвила чужестранка: «Горница твоя с виду отнюдь не убога, и не тесна нисколько; а дитя твоё, что, как вижу я, женского полу, и потому, верно, не скоро тебя покинет, хорошо сложено и собою пригоже. Да и для тебя наступят лучшие дни, как кажется мне; я уж помолюсь о том».

Всё это проговорила она голосом ласковым и вкрадчивым, и лицо бедной женщины смягчилось, и очень скоро из глаз её на стол закапали слёзы, но ни слова не произнесла она в ответ. Гостья же достала не три нобля, но все четыре, и разложила их на столе, говоря: «Ло*, друг мой, вот три нобля, что я тебе посулила! Теперь они твои; но этот ты возьми и потрать для меня. Ступай обратно в город, и купи мне белого хлеба, да смотри, лучшего; и мяса самого отборного, или пулярку*, если найдёшь, уже приготовленную и приправленную; а к ним в придачу самого доброго вина, что только можно купить за деньги; и сладостей для твоей малютки. Когда же вернёшься ты, мы посидим да отобедаем вместе. А после, вкусив вдоволь и еды, и питья, мы измыслим что-нибудь ещё во благо тебе».

Зарыдав, женщина опустилась перед гостьей на колени, но ни слова не смогла выговорить, до того переполнено было её сердце. Она расцеловала чужестранку руки, и взяла деньги, и поднялась, и подхватила ребёнка, и осыпала бессчётными поцелуями тельце девочки там, где его не прикрывали лохмотья, а затем поспешила прочь из дома, вверх по улице и через ворота; а гостья осталась сидеть на месте, прислушиваясь к её шагам, пока шаги не стихли; теперь тишину нарушали только отдалённый гул рынка да лепет девочки.

Тогда встала гостья, и подхватила ребёнка с полу, малютка же отбивалась и плакала, и звала мать, насколько позволяла несвязная её речь; но чужестранка принялась по-доброму увещевать крошку, говоря: «Тише, милая, ты только слушайся; сейчас мы пойдём и поищем маму», – и дала ребёнку леденец из заплочного мешка. Затем она вышла за двери, ласково приговаривая: «Погляди, какой славный ослик! То-то весело мы на нём прокатимся прямо к матушке!»

Затем она уложила дитя в корзину, на мягкую подушку, а сверху укрыла шёлковой тряпичей, чтобы девочке было уютно. И взяла она осла под уздцы, и пошла своим путём через пустошь к Эвилшо; ибо, как легко можно догадаться, там, где кончались дома и улица, кончалась и утоптанная тропинка.

Шла она быстро и неслышно; только трое прохожих встретились ей по пути; когда же они увидели незнакомку и поняли, что направляется она к Эвилшо, каждый из них отворотился, и осенил себя крестом, и прошёл поскорее мимо. Никто не попытался остановить чужестранку, никто с нею не заговорил, и ни разу не услышала она шагов преследования у себя за спиной. И обедню не успели бы отслужить, как чужестранка уже оказалась среди деревьев со своим ослом, с покупками и с добычей.

Но и там она не остановилась, однако пошла вперёд как можно быстрее, дабы оказаться как можно дальше, прежде чем застанет её в пути ночь. И что бы там ни говорили о сомнительных созданиях, каких доводилось людям увидеть в Эвилшо, об этой женщине сказать следует, что никто ей в чаще не встретился хуже её самой.

Глава II

А теперь рассказ пойдёт о доме у воды

Четыре дня брели они по лесу, и ничего не случилось с ними в пути, о чём бы стоило рассказать. Ведьма (ибо именно ведьмой оказалась чужестранка) кормила похищенное дитя досыта и в должное время, и порою ласкала малютку, и приветливо с нею разговаривала; а порою вынимала ребёнка из корзины и сажала верхом на осла, и таким манером осторожно

поддерживала; а порою, когда случалось путникам набрести на поросшие травой и цветами поляны, колдунья спускала девочку на землю и давала вволю побегать, пособирать цветы и ягоды. Кому горе, а малютка радовалась, столько всего нового и дивного встретилось ей в лесу.

Наконец, на исходе пятого дня, когда уже долго пробирались они сквозь густую чащу, меж дальних стволов забрезжил смутный свет, что разгорался всё ярче и ярче, словно новый, залитый лучами мир лежал впереди. Туда и направились путницы, и очень скоро, ещё до того, как солнце село, вышли к берегу, далее которого до самого горизонта простиралась бескрайняя водная гладь, как если бы глазам странников предстал океан, – только вода была пресной. Однако же менее чем в полумиле от берега виднелись два островка, как это бывает в солёных морях; один из них, зелёный, в изобилии поросший кустами, невысоко поднимался над водой; другой же, к востоку от первого и ближе к берегу, высился бесплодной скалою.

Там, где кончался лес, от опушки до озера раскинулась великолепная травяная равнина – местами она достигала целого фарлонга* и более, местами заметно суживалась, а кое-где деревья подступали к самой воде. Выйдя из чащи, путницы оказались на самом широком участке равнины: там протянулась изрядная полоса зелёного дёрна в форме недавно народившейся луны; позади частоколом ограждал её строй деревьев, к югу лежало озеро, а лес – к северу. Тут и там виднелись огороженные клочки возделанной земли: здесь колосились высокие зелёные стебли пшеницы; однако большая часть равнины являла собою благоуханный луг, и паслось там славное стадо коз, а в придачу к ним пять коров и бык на привязи. Через весь луг струился прозрачный ручей и, петляя, убегал к озеру, а у самого русла ручья, в двух полётах стрелы от воды, высился холм – там-то, среди овощных грядок, и стоял домик, сложенный из крепких брёвен. Прямо перед домом крутой берег озера, обрываясь, переходил в отлогий плёс, и медового цвета песок языком вклинивался в луговую траву.

Колдунья направилась напрямик к двери помянутого дома, словно здесь и жила, а именно так оно и было. Она распахнула дверь и сняла с осла поклажу, а в первую очередь спящую малютку; ведьма растолкала девочку, и внесла в дом, и благополучно опустила на пол; и не обращая внимания на её плач, принялась хлопотать по хозяйству: разжигать огонь, доить козу и накрывать на стол. Закончив дела, она досыта поела сама и накормила ребёнка; и никогда впредь не скупилась она на еду для девочки, как бы ни тиранила её в остальном.

Глава III

О магическом перевоплощении

Вот ещё о чём следует помянуть здесь: когда следующим утром колдунья вышла одетой на середину горницы, дитя подбежало к ней поздороваться или за чем другим, но тотчас же, разглядев поближе, отпрянуло назад и замерло, задохнувшись от страха; ибо показалось малютке, что перед нею совсем не та, что прошлой ночью привела её в разубранную комнату, и дала хлеба и молока, и уложила спать, но кто-то другой. Ибо исчезли без следа чёрные космы и изогнутый нос, и горящие ястребиные глаза; правду сказать, что ведьма осталась высокой и сильной, как давеча, и с виду примерно того же возраста; но на этом заканчивалось всякое сходство со вчерашней хозяйкою дома. У этой женщины с головы волною сбегали рыже-золотистые кудри и шурились карие глаза-щёлочки, удлинённые и хитрые. Высокие скулы были у неё, тонкие губы и острый подбородок, плоская грудь и узкие бёдра; и румянец не играл на ослепительно-белой коже.

Ведьма расхохоталась над ужасом ребенка и молвила (и, по крайней мере, голос её остался прежним): «Ах ты, глупый зверёныш! Знаю, что тебя пугает, а именно: полагаешь ты, что я изменилась. Так скажу тебе, что я та самая, что принесла тебя сюда прошлой ночью и накормила; а перевоплощения мои – не твоё дело, ибо, в конце концов, кто как не я стану отныне защищать тебя от голода и непогоды; этого знания на сегодня с тебя и довольно. А

теперь тебе следует есть да спать, играть да вопить, дабы поскорее ты выросла и научилась исполнять мою волю».

С этими словами колдунья вывела девочку на солнечный свет и привязала к молодому ясеню, что рос у двери, чтобы ребёнок никуда не делся, пока сама она занята в поле и на лугу.

Но что до магического перевоплощения, впоследствии девочка узнала: ведьма не смела появляться в лесу в том же облике, в каком показывалась дома; потому, собравшись в Аттерхей, она изменила вид свой, а ночной порою, прежде чем встать, вернула себе былой облик.

Глава IV

О том, как подрастало похищенное дитя

Эта малютка, что отныне и впредь зваться будет Заряночкой* (хотя колдунья редко обращалась к ней с этим именем; впрочем, и ни с каким другим не обращалась), стала жить там промеж воды и леса, никого не видя, кроме помянутой ведьмы, что, как уже говорилось, кормила девочку вволю, но до поры никак более с нею не занималась. Потому Заряночка бродила сама по себе, в сущности, где хотела, чаще же всего – по лесу, ибо леса ничуть не боялась; впрочем, и ничто на свете не внушало ей страха, кроме колдуньи. Малютка узнала о повадках и обычаях всех живых созданий вокруг себя, и даже трава и цветы стали её друзьями, и в помыслах своих она складывала про них сказки; и дикие звери ничуть её не опасались, и птицы слетались к её руке, и играли с нею, и любили её от души. Прелестная подрастала девочка, румяная и крепкая, и весела была, словно птицы на ветке; и когда приключалась с нею беда, ибо ведьма нередко являла ей свой скверный нрав, крошка столь же легко переносила горе, как и её пернатые друзья.

Так шли годы, и вот подросла она, и стала статной и стройной, и исполнилось ей двенадцать зим; и была девочка гораздо более крепкой и ловкой, нежели могло показаться на первый взгляд. Обнаружив это, колдунья не преминула воспользоваться сноровкой своей невольницы. Ибо Заряночка и в самом деле превосходно знала всё, что касается до леса и поля, а также и воды отчасти (хотя никогда не доводилось ей видеть в тех местах лодки), ибо выучилась она плавать сама по себе, как это делают утки.

Но теперь госпожа Заряночки вознамерилась учить её исполнять тяжёлую работу, и труден оказался урок, поскольку наставляли девочку хлыстом и розгой; она же порою выказывала упрямство в обращении с колдуньей, ибо казалось пленнице, что женщина эта не любит её. Как бы то ни было, стало в девочке расти подозрение, что с хозяйкой не всё ладно; и хотя боялась ведьму Заряночка, не доверяла она госпоже своей и не почитала её. В противном случае быстро выучила бы она урок, ибо отнюдь не была нерадивой бездельницей, и труд любила, даже тяжёлый и утомительный, но противу гнева и злобы ожесточала своё сердце.

Следует помянуть, что хотя жили они с колдуньей в полном одиночестве, каким-то образом Заряночка проведала, что не одни они на свете, и узнала, что есть ещё мужчины и женщины, и молодые, и старые. Этому, вне сомнения, научила девочку сама ведьма, намеренно или нечаянно; ибо хотя обыкновенно бывала колдунья неразговорчива, тем не менее временами язык её развязывался, и рассказывала она Заряночке повести о мужах и жёнах, о королях, воинах и рабах, и о прочих обитателях внешнего мира, пусть только того ради, чтобы напугать дитя. Вот так-то; когда же ведьма бранила Заряночку либо замахивалась на неё, случалось ей обронить слова, что девочка сохраняла в памяти и, сопоставляя одно с другим, становилась мудрее. Более того, принадлежала она к роду Адамову, и сердце её вобрало многие истины с молоком матери и кровью отца, а сердце и ум пленницы росли и крепили так же, как и её тело. Вот в чём ещё была мудра она, а именно: знала, как не попасться под горячую руку, и потому зачастую обретала в лесу приют более надёжный, нежели под кровом дома. Ибо теперь

Заряночка знала, что колдунья ни за что не войдёт под сень чащи; потому всей душою любила девочка лес и целыми днями пропадала там, ежели удавалось.

Так жила она, не вовсе чужда радости, ибо земля стала ей другом и утешала её в минуты скорби; и вскорости сделалась Заряночка стойкой и сильной и умела справляться с горем, не позволяя себе впасть в отчаяние.

Глава V

О Заряночке и о том, как она повзрослела и вступила в пору девичества

Дни сменяются один за другим; так тянется год за годом, и вот уже Заряночка превратилась в милую девушку семнадцати лет; и жизнь её текла не вовсе безотраднo, хотя ведьма отчасти обузда в ней беспечную радость детства, и ходила девушка по земле поступью спокойной и размеренной, словно неизменно погружена была в глубокую задумчивость. Однако же поистине нельзя утверждать с полной уверенностью, будто серьёзное лицо её и печальный взгляд явились только лишь принадлежностью красоты, что по мере того, как уходило детство, озаряла наступающую пору юности и девичества. Но вот что можно сказать наверняка: примерно в это самое время смутные предчувствия, подсказавшие девушке, что не дано ей любить и чтить свою госпожу, обрели форму более отчётливую и легли ей на сердце бременем, от которого ни на мгновение не удавалось Заряночке избавиться. Ибо понимала пленница, что не принадлежит себе, что стала она собственностью и орудием той, которая не только обращалась с нею как с рабыней в недалёком прошлом, но замыслила сделать из неё существо проклятое, вроде себя самой, и при её помощи заманивать в ловушку сынов Адама. Девушка осознавала, хотя и смутно, что госпожа её воистину средоточие зла и что оковы этого зла сковали и её, Заряночку.

Вот ещё что подметила девушка уже давно: то и дело, может статься, раз в две луны, колдунья под покровом ночи поднималась с постели, выходила из дома и пропадала где-то день, или два и три, а порою и больше, и возвращалась утомлённая и усталая; но ни разу не помянула она о том невольнице ни словом. Однако зачастую, отправляясь по своим таинственным делам, ведьма, прежде чем переступить порог комнаты, подходила к ложу Заряночки (а пленница спала на низенькой кровати, из тех, что бывают у подмастерьев и задвигаются на ночь под кровать хозяина) и склонялась над девушкой, проверяя, спит та или нет; но даже в такую минуту объятый паническим ужасом Заряночке удавалось притвориться спящей. Позже в голову девушки не раз приходила мысль подняться и последовать за ведьмой, едва та выскользнет за дверь, и поглядеть, куда уходит она и что поделявает, но страх останавливал Заряночку, и она оставалась дома.

А среди всех этих размышлений рождалась в девушке надежда, что в один прекрасный день ей удастся убежать из рабской неволи. Порою, наедине с собой под надёжной защитой леса, она предавалась этим мечтам; но радость надежды вызвала в душе Заряночки такое смятение, что справиться с бурным этим чувством бедняжка не могла; земля словно бы вздымалась ей навстречу, и леса кружились перед её взором, так, что девушка не могла устоять на ногах, но без сил опускалась в траву и лежала так, безутешно рыдая. А затем чаще всего жар в крови сменялся леденящим холодом, и девушка начинала бояться, что однажды ведьма заметит ликующий отблеск заветной надежды в глазах пленницы и поймёт, что это значит, либо случайно сказанное слово ненароком выдаст непокорную; и воображение немедленно подсказывало Заряночке, что тогда с нею станет, а это нетрудно было себе представить, и картины эти являлись несчастной снова и снова, пока не обессиливали и не изматывали её совершенно.

Но тревожные эти мысли, хотя и не покидали девушку ни на миг, не столь часто терзали её невыносимой мукой, но скорее отзывались тупой болью, что приходит после того, как заты-

нется рана: ибо воистину приходилось Заряночке трудиться от зари до темна, и ничуть она на это не сетовала, ибо работа облегчала для неё пытку надежд и страхов и даровала крепкий сон и радостное пробуждение. Коров и коз полагалось невольнице доить; и пахать, и сеять, и жать в поле, в зависимости от времени года; и уводить скот на лесные пастбища, когда луговые оказывались затоплены либо выжжены солнцем; она же должна была собирать плоды сада и орехи – в лесу, а в сентябре отрясать с веток каштаны. Она сбивала масло и сыр, молола зерно на ручной мельнице, замешивала и пекла хлеб – словом, зарабатывала себе на пропитание тяжким трудом. Более того, девушка выучилась искусству стрельбы из лука и по приказу госпожи своей отправлялась то и дело в чашу, чтобы подстрелить оленя либо косулю и добыть свежей дичины; но и на это Заряночка нимало не сетовала, ибо в лесах обретала она покой и мир.

Правда и то, что порою, как брела она сквозь чашу, или по прогалине, или по лесной поляне, вдруг охватывала её робость; тогда девушка старалась ступать легко и неслышно, чтобы шорох листьев или треск сучка не растревожили неведомых созданий в человеческом облики, дьяволов, или проклятое ныне божество, или деу народа Фаэри*. Но если и впрямь скрывались в лесу подобные создания, либо мудры они были и предпочитали не показываться на глаза, либо добры и не желали пугать простодушную девушку; а может статься, и не осталось их вовсе в те времена. Как бы то ни было, никакое зло не коснулось Заряночку в Эвилшо.

Глава VI

Здесь рассказано об одежде Заряночки

Высока и стройна ныне милая Заряночка; загаром позлащены её обнажённые ноги там, где не прикрывает их жалкое серое рубище и ещё более жалкая нижняя сорочка, что и составляют все её одежды, кроме как в непогоду; тогда, правду сказать, к облачению девушки добавляется плащ из козлых шкур. Колдунье дела не было до того, во что одевается её служанка; да и Заряночку не настолько это заботило, чтобы отважилась она навлечь на себя гнев госпожи, обратившись к ней с просьбой.

Но как-то раз однажды по весне, когда ведьма пребывала в лучшем расположении духа, нежели обычно, ибо день стоял погожий и тёплый, хотя февраль только-только ещё близился к концу, Заряночка, краснея и стыдясь, робко попросила об одежде, что более пристала бы женщине. Колдунья же, оборотившись к ней, угрюмо молвила: «Тьфу, дитя! – это ещё на что? Нет тут мужчин, и некому на тебя заглядываться. Я уже сама позабочусь, чтобы к должному времени сделалась ты холёной да ладной. Но послушай-ка! Ты девчонка сноровистая; возьми оленью шкуру, что висит вон там, да пошей себе башмаки на ноги, ежели хочешь».

Так и поступила Заряночка, и скроила башмачки, подогнав их по ноге; но, пока сшивала она кожу, пришла девушке в голову новая причуда. Совсем недавно попались ей под руку шёлковые нити разнообразных оттенков; и вот унесла она шёлк, и башмачки, и иголку в лес, и устроилась под огромным раскидистым дубом, где частенько сживала, и радостно принялась расшивать мягкую оленью кожу. Немало времени потребовалось Заряночке; и на следующий день вернулась она к вышиванию, и ещё на следующий, и ещё много дней подряд трудилась девушка над башмачками, как только выдавалась у невольницы свободная минутка, и однако же далеко оставалось работе до завершения.

И вот однажды утром ведьма, расхаживая по дому, глянула на ноги пленницы и раскричалась: «Что, до сих пор боса, словно курица? Или испортила ты добрую оленью шкуру и осталась без обуви?» «Нет, госпожа, – отвечала Заряночка, – но башмаки не вовсе ещё готовы». «Покажи мне, что есть», – велела ведьма.

Заряночка отправилась к крохотному своему сундучку и принесла башмачки не без робости, ибо не знала, как отнесётся госпожа к тому, что трудится служанка над обувью столь долго; только ли выбранит или ещё и накажет, ибо даже в те дни ведьма порою поднимала на девушку

руку. Но когда хозяйка взяла башмачки и рассмотрела их и увидела, что вышиты по коже дубовые листья, и цветы, и кролики, и белки, она только улыбнулась Заряночке как-то мрачно и молвила: «Ну вот и выходит, что дурочка ты, раз тратишь своё время и моё на такие игрушки; и заслужила ты по справедливости хорошей порки. Однако поступаешь ты так согласно природе земных женщин, дабы украсить тело своё, а дальше – хоть трава не расти. И хорошо; ибо хочу я, чтобы поскорее проявилась в тебе женщина; ужо помогу я тебе принарядиться, раз обращаешься ты с иглой столь умело».

С этими словами направились ведьма к тяжёлому сундуку и извлекла оттуда отрез зелёной ткани и ещё превосходного льняного полотна, и сказала Заряночке: «Возьми вот это, и пошей себе платье и новую сорочку, и ужо укрась их на славу, как свою новую обувку, ежели пожелаешь; вот ещё тебе в придачу». И вручила она девушке две горсти шёлковых и золотых нитей, и молвила: «Пока мастеришь ты себе франтовские наряды, мне, верно, ничего не останется, как взять на себя большую часть твоей работы. Однако кто знает: глядишь, и забредёт сюда кто-нибудь вскорости, и сочтёт пташку ещё краше благодаря ярким пёрышкам. Теперь ступай от меня прочь; я же примусь работать за двоих и размышлять о делах великой важности».

И кто же обрадовался, как не Заряночка; она порозовела от неожиданного счастья, и опустилась на колени, и поцеловала ведьме руку, а затем пошла себе в лес со своей бесценною ношей, и трудилась под заветным дубом день за днём, ни одного не пропуская: либо там, либо в доме, ежели непогодилось. Случилось всё это в середине марта, когда распевали птицы, на боярышнике распускалась молодая листва, так что казалось, будто бледно-зелёные облака легли между могучими серыми стволами дубов и каштанов; а у озера только что пробившийся из-под земли луговой шафран открывал бутон за бутоном. Но вот закончился март, а за ним и апрель, а девушка всё ещё работала себе, весьма тому радуясь; и вот май стал клониться к концу, и на склоне холма прямо перед взором Заряночки пышным цветом расцвели колокольчики.

На всё это время ведьма предоставила Заряночку самой себе и не поручала ей никакой тяжёлой работы в поле или по дому, но всё исполняла сама; однако неразговорчивой сделалась она с девушкой и порою поглядывала на неё грозно. И вот как-то вечером, когда Заряночка возвратилась из леса, ведьма подступила к ней и уставилась прямо в лицо ей, и сказала вдруг: «Не затаила ли ты в сердце желания бежать от меня прочь и меня покинуть?»

Страх острой болью пронзил сердце Заряночки при этих словах, и вспыхнули её щёки, а в следующее мгновение все краски сбежали с её лица, однако девушка вымолвила-таки: «Нет, госпожа моя, нет в моём сердце такого желания». Ведьма окинула её свирепым взглядом и молвила: «Ежели попытаешься бежать и не удастся тебе, то пожалеешь ты об этом только раз, зато на всю жизнь; а что не удастся тебе, так иначе и быть не может». На этом умолкла колдунья, а затем добавила более мягко: «Потерпи да поживи со мною ещё немного, а впоследствии найдутся у тебя причины радоваться, и очень скоро уже».

Ничего более не сказала ведьма в тот раз; но речи её ранили душу девушки; и ещё долго после того Заряночка ощущала гнетущее бремя страха, и не знала она, как вести себя перед колдуньей. Но дни шли себе за днями, и ничего не происходило, и на сердце у девушки полегчало; по-прежнему трудилась она над сорочкой и платьем, и работа близилась к концу. Платье украсила искусница розами и лилиями; от кромки юбки в самой середине полотнища поднималось высокое дерево, а по обе его стороны мордочками друг к другу застыли лани. Сорочку же на груди и вдоль края изящно расшила она веточками да бутонами. Июль перевалил за середину, и дни стояли ясные и жаркие.

Глава VII

О приключении Заряночки в лесу

Однажды отправилась девушка в лес и устроилась под заветным дубом, а место это находилось слишком далеко от приозёрного луга, чтобы возможно было разглядеть оттуда вышивальщицу; в чаще же никого не ожидала встретить Заряночка, кроме кроликов и белок, что, правду сказать, весьма к ней привыкли и ничуть гостью не боялись, так что даже подходили к её руке и играли с нею, когда девушка их подзывала. По этой причине, и поскольку день стоял до крайности жаркий, она сбросила свою незамысловатую одежду, дабы насладиться сполна тенистой прохладой, и случайным дуновением ветерка, и ласковым прикосновением трав к самому телу. Так сидела она и шила, прикрытая лишь полою зелёного платья, что расписывала иглою, словно кистью.

Дело близилось к полудню; пока же сидела девушка под дубом, поглощённая своим занятием, склонив голову над вышивкой, донёсся до неё лёгкий шелест, словно бы кто-то направлялся прямо к ней. Заряночка не придавала тому значения, полагая, что это бродит, должно быть, дикая лань. Но вдруг услышала Заряночка, как кто-то негромко произнёс её имя. Задрожав всем телом, девушка вскочила на ноги, полагая сперва, что ведьма пришла за нею; однако ещё более испугалась вышивальщица, когда увидела, что стоит перед нею некто в образе юной женщины, обнажённой, как и она сама, только бёдра незнакомки охватывал венчик из дубовых листьев.

Незнакомка, что теперь подошла совсем близко, улыбнулась девушке и проговорила голосом нежным и ласковым: «Ничего не бойся, Заряночка, ибо думаю я, что ты найдёшь во мне друга; а на то похоже, что очень скоро друг тебе весьма понадобится. А кроме того, вот что скажу тебе, – продолжала она с улыбкой, – раз уж я не боюсь тебя, не след и тебе меня пугаться». Отвечала Заряночка, тоже улыбаясь: «Правда это, что не страшна ты с виду ничуть». Незнакомка рассмеялась от души и молвила: «Так не славно разве, что повстречались мы в лесной чаще? И обе мы – словно облаканные землею дети. Так не сыграть ли нам в игру?» «В какую игру?» – спросила Заряночка. Молвила дева в венке из дубовых листьев: «А вот в какую: сперва ты расскажешь мне, какою кажусь я твоему взору, раз уж ты меня испугалась; когда же закончишь ты, я тебя опишу».

Молвила Заряночка: «Для меня это куда как непросто; не с чем мне сравнить тебя, ибо, ежели не считать твоего появления, никого-то я не видела, кроме госпожи моей, той, что живёт в Доме у Воды». – «Ладно же, – отозвалась незнакомка, – тогда я начну и первая расскажу тебе, какова ты, и наставлю, как вести речь касательно меня. Но ответь, доводилось ли тебе когда-либо видеть себя в зеркале?» – «Что это за вещь?» – переспросила Заряночка. «То полированный кружок из стали либо другого светлого металла, – пояснила лесная дева, – что воспроизводит правдиво облик стоящего перед ним».

Отвечала Заряночка, покрасневшись при этих словах: «Есть у нас в доме широкое латунное блюдо, и, помимо прочих дел, возложена на меня обязанность полировать его и начищать; однако не удаётся мне начистить блюдо так, чтобы сумела я разглядеть себя в нём толком; и всё же...» – «Что такое?» – переспросила лесная дева. Отозвалась Заряночка: «Я скажу тебе, как только сыграешь ты свою роль до конца».

Рассмеялась незнакомка и молвила: «Хорошо же; теперь я стану твоим зеркалом. Вот какова ты: стоишь ты передо мною статной и стройною девушкой, немного хрупкой, как подбавляет твоим семнадцати зимам; там, где тело твоё открыто солнцу, как, скажем, шея, и руки, и ноги ниже колен, – там позлащено оно загаром оттенка самого приятственного, в прочих же местах кожа твоя так нежна и чиста, так ласкает взгляд белизною, словно играет на ней лучистый солнечный блик, исполняющий обещания земли. Руки твои и плечи округлятся и похо-

рошеют ещё больше, едва минует ещё лет пять, однако милее, чем сейчас, едва ли станут, столь крепки они и безупречны, как есть. Грудь твоя невысока, как и пристало девушке столь юной, однако достаточно полна; и никогда не станет прекраснее, нежели сейчас. Изящна посадка твоей головы, что венчает высокую, замечательной формы шею, позлащённую солнцем, как уже сказала я ранее. Волосы твои каштановые, однако скорее отливают золотом, нежели темны; и ага! – теперь, когда ты их распустила, спадают мягкой волною по обе стороны высокого чистого лба и до плеч, и не кончаются у пояса, однако не скрывают твоих колен, и статных стройных ног, и крепких, чётко очерченных ступней и лодыжек, что столь же отражают душу твою и сердце, и столь же послушны и проворны, как запястья твои и ладони, и во всём им под стать. Перейдём же к лицу твоему: ниже чистого лба находится соразмерный нос, не велик и не мал он, с изящно вырезанными ноздрями; глаза твои серы, словно у ястреба, но добры и серьёзны, ничего в них нет свирепого либо обманного. Ага! – вот теперь, когда ты опускаешь взгляд, лицо твоё столь же прекрасно, как и с открытыми глазами, столь гладки и нежны эти веки, опушённые длинными, густыми ресницами. Распахнуты широко посаженные глаза твои, и никто не скажет, будто не можешь ты посмотреть людям в лицо. Щёки твои в один прекрасный день станут тенётами для неосторожного; однако не так округлы они, как предпочли бы многие, но не я, ибо трогательны они несказанно. Изящно выточена та маленькая впадинка, что пролегла от носа до губ, и мила на диво, и больше силы заключено в ней, нежели в ласковом слове. Губы твои самой правильной формы, однако скорее тонки, нежели полны; не всем это понравилось бы, но мне по душе, ибо вижу я в том свидетельство твоей отваги и дружелюбия. Воистину тот, кто изваял точёный твой подбородок, замыслил создать шедевр, никак не менее, и преуспел в задуманном. Велико искусство задумавшего тебя; знать, желал он, чтобы всяк, кто поглядит на тебя, дивился глубине твоих мыслей, разумности твоей и доброте. О, девушка! – верно ведь, что помыслы твои неизменно глубоки и серьёзны? Однако мне по крайней мере известно, что чисты они, и искренни, и прекрасны.

Друг мой, когда появится у тебя зеркало, кое-что из этого ты и сама увидишь, однако не всё; а когда появится у тебя возлюбленный, многое ты услышишь, однако опять-таки не всё. Но вот подруга твоя сумеет поведать тебе всю правду, ежели, конечно, будут у неё глаза, как у меня; однако же ни один мужчина не успеет рассказать тебе всего этого, как охватит его любовь и обратит его речи в сумасбродство любви и безумие желания. Итак, я свою роль сыграла и поведала тебе, какова ты; теперь твоя очередь рассказывать про меня».

Некоторое время Заряночка стояла молча, раскрасневшаяся и смущённая, то и дело окидывая застенчивым взглядом свою фигуру там, где удавалось ей себя рассмотреть. Но вот, наконец, заговорила она: «Чудная подруга, я бы исполнила твою волю, однако же неискусна я в речах, ибо поговорить доводится мне нечасто, разве что с птицей да с диким зверем, а они не могут научить меня человеческому языку. Однако скажу я вот что: странно мне слышать, как зовёшь ты меня прекрасной да милой, ибо госпожа никогда мне ничего подобного не говорит, да и вообще никак не отзывается о моём облике, разве что в гневе, а тогда это: «Дрянь!» – и «Мешок с костями!» – и «Когда же проявится в тебе женщина, тощий ты эльф?»» Незнакомка рассмеялась по-доброму этим словам, и протянула руку, и погладила девушку по щеке. Заряночка поглядела на неё весьма жалобно и молвила: «Но теперь должна я принять твои слова на веру, ибо ты так добра ко мне и при этом сама столь прекрасна. Послушай: ведь сердце моё преисполнилось радости при мысли, что и я хороша собою и, стало быть, похожа на тебя. Ибо вот ещё что скажу я тебе: ничего не встречала я ни в лесу, ни в поле, что красотою могло бы сравниться с тобою, на мой неискушённый взгляд; ни фритиллярии* близ устья нашего ручья, ни ивовые ветви, что овевают Зелёный Остров, ни дикая кошка, что резвится на поляне, не замечая меня; ни белая лань, что поднимается из травяных зарослей поглядеть на своего оленёнка; ничего из того, что растёт и движется. Однако вот ещё что должна я сказать тебе, а именно: всё, что сказала ты мне о моем облиции, – всё то же самое, ежели не считать

чудных твоих слов, от которых на глаза у меня наворачиваются слёзы, – всё это повторила бы я о тебе. Погляди-ка! Вот я беру прядь твоих волос и прикладываю её к своим, и невозможно отличить, какие – чьи; мягкая волна локонов прильнула к чистому твоему лбу, как сказала ты о моём; серые, словно у ястреба, глаза твои широко посажены, и заключена в них глубокая задумчивость и бесконечная нежность, как молвишь ты про меня; соразмерен точёный нос твой; и щёки твои чуть впалые, а прелестные губы немного тонки, а округлый твой подбородок столь безупречно изваян, что лучше и не сделаешь. А о теле твоём скажу я то же, что и ты о моём, хотя сдаётся мне, этим рукам довелось потрудиться больше, нежели твоим. Но погляди-ка! – вот стоят рядом твоя нога и моя; и рука твоя словно бы часть моего тела. Стройна ты и хрупка, и едва ли не худощава; думается мне, госпожа и тебя обозвала бы мешком с костями. Кто ты? Уж не родная ли моя сестра? Уж как бы мне того хотелось!»

Тогда обратилась к Заряночке та, что казалась её отражением, и молвила, ласково улыбаясь девушке: «Что до сходства нашего, это ты верно сказала: так мы схожи, словно бы отливали нас в одной форме. Но не сестра я тебе по крови, нет; и упрежу тебя сразу же, что я не из рода Адамова. А что я такое, это долгая история, и сейчас недосуг её рассказывать; однако ты можешь называть меня Абундией*, как я зову тебя Заряночкой. Правда и то, что не всякому покажусь я в прелестном твоём облики; однако не пугайся и не почитай меня такою же, как госпожа твоя; потому что какова я сейчас, такою я для тебя останусь навсегда».

Отозвалась Заряночка, в тревоге на неё глядя: «Да, да; и ведь увижу я тебя снова, правда? Иначе так горько мне придётся, что лучше бы мне и вовсе не привелось с тобою встретиться». «Всене непременно, – отвечала Абундия, – ибо и сама я очень хочу видетсья с тобою почаще. Но сейчас следует тебе немедленно отправиться домой, ибо ныне госпожа твоя в прескверном расположении духа и сожалеет, что подарила тебе зелёное платье, и задумала наказать тебя, как только сыщёт повод».

Тогда под приветливым взглядом подруги оделась Заряночка, едва сдерживая слёзы. И молвила девушка: «Абундия, сама видишь: нелегко мне приходится; дай же мне добрый совет».

«Дам, – отвечала хозяйка леса. – Когда возвратишься домой, в хижину, притворись весёлой да порадуйся, что платье твоё почти готово; и будь к тому же до крайности осторожна. Ибо, думается мне, ведьма скорее всего полюбопытствует, что ты видела в лесу, и тогда, ежели дрогнешь ты или изменишься в лице, колдунья заподозрит о том, что произошло, а именно, что ты кого-то повстречала; тогда придёт ей в голову допросить тебя розгой. Но ежели не оробеешь ты и не подашь виду, тогда сомнения её немедленно развеются, и перестанет она злиться, и сделается с тобою помягче, и оставит в покое. Таков мой первый наказ, и касается он дня сегодняшнего; а вот тебе и второй, для тех дней, что не пришли ещё. Ты замыслила бежать от ведьмы; так ты и поступишь однажды, хотя, может статься, горько пожалеешь о содеянном; ибо ведьма хитра, и зла, и проницательна, однако правда и то, что не вовсе ненавидит тебя. Ты, верно, заметила, что никак не препятствует она тебе бродить по здешним лесам; и это потому, что колдунья знает, как знаю я: не здесь лежит для тебя дорога к спасению. Потому запомни: водным путём и не иначе суждено тебе отправиться в земли людей. Может, это и покажется тебе чудом; однако так оно и есть, и, вероятно, я смогу сказать тебе больше, когда будет время. Теперь же выслушай последние слова моего наказа. Ежели часто станешь ты приходить в лес, мы, надо полагать, ещё не раз столкнёмся друг с другом; но ежели я тебе понадобится и захочешь ты увидетсья со мною немедленно, – приходи сюда, и разведи костёр, и запали волос с моей головы, и я появлюсь; вот тебе прядь моих волос; теперь, когда ты одета, достань-ка нож из сумки да отрежь локон».

Так и поступила Заряночка, и спрятала прядь волос в суму; на том подруги расцеловались и обнялись; и Заряночка отправилась своим путём домой, к хижине, Абундия же вернулась в лес, туда, откуда пришла.

Глава VIII

О Заряночке и ведьме

Как предсказала Абундия, так с Заряночкой и случилось, ибо она вернулась домой лёгкой поступью, прикидываясь весёлой, раздумываясь, так что показалась ещё прелестнее и милее, чем обычно. Ведьма оглядела её с сомнением и несколько минут не отводила мрачного взора, а затем молвила: «Что это нашло на тебя, служанка моя; с чего бы это глядишь ты столь уверенно?» – «Ничего на меня не нашло, – отвечала Заряночка, – просто радуюсь тому я, что на дворе лето, а главным образом доброте твоей и твоему дару, и ещё тому, что почти закончила я работу над платьем, и очень скоро уже чудесные эти наряды заколышутся вокруг моих бёдер». И девушка подняла платье на вытянутых руках, и расправила юбку, и воистину вышивка была загляденье.

Колдунья презрительно фыркнула, и окинула девушку грозным взглядом, и проворчала: «Тоже мне бёдра! Мешок с костями! Соломинка ты жалкая! Ишь, голова у неё кругом идёт от собственной красоты, а ведь понятия не имеет, что такое пригожая женщина. Право же, начинаю я думать, что никогда ты не выровняешься, но останешься тощим эльфом на всю свою жизнь. Похоже, неразумно я поступила, позволив тебе даром потратить три-четыре месяца, когда бы работать тебе, как рабыне, пристало, ибо ни для чего иного, кроме как для рабской работы, не сгодишься ты».

Заряночка понурила голову и покраснела, однако улыбнулась краем губ и слегка покачалась из стороны в сторону, как колышется ветка ивы под порывами утреннего ветерка. Но ведьма взирала на девушку так угрюмо и злобно, что, искоса взглянув на госпожу, почувствовала невольница, как обрывается у неё сердце, и едва не изменилась в лице; однако совладала-таки со страхом.

Тогда рявкнула ведьма: «Была ли ты в лесу нынче?» – «Да, госпожа», – отозвалась девушка. Вопросила ведьма свирепо: «Что ты там видела?» Отвечала Заряночка, поднимая взгляд, с видом невинным и чуть испуганным: «Госпожа моя, видела я медведя, и преогромного, как брёл он через прогалину». – «А ты, конечно, не захватила ни лука со стрелами, ни ножа, – отозвалась ведьма. – Быть тебе битой, чтобы не забывала: жизнь твоя принадлежит не тебе, а мне». – «Нет, нет, прошу тебя, не гневайся! – воскликнула девушка. – Я далеко стояла, в самом конце, и не погнался бы зверь за мною, когда бы и заметил: не было в том опасности». Сказала ведьма: «Видела ли ещё чего?» – «Да, – отвечала Заряночка, разражаясь слезами, что сделать было нетрудно, ибо сказалось в ней напряжение, вызванное надеждой и страхом. – Да, видела я мою белую лань с оленёнком, – совсем рядом они прошли; а ещё две цапли пролетели к воде прямо над моей головою; и...» Ведьма резко развернулась и молвила: «Рабыня! Не видала ли ты нынче в лесу женщины?» – «Женщины? – переспросила Заряночка. – Какой такой женщины, госпожа моя? Уж не появилась ли в доме гостя и не отправилась ли прогуляться в лес?»

Ведьма внимательно присмотрелась к пленнице и припомнила, как та дрогнула и смешалась на днях, когда обвинили её в желании бежать; теперь же на лице у девушки читалось только изумление и ни следа растерянности, страха или вины, – так показалось колдунье. Потому ведьма поверила рассказу и успокоилась отчасти, и гнев оставил её, и заговорила она с Заряночкой приветливо, и молвила: «Теперь, служанка моя, когда я тебя выбрала, скажу тебе, что даром отдыхала ты эти месяцы, ибо и в самом деле стала ты более похожа на женщину и весьма выровнялась да округлилась. Однако же сенокос долее ждать нас не станет, и послезавтра надо бы нам взять в руки косы. Когда же всё будет сделано, можешь заниматься на свободе своим зелёным платьем, или чем захочешь, пока пшеница не поспеет; а тогда поглядим. Что скажешь на это?»

Заряночка подивилась отчасти словам столь милостивым, однако не сильно; ибо в сердце её проснулась отныне хитрость, способная противостоять коварству ведьмы; потому опустилась девушка на колени, и расцеловала ведьме руки, и молвила: «Нечего мне сказать, госпожа, кроме того разве, что благодарю тебя снова и снова за теперешнюю доброту твою ко мне; отрадно мне будет работать для тебя на сенокосе либо где пожелаешь».

И в самом деле, столь легко сделалось у девушки на душе оттого, что спаслась она от руки ведьмы на этот раз, а тем паче оттого, что появилась у неё подруга такая добрая да милая, как лесная дева, что сердце Заряночки потянулось и к госпоже тоже, и готова была девушка полюбить и её.

Глава IX О купании Заряночки

Утро следующего дня выдалось погожим и ясным; Заряночка поднялась спозаранку, ещё до рассвета, и задумала устроить себе праздник, прежде чем снова придётся ей гнуть спину в поле, раз уж ведьма к ней подобрела. Потому надела Заряночка свои изящные башмачки, и новые одежды тоже, хотя зелёное платье не вовсе ещё было закончено, и сказала себе, что решит, как бы провести свободный день, когда искупается.

Потому спустилась она к озеру и, стоя по колено в воде на неглубокой песчаной косе, о которой речь шла ранее, поглядела в сторону Зелёного Острова, и пришлось девушке в голову сплывать туда, что частенько проделывала она и прежде. Ни дуновения ветерка не ощущалось в воздухе после душной ночи, на поверхности воды лежал лёгкий туман, а вдали поднимался зелёный силуэт острова.

Заряночка оттолкнулась от берега и поплыла, уверенно рассекая неподвижную воду, а тем временем над землёю вставало солнце, и едва ухватила она рукою за ветви островных ив, на воду лёг широкий луч; и влажные плечи девушки, поднявшись над водою, обратились в солнечной дорожке в чеканное золото. Заряночка выбралась на сушу и вскарабкалась по отлогому берегу, и теперь стояла среди благоуханного луга, роняя капли воды на душистые травы. И обернулась она назад, и поглядела в сторону зелёной равнины, различая вдалеке дом и опушку леса, и вздохнула, и проговорила тихо: «До чего жаль покинуть это всё! Что, если в других краях не лучше, да притом и не столь красиво?»

На том повернула она вглубь милого её сердцу острова, от которого ничего, кроме добра, не видела; и расплела косы, и распустила волосы, так что концы прядей смешались с венчиками цветов, и побрела неспешно к центру острова, в густое разнотравье.

Обычно Заряночка доходила до холмика, где мягкий дёрн в ту пору пестрел цветами: росли там и белый клевер, и фиалка, – и устраивалась на земле в тени высокого боярышничкового куста с витым и изогнутым стволом. Однако в тот день другая мысль пришла ей в голову, и повернула она, не дойдя до боярышника, и направилась через весь остров (что был в том месте шириною не более фарлонга), и спустилась к южному берегу. Там девушка осторожно сошла в воду, и оттолкнулась, не тратя времени, и поплыла всё вперёд и вперёд, не останавливаясь, пока не удалилась на порядочное расстояние. Тогда посоветовалась она сама с собою и обнаружила, что думает: «Если бы только могла я переплыть это озеро до конца и обрести свободу».

Так плыла она дальше; но вот с запада налетел ветерок и поднял на поверхности озера лёгкую рябь; и некоторое время благодаря этому девушке удавалось плыть ещё быстрее; затем она перевернулась на спину и просто заскользила на юг. Но вдруг, пока лежала она на воде, глядя на далёкое синее небо, качаясь над бездонными глубинами, такая маленькая и незаметная на бескрайней озёрной глади, и ветер с запада всё крепчал, и рябь превратилась в волны, – вдруг охватил её ужас, и Заряночка затосковала по зелёной земле, и точёным чашечкам цве-

тов, и траве, и листьям. Девушка снова перевернулась и поплыла прямо к острову, что теперь выделялся на горизонте крохотным зелёным пятнышком.

Не скоро достигла она земли, и когда добралась девушка, усталая и обессиленная, до спасительной тени боярышника, солнце стояло уже высоко в небе; и рухнула на землю Заряночка, и тотчас же заснула. И в самом деле, едва-едва хватило сил её, чтобы доплыть до острова.

Заряночка проснулась за час до полудня и порадовалась, ощущая в себе биение жизни, но вставать ей пока не хотелось, ибо отрадно ей было лежать, поворачивая голову туда и сюда, навстречу милым и нежным цветам; а благодаря им казалось, что широкое, серое, пустынное озеро осталось где-то далеко и не более имеет к ней отношения, нежели само небо.

Наконец девушка поднялась и подкрепилась несколькими горстями земляники, что в изобилии созревала на плодородной почве островка, и спустилась к тому берегу, что выходил на большую землю, и нырнула, и медленно поплыла навстречу тёплым волнам, и так возвратилась снова к отмели и к своему платью. Заряночка оделась, и запустила руку в суму, и достала ломоть хлеба, и присела позавтракать на обрыве выше песчаной косы. Затем осмотрелась она вокруг и, поднявшись на ноги, оборотилась в сторону дома, дабы удостовериться, не зовёт ли её госпожа. И увидела Заряночка, как ведьма сошла с крыльца, постояла там, прикрывая глаза рукою и глядя в её сторону, а затем ушла обратно в дом, никакого знака не подав. Потому рассудила девушка, что на этот день предоставлена сама себе и может ещё отдохнуть. Заряночка сбежала с откоса вниз, покинув наблюдательную свою позицию, повернула к востоку и тихо побрела вдоль кромки воды.

Глава X

Заряночка узнаёт нечто новое

Очень скоро дом скрылся из виду, ибо здесь, с восточной стороны, лесная гряда, протянувшись к западу, клином врезалась в луг; при этом деревья подступали прямо к воде, так, что ковёр зелёного дёрна суживался до неширокой полоски вдоль озера; а близ того места, где трава почти исчезала, лежал ранее помянутый каменистый островок, куда ближе к берегу, нежели Зелёный Остров.

Никогда прежде не заходила Заряночка настолько далеко на восток, чтобы оказаться напротив Скалистого Острова. Ещё когда пленница была совсем крошкой, ведьма дала девочке понять, что та может бродить где вздумается, но при этом рассказала байку об огромном змее, что живёт в тёмном лесу как раз напротив Скалистого Острова: змей этот, по словам колдуньи, обычно обвивался кольцами вокруг живого существа, что имело неосторожность забрести в те места, и сжирал несчастного; и не перечесть, сколько раз являлся гнусный гад Заряночке в ночных кошмарах. Повзрослев, девушка, надо думать, почти перестала верить в подобную небылицу, однако ужас остался. Более того, глухой лес, подступающий к самой воде, в той стороне казался тёмным, мрачным и грозным, переходящим в угольно-чёрные чащи, что высились среди трясин, ничуть не похожие на пронизанные солнцем, благоуханные, усталые зелёным дёрном дубовые кущи на хребтах нагорий ближе к северу, где девушка и проводила время по большей части.

Но в тот летний день, такой ясный и жаркий, Заряночка подумала, что, пожалуй, наберётся храбрости пройти испытание; и пришло ей в голову войти в чащу со стороны озера и подняться вверх до того самого места, где она повстречала Абундию; а там кто знает, может, случай столкнёт её с хозяйкой леса и на этот раз; ибо девушка не смела призвать подругу столь скоро после первой встречи. А ежели и впрямь повидается она с Абундией, то праздник завершится воистину достойно!

Заряночка прошла ещё немного вперёд и вскоре добралась до самой узкой части травяной полосы; лес чернел по левую руку девушки, ибо росла там по большей части ольха. Но, едва

миновав Скалистый Остров, пленница набрела на бухточку или неширокий залив, что терялся в ольховых зарослях; раскидистые древние ольхи обступили залив тесным строем; сучковатые, исковерканные, замшелые деревья нависали над самой водой. Но близ устья залива, со стороны Заряночки, покачивалось нечто на сонной воде; и не могла девушка назвать находку словом «лодка», ибо лодок доселе не видела и не слыхивала о них, однако это и в самом деле было самое настоящее судно, без вёсел и без паруса.

Заряночка оглядела находку со всех сторон и подивилась; однако же с первого взгляда поняла девушка, что предмет этот предназначен для передвижения по воде, и подумала невольница, что будь у неё длинный шест, она смогла бы направлять эту штуку туда и сюда на мелководье и, пожалуй, добыть куда как много рыбы. Девушка попыталась подтолкнуть находку к озеру, однако сил у неё не достало на такое дело; ибо судно само по себе было тяжёлым, вроде барки, ежели, конечно, ничто другое не удерживало ладью на месте.

Долго стояла девушка рядом с невиданной посудиною, дивясь, что никогда о ней прежде не слыхивала и никакой работы над нею никогда ей не поручали. И заметила Заряночка, что вещь эта по большей части тускло-серого цвета, словно высветлили её вода и солнце, но на корме и у носа виднелись пятна более тёмные, словно кто-то опробовал там разных оттенков краску.

И столь прочно находка эта завладела помыслами девушки, что более не вспоминала Заряночка о том, чтобы подняться в лес; но хотя охотно осталась бы она у лодки подольше, поглядеть, не увидит ли чего, решила Заряночка, что ежели ведьма её там застанет, дело добром не кончится. Потому повернула невольница и побрела назад тем же путём, каким пришла, и шагала, не торопясь и обдумывая случившееся. Тут вспомнились девушке слова Абундии о том, что будто бы именно по воде суждено бежать пленнице. И подивилась она, уж не лесная ли дева послала ей этот предмет, дабы с его помощью Заряночка сумела ускользнуть от ведьмы; ибо это совсем другое дело, нежели преодолевать озеро вплавь. Затем рассудила девушка, что, прежде чем позволить себе надеяться на избавление, недурно бы по возможности выведать у ведьмы, что это за штука и известно ли о ней колдунье. И, наконец, припомнила Заряночка, сколь нетерпима её госпожа к расспросам, и, ежели поступать опрометчиво, легко можно навлечь на себя страшную бурю. Потому вот что надумала пленница: сохранить в тайне всё случившееся до тех пор, пока не повидается снова с Абундией; а тем временем стоит то и дело выбираться к заливу тайком, поглядеть, на месте ли ещё находка. Прodelать же это легче вплавь, ежели, конечно, выбрать время с оглядкой; а доплыть легче всего от Скалистого Острова, где девушка частенько бывала.

Глава XI

О провинности Заряночки и суровом наказании, её постигшем

С тем возвратилась Заряночка к песчаной косе, когда солнце уже клонилось к западу; поглядела она в сторону дома и заметила, что близится время вечерней трапезы, ибо к небу поднимался сизый дым стряпни. Потому поспешила девушка к дому и переступила порог с нарочито весёлым видом. Ведьма оглядела невольницу с сомнением, но тотчас же заговорила с нею приветливо, как давеча, и обрадовалась Заряночка, и на душе у неё сделалось легко, и принялась она прислуживать ведьме; ибо всегда ела она после госпожи; колдунья же расспрашивала девушку о разных делах по дому да о том ещё, много ли запасли на зиму того-другого.

Так речь зашла о том, что в ручье перед домом много рыбы не наловишь: форель там водится мелкая, а зачастую и вовсе ничего не попадает. И тут с уст Заряночки неведомо как сорвались следующие слова: «Госпожа моя, а для чего бы не порыбачить нам на озере: на мелководье между берегом и островами рыба ходит косяками, и преогромная, — я своими глазами видела, когда плавала. А в той бухточке, где в пору детства моего обитал змей, объявилась

ныне странная вещь, к тому пригодная, чтобы плыть по водам; и нельзя ли мне раздобыть шест подлиннее, дабы с его помощью управлять этой посудиною?»

Не успела девушка договорить, как колдунья вскочила и бросилась на неё, рыча, словно злая собака; лицо ведьмы преобразилось ужасно: зубы оскалились, глаза вылезли из орбит, лоб избороздили морщины, а руки судорожно сжались, словно железные пружины.

Заряночка отпрянула от госпожи и съёжилась от непередаваемого ужаса, и голос у неё пресёкся. Ведьма, ухватив пленницу за волосы, рывком подняла её на ноги и оттянула голову назад, так, что обнажилось горло. Затем извлекла колдунья из-за пояса острый нож и занесла руку над девушкой, рыча и щёлкая зубами, словно волк. Но вдруг выронила она нож, и рука её бессильно упала, и рухнула ведьма на пол, словно тук, и осталась лежать без движения.

Заряночка застыла от страха, не сводя с госпожи глаз и дрожа всем телом; слишком потрясена была она, чтобы что-либо сделать или подумать; и хотя смутная мысль о побеге пронеслась перед мысленным её взором (ибо дверь осталась открытой), однако ноги девушки словно бы налились свинцом, и, как в кошмарном сне, бедняжка не могла двинуться с места. Минуты шли, а девушка всё стояла, не шевелясь, полумёртвая от ужаса.

Наконец (и, судя по всему, очень скоро), колдунья снова пришла в себя, села на полу и оглядела горницу, и едва взгляд её остановился на Заряночке, проговорила слабым, однако торжествующим голосом: «Хо! Ты все ещё здесь, благонравная моя служанка!» Затем пояснила колдунья: «Дурнота овладела мною внезапно, как порою случается; но теперь силы вернулись ко мне, и сейчас скажу я тебе пару слов».

И вот колдунья неуклюже поднялась с пола, опираясь на Заряночку, и уселась в огромное кресло, и помолчала немного, а затем объявила: «Хорошо ты служила мне по большей части, служанка моя; однако на этот раз ты поступила дурно, ибо подглядывала да подсматривала за мною; большой бедою это может обернуться, ежели мы не примем должных мер. Повезло тебе, что ни с кем ты не видишься и некому тебе проболтаться; ибо тогда пришлось бы мне тут же и убить тебя. Но на первый раз я тебя прощаю; и гнев мой тебя не коснется».

Голос ведьмы звучал ласково да заискивающе; но в душу Заряночки уже вошёл ужас и не рассеялся даже теперь.

Ведьма посидела ещё некоторое время, затем поднялась и обошла горницу, и подступила к некоему шкафчику, и открыла его, и извлекла свинцовую склянку и золочёную чашу, покрытую странными письменами, и поставила и то и другое на стол перед креслом, куда снова уселась, и продолжила речь свою тем же вкрадчивым и лстивым голосом: «Однако, служанка моя, с меня спросится за твою вину, ежели оставлю я дело как есть, так, словно день сегодняшний во всем подобен вчерашнему; да и с тебя спросится тоже; потому наказание твоё подсказано тем же прощением; кара же должна показаться тебе ужасной, дабы хорошенько запомнила ты и не бросалась впредь в самую пасть смерти. И что же мне такого сделать, чтобы наказать тебя? Неслыханное средство измыслила я, такое, что тебе и не снилось. Боль должна дойти до самого твоего сердца; но следует тебе всё это вынести, для своего и моего блага, дабы обе мы жили впредь да радовались. Так ступай же, наполни эту чашу водою из родника и возвращайся с нею». Заряночка приняла чашу с замирающим сердцем, и наполнила её, и принесла назад, и поставила перед ведьмой ни жива ни мертва.

Тогда ведьма взяла в руки склянку, и вытащила пробку, и вручила сосуд Заряночке, и сказала: «Отпей малый глоток и не больше». Так и поступила невольница, и едва жидкость хлынула в её глоток, как и ведьма, и горница, и всё вокруг потускнело перед её взором, однако не настолько, чтобы стать вовсе неразличимыми. Но когда вытянула девушка руку, то не смогла её увидеть вовсе, и ногу тоже, и прочие части тела, доступные взгляду. Тогда попыталась она жалобно закричать, но и голосу её не было воли, и не раздалось ни звука. Тогда услышала Заряночка слова ведьмы (и доносились они словно бы издалека): «Нет, говорить ты не можешь и видеть себя не можешь; никому не видна ты, кроме меня, да и мне неясно. Но это – только

часть той кары, что вынуждена я наложить на тебя; ибо теперь придётся мне подарить тебе новый облик, видимый и для тебя, и для других. Но прежде, чем я это сделаю, должна я сказать тебе несколько слов, ибо новый облик не позволит смыслу их дойти до твоего сердца. Внемли же!»

Глава XII

Речи ведьмы к Заряночке

Молвила ведьма: «Когда ты вновь станешь самой собою (ибо не намерена я навечно лишать тебя привычного облика), несомненно, воспользуешься ты новообретённым голосом и новообретённым разумом в первую очередь для того, чтобы осыпать меня проклятиями снова и снова. Здесь поступай как знаешь; однако заклинаю тебя, не смей меня слушаться, потому что это приведёт тебя к гибели. Ибо ежели не станешь ты исполнять мою волю и ежели примешься подглядывать за мною, делая явным то, что я храню в тайне, тогда зачтётся это тебе в вину, и хочу я того, нет ли, придётся мне отомстить тебе и, может быть, даже убить: и прахом пойдут все труды мои и хлопоты, что затратила я, воспитывая тебя такой, какой ты стала – девой умелой и пригожей. Так почитай милостью нынешние свои страдания, ибо они оградят тебя от худшей участи.

Теперь, раз уж начала я говорить, я продолжу: ибо доселе почти не раскрывала я тебе своё сердце. Хорошо мне ведомо, что я представляюсь тебе ночным кошмаром и не иначе, от которого любой мечтает пробудиться. Однако задумайся хотя бы вот о чём: я избавила тебя от нужды да бедности, я взрастила тебя столь же заботливо, как мать растит дочь; никогда не морила я тебя голодом и била нечасто, а со злобой – и того реже. Ещё скажу: позволяла я тебе бродить, где вздумается; и трудиться принуждала ровно столько, сколь потребно для того, чтобы прокормить нас двоих. И в озере плавать я тебе не запрещала, и в лесу скитаться не препятствовала, и выучилась ты там искусству обращения с луком, так, что ныне трудно тебя превзойти в сей науке; более того, скоро ты на ногу, словно самая быстрая лань, и обгонишь на бегу любого.

Воистину в радости текла твоя жизнь в молодые годы, да и сейчас текла бы в радости, кабы ты меня не ненавидела. Выросла ты прекрасной девой-лилией. Так говорю я тебе сейчас, хотя доселе насмехалась над сложением твоим; но то были всего лишь речи госпожи к невольнице. Что же ждёт тебя впереди? Ты можешь сказать: «Одиноко мне здесь, нет мужчины, чтобы взглянул на меня. На что сдалась красота моя и прелесть?» Дитя, отвечу тебе, что близится время, когда увидишь ты здесь немало мужчин, и самых что ни на есть пригожих, и тогда розой станет лилия, и расцветёшь ты на диво; и все они станут любить и боготворить тебя; и сможешь ты осчастливить кого захочешь, а кого захочешь – опечалить; и сполна изведаете ты сладость любви и упоение властью.

Так подумай об этом! Всё это ждёт тебя, ежели поживёшь здесь со мною тихо-мирно, исполняя мою волю, до той поры, пока не наберут силу твои женские чары. Потому прошу тебя и заклинаю: выброси из головы мысль бежать от меня. Ибо ежели попытаешься ты, случится одно из двух: либо я верну тебя назад и убью тебя – или превращу твою жизнь в мучительную пытку; либо удастся побег твой, и что тогда? Знаешь ли ты, что случится с тобою, едва окажешься ты, безымянная, бесприютная нищенка, в мире мужчин? Похоть пробудишь ты в них, но любовь – едва ли. Говорю тебе: станешь ты отверженной изгнанницей, ни поклонения не заслуживающей, ни власти не имеющей; тело твоё сделается добычей низких негодяев, когда же увянет цветок красоты твоей, обнаружишь ты, что слова твоих возлюбленных были только насмешкой. Ни один мужчина не полюбит тебя, и не поможет тебе ни одна женщина. Тогда явится к тебе Старость и увидит, что хорошо знаком тебе Ад; явится Смерть и примется насмехаться над той, что загубила свою жизнь ни за что ни про что. Вот я и выговорила тебе

всё, что хотела; более нечего мне с тобою делать, кроме как завершить превращение; и тогда справляйся, как сможешь; но по крайней мере новое твоё обличие не будет ни безобразным, ни гадким. Однако – как знать? – в следующий раз я, пожалуй, не окажусь столь добра, чтобы даровать тебе новый облик, но предоставлю тебе скитаться по здешним местам невидимой для всех глаз, кроме моих».

На этом ведьма взяла в руки чашу, и налила воды в горсть, и плеснула ею в лицо Заряночке, и пробормотала слова заклинания; и в тот же миг девушка и в самом деле себя увидела и обнаружила, что превратилась в белоснежную лань; и снова обрела она способность наблюдать и слышать, однако не так, как привыкла в обличии девы; но и слух её, и зрение, и образ мыслей стали как у зверя лесного, а не как у существа человеческого.

И молвила ведьма: «Свершилось; так пребудет до тех пор, пока не явлю я к тебе милость; теперь же ступай в поле, но ежели отойдёшь от ручья далее, чем на половину полёта стрелы, скверно тебе придётся». На том окончился день и наступила ночь.

Глава XIII

Заряночка снова встречается с хозяйкой леса

Спустя пятнадцать дней Заряночка пробудилась ясным утром в своей кровати, словно всё происшедшее было только сном. Но ведьма стояла над девушкой, восклицая: «Припозднилась ты, ленивица; всё бы в постели нежиться в погожий-то день, когда травы жухнут в ожидании косы. А ну живо вставай да отправляйся на луг!»

Заряночка не стала дожидаться продолжения, но прыгнула с кровати и мигом набросила на себя рабочее платье, и задержалась для того только, чтобы умыться в заводи ручья; и вот уже стоит она среди высокой травы, и с каждым взмахом её косы на землю ложится сноп за снопом. За работою размышляла девушка и так и не могла решить, что в ней сильнее – радость освоения или ужас перед ведьмой. Очень хотелось ей повидать лесную подругу, но сенокос затянулся на неделю и долее, когда же всё было сделано, нарочно ли или нет, но ведьма позабыла своё давешнее обещание предоставить Заряночке свободу и заставила пленницу целыми днями гнуть спину в поле и на лугу. Ни в чём другом госпожа не причиняла девушке зла и не угрожала ничем, хотя снова принялась ворчать и браниться, как в былые времена. Наконец как-то утром, когда колдунья не поручила ей никакой работы, Заряночка взяла в руки лук, и перебросила через плечо колчан, и отправилась знакомым путём в лес, и не позабыла взять с собою прядь волос Абундии. Но воспользоваться талисманом девушке не пришлось, ибо едва пришла она к Дубу Встреч, сей же миг из чащи вышла Абундия, столь схожая с Заряночкой, что подивиться впору было, ибо, как и подруга её, лесная хозяйка вооружилась луком и колчаном и подобрала зелёное платье выше колен.

Они расцеловались и обнялись, и Заряночка разрыдалась на груди подруги, однако стыдно ей было произнести слова, что поведали бы о происшедшем с нею. Тогда Абундия усадила девушку на зелёный дёрн, и сама уселась подле, и принялась ласкать и утешать её; потом улыбнулась она Заряночке и молвила: «История твоя отчасти рассказана и без слов; и я поплакала бы над тобою, если бы умела проливать слёзы. Но вот что скажи мне: за что тебе так досталось; хотя, по правде говоря, подозреваю я, что могло произойти. Уж не натолкнулась ли ты на ведьмино судно?»

«Именно так, сестра», – отвечала Заряночка. И на том собралась она с духом и, ничего не скрывая, повела рассказ о том, как сперва стала бестелесным призраком, а затем превратилась в белую лань. Отозвалась Абундия: «Ну что же, одно можно сказать: рано или поздно так и должно было произойти, и лучше раньше, чем позже, ибо здесь лежит твой путь к спасению. Но скажи мне ещё вот что: была ли колдунья груба и свирепа с тобою на словах? – ибо не поведала ты мне до сих пор, что она тебе наговорила». Отвечала Заряночка: «В первом при-

ступе ярости, когда госпожа готова была убить меня, она утратила дар речи и только рычала, словно волк. После же весьма странно говорила она со мною, но отнюдь не грубо и не свирепо; нет, мне даже показалось, будто она по-своему любит меня. Не приказывала она, но, можно сказать, почти умоляла меня не пытаться бежать от неё». – «И ты поверила лъстивым речам?» – спросила Абундия. «Не настолько, чтобы отречься от надежды на спасение; нет и нет, даже в то мгновение, – молвила Заряночка, – однако, хотя владели мною смятение и ужас, мне вдруг стало немного жаль её».

Молвила Абундия, озабоченно на девушку глядя: «Подумай: а не удалось ли ей отчасти запугать тебя?» Отозвалась Заряночка, заливаясь ярким румянцем: «О нет, нет! Только смерть либо оковы обуздают во мне неуёмное желание бежать». «Лучшего и желать нельзя, – отвечала Абундия, – однако опять спрошу тебя: сможешь ли ты потерпеть ещё немного и всё это время вести себя осмотрительно да мудро?» – «Сдаётся мне, что да», – отвечала девушка. Отозвалась Абундия: «И это хорошо. Ныне лето идёт на убыль, и по моему совету не станешь ты пытаться бежать прежде, чем снова настанет май, а то и июнь; ибо к той поре подрастёшь ты, сестричка; кроме того, грядут события, что подготовят всё к твоему побегу. И ещё должно тебе узнать, что станешь ты тем временем делать, а об этом скажу я тебе уже сейчас. Ибо это судно, находка твоя, из-за которой ты столько выстрадала, зовётся Посыльной Ладьёй; в ней-то госпожа твоя и уезжает то и дело – как полагаю я, повидать кого-либо из себе подобных, хотя не ведаю я, ни к кому, ни куда. Ты подметила, верно, что порою колдунья тайком уходит из дому под покровом ночи и туч?» – «И в самом деле так, – отвечала Заряночка, – и сколько же страху я от того натерпелась!» Отвечала Абундия: «Ну да, знаю я, что ведьма ездит куда-то в том чёлне, однако не знаю, куда, и того не знаю, как управляет она с Посыльной Ладьёй; ибо, хотя всё известно мне про лес, но об озере – очень немногое. Потому, хотя заключена в том для тебя немалая опасность, проследи за колдуньей два-три раза, как встанет она, отправляясь в очередное путешествие, и постарайся подметить в точности, как обращается она с помянутой Посыльной Ладьёй, дабы и самой так сделать. Готова ли ты бросить вызов боли и превращению или даже удару ножа, ради того, чтобы обрести это знание? А после придёшь ты сюда и расскажешь мне, как справилась». – «С радостью и охотой, дорогая сестрица», – отвечала Заряночка.

Тогда поцеловала Абундия девушку и молвила: «Отрадно мне видеть, как отважна ты, однако здесь могу я тебе кое в чём помочь. Погляди! Вот золотое кольцо в форме змеи, кусающей себя за хвост; когда бы ни отправилась ты в опасный путь, надень кольцо это на средний палец левой руки и произнеси отчетливо вот что:

Справа и слева,
Издали, рядом,
Воздухом дева
Явится взглядам!

И сделаешься ты невидимой для всех – даже для стоящего в двух шагах от тебя. Но не носи этого кольца открыто в иное время и смотри, чтобы не попалось оно на глаза ведьме, иначе поймёт она, что ты встречалась со мною. Поняла ли ты и сможешь ли запомнить?»

Рассмеялась Заряночка, и взяла кольцо, и надела на палец, и громко повторила слова, подсказанные Абундией. Рассмеялась и хозяйка леса: «Ну вот и потеряла я подругу свою и сестру, ибо исчезла ты бесследно, Заряночка. Снимай кольцо, радость моя, и отправляйся-ка на охоту, ибо если вернёшься домой с пустыми руками, ужо выбранят тебя, ежели не хуже».

Тогда Заряночка стянула кольцо с пальца и, смеясь, появилась снова. Хозяйка леса расцеловала девушку, повернулась к ней спиной и исчезла; а Заряночка вложила стрелу в тетиву и занялась охотой; и очень скоро подстрелила двух зайцев. С ними-то и вернулась она домой к

госпоже; ведьма же и впрямь изругала служанку за лень и за то, что, пробыв в лесу столь долго, вернулась с добычей столь ничтожной; но на том дело и кончилось.

Глава XIV

О том, как Заряночка рыбачила

Время близилось к жатве, и ничего не произошло, о чём бы стоило рассказать, кроме того только, что однажды утром ведьма призвала к себе Заряночку и молвила: «Нечего ныне делать, пока пшеница не созреет для серпа, и проводишь ты дни в праздности; что за слово обронила ты давеча, будто вокруг островов ходит немало рыбы? Сможешь ли ты доплыть до острова вместе со снастью и вернуться с нею же, да в придачу и с уловом?» – «Ещё бы нет, – отвечала Заряночка весело, – я и одной рукою могу грести знатно, да и с помощью одних только ног справлюсь, ежели удастся мне двигать руками хоть чуть-чуть. Прямо сейчас и отправлюсь, ежели позволишь, госпожа моя; только дай мне бечёвки, чтобы обвязала я улов вокруг пояса, когда поплыву назад».

На том проворно отправилась она за снастью, что хранилась в сарае на дворе; но, беря снасть в руки, вдруг призадумалась девушка, ибо стала весьма и весьма осмотрительна. Она расстегнула лиф платья и достала кольцо в форме змеи, что всегда носила на себе, зашив в уголок сорочки; теперь же Заряночка тщательно упрятала кольцо в гущу своих каштановых волос, пышных и мягких на удивление. А локон Абундии всегда находился при ней, вплетённый в собственные её волосы.

Не успела проделать это Заряночка, как уже и порадовалась; ибо тотчас же слышала она, как зовёт её госпожа, а едва подошла девушка к двери дома, ведьма заговорила и молвила: «Я, пожалуй, спущусь с тобою к воде и пригляжу за твоим платьем, чтобы не изгваздал* его какой-нибудь зверь». При этих словах она поглядела на Заряночку испытующе и нахмурила брови, видя, что служанка ничуть не изменилась в лице.

Они спустились к озеру, и ведьма уселась близ того места, где Заряночке предстояло войти в воду, следя, как та снимает платье, и придирчиво оглядела её обнажённое тело, но ничего не сказала. Заряночка обернулась, стоя по колена в воде, и молвила: «Сколь долго пробыть мне на острове, госпожа, ежели с уловом посчастливится?» – «Сколько захочешь, – отвечала колдунья, – надо полагать, к тому времени, как вернёшься ты, я уже уйду, даже если пробыдешь ты на острове краткий срок».

Тогда поплыла Заряночка, и едва оказалась она на середине пути до острова, ведьма, стараясь не делать лишних движений, дотянулась до девушкиной одежды – старого серого рубища да сорочки – и обыскала их, однако ничего не нашла, как вы уже поняли. Закончив, колдунья снова уселась на землю, в настроении весьма мрачном, судя по лицу, не сводя с плывущей девушки глаз, а когда заметила, как та вышла из воды и скрылась из виду среди цветов острова, поднялась и отправилась своим путём домой.

Заряночка поглядела сквозь листву и увидела, как та повернула вспять; и, улыбаясь, занялась снастью и вскоре наловила немало рыбы под сенью ивовых ветвей. Тогда, поскольку день стоял погожий да безветренный, а госпожа предоставила ей свободу, девушка побродила по острову, задержалась в рощице, где росли усыпанные ягодами рябины и кизил, и поиграла с птицами, что не боялись её, но садились на плечи и резвились у самых ног. Потом она спустилась к южному берегу и немного постояла там, глядя на бескрайнюю водную гладь, тускло поблёскивающую в знойной дымке, и захотелось ей оказаться по другую её сторону. Затем Заряночка вернулась к противоположному склону, и собрала рыбу, и нанизала улов на бечёвку, и обвязала бечёвку вокруг пояса, и снова поплыла к золотистой песчаной косе, где никто её не ждал. Но, прежде чем одеться, девушка оглядела платье и заметила, что лежит оно не так, как было оставлено, и поняла, что одежды побывали в руках у ведьмы.

А тем временем день стал клониться к вечеру, и снова увидела Заряночка, как над трубо хижины клубится дым стряпни; и улыбнулась удручённо, размышляя о том, что ведьма ещё отыщет случай обыскать служанкино платье. Девушка собралась с духом и вошла в дом с уловом, и ведьма встретила её с мрачным лицом и не похвалила и не изругала, но молча взяла рыбу. На том день и закончился.

Глава XV

Заряночка надевает кольцо в форме змеи

После того Заряночка то и дело отправлялась порыбачить на Зелёный Остров по повелению госпожи, однако ведьма больше не провожала её до берега. В такие дни девушка подумывала о том, что стоило бы сходить поглядеть на Посыльную Ладью; но не смела, опасаясь, что в штуке этой, чего доброго, достаточно жизни, чтобы донести на непокорную.

И вот настало время жатвы, и Заряночке, одетой лишь в сорочку да башмаки, пришлось целыми днями гнуть спину в поле; и трудилась она в поте лица, и потемнела её кожа, и огрубели руки; но девушка ничуть не досадовала, ибо ведьма предоставила ей работать одной, а для пленницы, невзирая на те слова, что давеча затронули её сердце, сущим праздником было, ежели госпожа не стояла поблизости.

Когда же жатва подошла к концу, снова настали для Заряночки дни отдыха: и плавала она вволю, и рыбачила на островке с дозволения ведьмы. И снова, с собственного своего дозволения, отправилась девушка в лес повидаться с Абундией, и счастлива была провести с нею целый час, и возвратилась с подстреленным оленёнком, и тем едва спасла спину от розги. И в другой раз отправилась она в лес по поручению ведьмы, равно как и по собственному делу, и вознаграждена была нежной беседою с подругой, и ничем более, ежели не считать ведьминой ворчливой брани.

Но вот как-то ночью, когда сентябрь стоял в разгаре и тучи заволокли небо, закрыв луну, ближе к полуночи поднялась колдунья и склонилась над лежащей в постели Заряночкой, приглядываясь, спит ли та; а надо сказать, что приход ведьмы разбудил девушку, однако пленница осторожности не теряла ни на миг и теперь замерла неподвижно, стараясь дышать как можно ровнее. Ведьма отвортилась; и в это самое мгновение Заряночка повернулась словно бы невзначай, дабы разглядеть её получше, и увидела, что госпожа изменилась до неузнаваемости и приняла тот же самый облик, в котором явилась в Аттерхей и который принимала ещё два-три раза, отправляясь в город по делам.

Ведьма проворно прокралась к двери и выскользнула в ночь. Заряночка полежала ещё немного неподвижно, чтобы не попасться в ловушку, а затем поднялась, стараясь двигаться как можно тише, и набросила сорочку, что всегда лежала у неё под подушкой, вместе с кольцом, зашитым на прежнем месте; и тоже вышла за дверь, и показалось ей, что различает она ведьму далеко впереди; но для проворных ног девушки не составляло труда догнать колдунью. Потому задержалась Заряночка, дабы извлечь кольцо из сорочки и надеть на палец; а затем произнесла негромко:

Справа и слева,
Издали, рядом,
Воздухом дева
Явится взглядам!

После того девушка храбро поспешила вперёд и вскоре почти настигла ведьму, что спустилась к берегу озера, а затем свернула на восток и двинулась ровно тем же путём, как некогда Заряночка, когда наткнулась она на Посыльную Ладью.

Так торопилась ведьма прямо к заливу, а Заряночке приходилось идти за нею след в след, чтобы не потеряться, ибо среди ольховых стволов царил непроглядный мрак. Добравшись до бухты, колдунья пошарила в складках одежды и извлекла нечто из-под плаща, и увидела девушка, что та собирается ударить кремнём о сталь, и задрожала, испугавшись, что заклинание не подействовало. Но вот трут затлел, ведьма зажгла фонарь и подняла его над головою, зорко оглядываясь по сторонам, и долго смотрела она на то место, где стояла Заряночка, но ничем не показала, что видит девушку; хотя бедняжка уже ожидала, что колдунья бросит фонарь и ринется к ней.

Ведьма же, держа фонарь на вытянутой руке, перешагнула через борт лодки и уселась на банке*; и Заряночка уже готова была последовать за госпожою в чёлн, однако побоялась, что не удастся ей выбраться; потому девушка просто подалась вперёд сколь можно ближе. И разглядела Заряночка, как ведьма извлекла из-за пояса маленький острый нож, тот самый, что видела пленница занесённым над своим горлом; затем ведьма оголила руку и уколола её так, что на безжизненно-бледной коже выступила кровь. Тут встала колдунья, и подошла к носу чёлна, и склонилась над ним, и поводила рукою туда-сюда над форштевнем*, обильно орошая его кровью; затем перешла к корме, и набрала крови в правую горсть, и обрызгала то место, где обычно размещается руль (ибо у этой ладьи руля не было), и вернулась, и снова уселась на банку; и, насколько удавалось рассмотреть Заряночке, принялась унимать кровь, текущую из крохотной ранки. И поняла Заряночка, что за краска оставила бурые пятна, замеченные ею на лодке при свете дня.

Но вот, пока сидела там ведьма, хриплое клокотание послышалось в её горле, а затем зазвучали слова, и запела она, словно закаркала:

Алого вóронова вина
Нос и корма испили сполна;
Так очнись и пробудись,
И в путь привычный устремись!
Путь Странника лёг за озёрные дали,
Ибо волю Посланника с кровью смешали.

Тут лодка дрогнула и заскользила прочь из залива прямо в озеро, и свет фонаря погас; и минуты не прошло, как Заряночка потеряла чёлн из виду. Девушка задержалась у бухты ещё немного, на случай, ежели лодка и ведьма тотчас же и возвратятся; затем повернулась и поспешила назад, к дому. Она хотела было тут же и снять кольцо, однако пришлось пленнице в голову, что на её глазах ведьма ушла из дома, изменив внешность; а что, ежели госпожа поджидает служанку дома в привычном своём обликии? Потому Заряночка вернулась домой, как была, невидимкой, и отворила дверь, и огляделась, замирая; но взор её не различил никого похожего на детей Адама, да и вообще ничего живого; только кот дремал у огня. Тогда Заряночка сняла кольцо с пальца, и подошла к очагу, и носком ноги расшевелила кота, и тот проснулся и принялся тереться о её ноги, и девушка порадовалась своему любимцу.

После того Заряночка снова зашила кольцо в край сорочки, и сложила сорочку под подушку, как обычно, и легла в постель, и сладко заснула, позабыв до утра все свои тревожные мысли; тем более что по крайней мере на эту ночь избавилась от власти ведьмы.

Глава XVI

Заряночка снова встречается с Абундией и начинает перенимать от неё сокровенное знание

Поутру проснулась Заряночка, и страстно захотелось ей отправиться в лес повидаться с Абундией, но не посмела она, опасаясь, что ведьма может возвратиться раньше, чем следовало ожидать. Потому девушка осталась тихо-мирно поджидать госпожу да исполнять работу по дому, какая бы ни нашлась. В течение всего этого дня ведьма не появилась, не появилась и через день; однако утром следующего дня, едва поднялась Заряночка, увидела она госпожу свою в привычном обличии и на привычном месте. Заприметив девушку, колдунья поздоровалась с нею и обошлась с пленницей приветливо да ласково; и Заряночка уже готова была попросить разрешения отправиться в лес, однако не особо доверяла она неожиданному приступу доброты, каковой, однако, продлился так долго, что спустя три дня ведьма сама повелела Заряночке отправиться в лес поразвлечься да добыть по возможности оленины.

Заряночка поспешила в чащу, радуясь от души, и увиделась с подругой у Дуба Встреч, и рассказала ей обо всём, что произошло, ничего не упуская. И молвила Абундия: «Ну вот и научилась ты плавать по озеру. Однако достаточно ли узнала ты, чтобы попытаться осуществить задуманное и не потерпеть неудачи?» – «Сдаётся мне, что да, – отвечала Заряночка, – но послушай: кажется мне разумным ещё раз по меньшей мере проследить за ведьмой, как отправится она к ладье; ибо в первую ночь тьма стояла непроглядная; и, более того, разве не буду я более уверена в заклятии, выслушав его снова и снова, на случай, ежели слова не всегда одни и те же? Что скажешь?» Отвечала хозяйка леса: «Здесь ты права, и поскольку нельзя тебе пускаться в путь до будущего июня, довольно у тебя на то времени, и даже с избытком. На сегодня же хватит нам рассуждать об этом. Только, милое дитя, заклинаю тебя: будь осторожна; а паче всего смотри, чтобы ведьма не заприметила кольца и тем более не завладела им. Воистину часто сжимается моё сердце при мысли о том, в какой ты опасности; ибо в сердце моём запечатлена ты скорее в образе дочери, нежели подруги. Вот ты и рассмеялась, но по добром; так, что смех твой звучит нежною музыкой. Однако же узнай вот что: хотя ты совсем юна, а я схожа с тобою обличем, как две капли воды, однако много и много лет прожила я на свете и обрела немалую мудрость. Веришь ли ты мне?»

«Да, да, – отвечала Заряночка, – всем сердцем». На том девушка понурила голову и помолчала немного, затем подняла взгляд и молвила: «Я бы обратилась к тебе с просьбою и мольбою, как если бы ты и впрямь приходилась мне матушкой; исполнишь ли, что попрошу?» – «О да, всенепременно, дитя», – отвечала Абундия. И сказала Заряночка: «Вот какова моя просьба: хочу я, чтобы ты наставила меня своей мудрости». Отозвалась Абундия, ласково улыбаясь девушке: «Нет такой просьбы, что доставила бы мне большую радость; сегодня и сей же час начнём мы с тобою читать книгу земли. Ибо здесь – наследие моё и мои владения. Садись же рядом, дитя, и внимай!»

Тогда устроилась девушка под дубом подле той, что казалась двойником её, и принялась постигать урок. Воистину, сокровенное знание это ныне утрачено, хотя повесть об учении сохранилась; потому ничего не можем мы к тому прибавить. Когда же вышло время, поцеловала Заряночка лесную матушку и молвила: «Сегодня – лучший день в моей жизни, ежели не считать того дня, когда я впервые тебя увидела. Снова и снова стану я приходить сюда до того, как покину здешние края». – «Так тому и быть; но, милое дитя, остерегайся ведьмы и её злобы, – упредила Абундия, – боюсь я, что она ещё покажет тебе свой мерзкий нрав». «Остерегусь, – отвечала Заряночка, – но я готова навлечь на себя и наказание, ежели только ты не запретишь мне, матушка. Однако заклинаю тебя твоей любовью ко мне, не запрещай. И тем более заклинаю, потому что после подобных приступов злобы госпожа, как правило, оставляет

меня на время в покое; тем легче мне будет приходить сюда». Абундия поцеловала и обняла Заряночку, и молвила: «Отважна ты, дитя моё, для девы столь юной; и не стану я тебя удерживать, ровно так же, как отец не станет удерживать отрока-сына от упражнений на мечях. Но молю тебя, не забывай о том, как люблю я тебя и как горюю над твоими муками».

На том они расстались, а день уже клонился к вечеру. Заряночка принялась высматривать дичь и вернулась домой с олениной; колдунья же по-прежнему держалась с нею приветливо да ласково, как давеча; и молвила вечером, приглядываясь к девушке: «Не могу сказать, в чём дело, однако сдаётся мне, что изменилась ты и куда как яснее проявляется твоя женская суть, чем, скажем, вчера. Я говорю о лице твоём, ибо, ежели раздеть тебя, я, несомненно, найду тебя такою же тощей. Но изволь запомнить вот что: заклинаю тебя, оставайся исполнительна и покорна, дабы я могла быть так добра к тебе, как мне бы того хотелось, и ещё добрее, нежели прежде».

Глава XVII

О том, как настала зима

Дни шли за днями, и вот как-то октябрьской ночью, ближе к концу месяца, ведьма отправилась к Посыльной Ладье под покровом ночи, и Заряночка проследила за госпожой, как раньше. В тот раз ночь выдалась бурная да ветреная, но высоко в небе сияла полная, круглая луна, и почитай что все тучи разогнало; потому ночь стояла светлее светлого, и даже у залива под сенью деревьев нетрудно было разглядеть, что происходит. И ведьма проделала и сказала всё ровно так, как накануне.

В другой раз, когда близился к концу ноябрь, ведьма снова отправилась в свои озёрные странствия; но в ту ночь от дома до берега лёг глубокий снег, и подумалось Заряночке, что ходить за ведьмой не стоит. Девушка ведать не ведала, оставят ли её ножки следы на снегу, будучи невидимы, или же нет. Когда спросила она о том Абундию, та рассмеялась и молвила: «Опять поступила ты мудро, дитя мое, ибо хотя не составило бы для меня труда вложить в твоё кольцо силу, позволяющую тому, кто наденет его, не касаться земли, однако не было этого сделано».

А надо сказать, что за это время Заряночка часто приходила к Древу Встречи и призывала свою матушку (как она теперь называла хозяйку леса), и перенимала от неё всё больше и больше мудрости. И хотя ведьма нередко злилась на пленницу и бранилась нещадно, однако не особо придиралась к ней, как только необходимая работа бывала исполнена. Но вот однажды колдунья прямо запретила девушке ходить в лес, однако та всё равно отправилась и, встретившись с лесной матушкой, ничего ей о том не сказала, но веселилась и радовалась пуще обычного. После того Заряночка вернулась домой с пустыми руками и гордо переступила порог комнаты: щеки её разругались и глаза сияли, хотя не ожидала она ничего иного, кроме наказания, а может быть, и нового превращения. И в самом деле, ведьма скорчилась в кресле, скрестив руки на груди и наклонив голову вперёд, словно дикий зверь, изготавившийся к прыжку; однако едва взгляд её упал на Заряночку, дрогнула она, и отступилась, и, снова замкнувшись в себе, пробормотала нечто неразборчивое; но Заряночке ни слова не сказала ни доброго, ни худого.

Но вот настала зима, и почти нечего было делать в хлеву, а в поле и на лугу и того меньше. В былые времена, и даже год назад, колдунья не давала невольнице покоя даже в морозы, но находила для неё работу среди снега и ледяных ветров, либо посылала на озеро, когда поверхность воды покрывалась льдом. Но теперь колдунья ничего не поручала девушке, кроме того, за что та бралась по собственной воле; и нимало на этом ведьма не теряла, ибо Заряночка охотно бросала вызов ветру, непогоде и непроходимым снежным заносам и преодолевала стихии по возможности, чтобы все дела по хозяйству исполнить на совесть.

Ведьма по-прежнему то и дело бранила и ругала девушку, однако скорее по привычке, не вдумываясь, что говорит. Про себя же колдунья начала побаиваться Заряночку, опасаясь, что в один прекрасный день та возьмёт верх; оттого ведьма сделалась беспокойна и свирепа; так что, бывало, сживала она, не сводя глаз с прекрасной девы, и поигрывала в руке ножом, с трудом вынося присутствие служанки. Как-то, будучи в таком настроении, колдунья отыскивала повод наказать девушку, как встарь, и ожидала, что невольница взбунтуется; но случилось наоборот, ибо Заряночка подчинилась госпоже покорно и с безмятежным видом. И это тоже внушило ведьме страх, ибо подумала она, и не ошиблась, что в рабыне зреет некий умысел. С этого дня ведьма оставила девушку в покое. Всё это время, как можно предположить, Заряночка ещё чаще ходила к Дубу Встреч, невзирая на мороз, и снег, и ветер, и перенимала от лесной матушки немало сокровенного знания, и в избытке постигала тайную мудрость. И дни её текли в радости.

Глава XVIII

О наступлении весны и о решении Заряночки

Но вот зима подошла к концу, и снова настала весна, и земля расцвела на диво, а вместе с нею и Заряночка. Милее лицом не стала она, нежели прежде, ибо куда же милее, однако в красоте её ныне ощущалось новое величие; руки и ноги её округлились, кожа сделалась гладкой да белой, тело оформилось; и ежели какой-нибудь сын своей матушки бросил бы взгляд на её ножки, когда ступали они по лугу, усыпанному нарциссами и шафраном, плохо пришлось бы несчастному, ежели бы запретили ему эти ножки расцеловать; хотя ежели бы позволили, дело обернулось бы для него куда хуже.

В ту весну, в самый разгар апреля, Заряночка проследила ведьму до Посыльной Ладьи в третий раз; и снова всё повторилось, как прежде, и решила девушка, что теперь твёрдо помнит урок, едва ли не лучше самой ведьмы.

Но ещё через день Заряночка сделалась задумчива, словно тревожная мысль овладела ею; а три дня спустя, увидевшись с лесной матушкой, перед тем, как распрощаться, заговорила девушка с нею и сказала так: «Матушка, великой мудрости наставила ты меня, а напоследок вот что поняла я: есть в моей жизни нечто постыдное, с чем хотелось бы мне покончить раз и навсегда». – «Прекрасное дитя, – отвечала Абундия, – невелик позор в том, что женщина эта тобою помыкала и обращалась с тобою жестоко; как может такое дитя, как ты, противостоять ей? Но теперь я вижу и знаю, что настал тому конец; ныне она боится тебя и никогда не поднимет на тебя руку, разве что окажешься ты всецело в её власти, чего не произойдёт, дитя моё. Так утешься и не вспоминай о том, что было!» «Нет, матушка, – отозвалась Заряночка, – не это меня тревожит, ибо, как сама ты говоришь, что я могла поделать? Однако мудрость, что вложила ты в моё сердце, подсказывает мне: в течение последних этих месяцев я на коварство отвечала коварством и на ложь ложью. Но теперь не желаю я более этого делать, дабы не стать женщиной вероломной, в которой ничего-то доброго нет, кроме внешней красоты. Потому послушай, милая матушка! Что сделано, то сделано; но когда настанет день, уже недалёкий, и придётся мне с тобою расстаться, и, может быть, надолго, тогда не пойду я к Посыльной Ладье под покровом ночи и туч, хоронясь и прячась, но отправлюсь туда среди белого дня, и пусть случится то, чему суждено случиться».

Тогда изменилась Абундия в лице, побледнела и опечалилась, и воскликнула она: «О, если бы только умела я плакать, как вы, дети Адама! О горе мне и тоска! Дитя, дитя! – тогда-то ты и попадёшь ей в руки, о чём помянула я только что; и тогда-то эта окающая прислужница зла непременно убьёт тебя, либо пощадит для того только, чтобы терзать тебя и мучить, превращая жизнь твою в подобие медленной смерти. Нет, нет, сделай, как я говорю, и отправляйся тайком, надев моё кольцо на палец. Иначе, о дитя моё, сколько боли причинишь ты мне!»

Зарыдала Заряночка; но тут же принялась поглаживать руку матушки, и молвила: «Сама ты наделила меня мудростью, разве нет? Однако не бойся; сдаётся мне, что ведьма не убьёт меня, поскольку все ещё надеется получить с меня какую-то прибыль; более того, в злобном её сердце теплится искра любви ко мне, потому, как говорила я тебе прежде, испытываю я к ней кроху жалости. Матушка, не убьёт она меня; и говорю тебе, что и мучить не станет, ибо прежде придётся ей убить меня. Думается мне, что она меня отпустит». Отвечала лесная дева: «Да, может быть, только словно пташку, привязав к лапке бечёвку». – «Ежели так, – отозвалась Заряночка, – тогда пусть удача моя возьмёт верх над её коварством; как, скорее всего, и случится, раз уж я узнала тебя, о мудрая матушка!»

Хозяйка леса понурила голову и помолчала немного; затем молвила: «Вижу, что ты порешила стоять на своём; вижу, что заключено в твоём сердце нечто такое, что нам, тем, кто не из рода Адамова, не понять; однако некогда более походила ты на нас. Одно только могу я сказать: что тебе решать в этом деле и что грустно мне».

Затем Абундия снова опустила взгляд, но тотчас же вновь подняла голову, и лицо её посветлело, и молвила она: «Похоже, всё сложится лучше, нежели мне думалось». И поцеловала она Заряночку, и распрощались они на этот раз.

Глава XIX

Заряночка и хозяйка леса прощаются

И вот закончился апрель, и настал май, и расцвёл боярышник, а Заряночка всё хорошела да хорошела. Ведьма совсем перестала бранить её и заговаривала с девушкой только изредка, по необходимости. Однако же казалось Заряночке, что госпожа следит за нею днём и ночью, не спуская глаз.

Заряночка часто уходила в лес и постигала всё больше сокровенного знания; но что до Побега и как его осуществить, об этом подруги не заговаривали более, и великая любовь царила промеж них.

Наконец, когда май вот-вот должен был смениться июнем, пришла Заряночка к Дубу Встреч и нашла там лесную матушку; и поговорили они немного, только натянутой казалась их беседа, и молвила Абундия: «Хотя из нас двоих теперь ты, пожалуй, мудрее, однако же достаточно мудра и я, дабы понять, что ныне пробил час нашего расставания и что уже завтра ты испробуешь силу Посыльной Ладьи: разве не так?» – «Так, матушка, – отвечала Заряночка, – ныне прощаюсь я с тобою; и куда как грустно мне!» Вопросила Абундия: «И ты отдашь в руки ведьмы, как говорила давеча?» Отозвалась Заряночка: «Разве не мудро будет довериться собственной судьбе?» – «Увы, – молвила лесная дева, – может быть, в конечном итоге и так. Но ох как тяжело у меня на сердце и как боюсь я за тебя!»

«Матушка моя, матушка! – молвила Заряночка, – и я-то приношу тебе горе! – тебе, что подарила мне столько радости! Но не подсказывает ли тебе мудрость твоя, что мы ещё увидимся?»

Хозяйка леса опустилась на землю, и склонила голову к коленям, и замолчала надолго; затем поднялась она, и встала перед Заряночкой, и молвила: «О да, суждено нам встретиться снова, как бы это ни произошло. Так разойдемся же, пока сказано промеж нас доброе это слово. Однако сперва ты дашь мне прядь своих волос, как поступила я, когда впервые мы встретились; ибо таким способом сумею я завтра узнать, как всё сложилось».

Так Заряночка и сделала, и на том окончилась их беседа, ежели не считать последних слов прощания, сокрушённых и бессвязных. На том они и расстались до поры.

Глава XX

О Заряночке и Посыльной Ладье

Поутру пробудилась Заряночка, и встала, и оделась, но не увидела в горнице госпожи своей, хотя постель ведьмы была смята. Пленница не придавала тому значения, ибо колдунья частенько выходила по утрам из дому по тому либо другому делу. Однако же весьма порадовалась девушка, ибо ничуть не хотелось ей вступать с госпожой в пререкания. Невзирая на отвагу Заряночки, сердце её, как легко можно догадаться, так и трепетало, разрываясь между надеждой и страхом, и приходилось девушке сдерживать себя изо всех сил, чтобы унять дрожь и успокоиться, насколько возможно.

И вот Заряночка вплела прядь волос лесной матушки в собственные волосы, но решила, что неопасно будет оставить кольцо по-прежнему зашитым в сорочку; она положила в суму хлеба и мяса, на случай, если путешествие её затянется; а затем взяла да и переступила порог Обители Невولي.

Заряночка направилась напрямик к плёсу, по дороге колдунью так и не встретив; когда же дошла она до озера, то собралась было свернуть налево и спуститься прямо к бухте, как вдруг пришло девушке в голову сплавать в последний раз на Зелёный Остров. Ибо островок она любила всей душой и почитала своей собственностью, поскольку ведьма, порождение ночного кошмара, никогда не ступала на его берег. Кроме того, девушка сказала себе, что прохлада озера остудит жар в крови, и укрепит её сердце, и придаст мужества в преддверии приключения. И ещё: ежели ведьма углядит пленницу издали, что непременно произойдёт, она решит, что Заряночка по своему обыкновению вышла поутру искупаться, и тем менее склонна будет следить за нею.

И вот Заряночка сбросила одежды на песок у кромки воды и постояла немного на мелководье, где волны плескались у самых её ног, чтобы убедить ведьму, будто всё в порядке. По правде говоря, теперь, когда пробил час исполнять задуманное, девушка слегка оробела и склонна была помедлить немного и по возможности найти какой-нибудь пустячный предлог, дабы отдалить от себя ужас последнего момента.

Девушка вошла в воду и поплыла, уверенно рассекая волны точёными руками, и добралась до острова, и заглянула в каждый уголок, где встречала прежде радушный приём, и расцеловала деревья и цветы, что утешали её, и в последний раз приманила птиц и кроликов порезвиться с нею; но вдруг пришло в голову Заряночке, что время-то летит. Тогда она сбежала к воде, и нырнула, и поплыла к плёсу как можно быстрее, и вышла на берег, думая только о том, что произошло.

Ибо ло! – оглядевшись в поисках одежды и сумы, девушка обнаружила, что и то, и другое исчезло; и тотчас же в голове её молнией вспыхнула мысль, что это – дело рук ведьмы, что колдунья давно догадалась о задуманном побеге, и следила за служанкой, и воспользовалась её наготой и отсутствием, чтобы возвратить беглянку в Обитель Невولي. Тем более что драгоценное кольцо зашито было в сорочку Заряночки, и колдунья, разумеется, нашла его там, когда обыскивала одежду.

Заряночка не стала тратить время на поиски пропажи; она обвела взором песок и заметила следы, что ей не принадлежали, и следы эти вели обратно к дому. Тогда девушка обернулась, и глянула в сторону дома, и ясно различила ведьму: та как раз вышла за дверь, и в руке у неё что-то блестело и переливалось под солнцем.

Тогда Заряночка и в самом деле медлить не стала, но помчалась со всех ног вдоль кромки воды к заливу и к Посыльной Ладье. И, как уже говорилось, девушка бегала проворнее лани и очень скоро добралась до бухты и вскочила в лодку, запыхавшись и с трудом переводя дух. Она обернулась и окинула взглядом тропку, что только что протоптали её ножки, и показалось

ей, будто различает она вдалеке что-то вроде яркого вихря; однако с уверенностью сказать не могла, потому что перед глазами Заряночки всё кружилось от быстрого бега и от палящего солнца и ещё потому, что сердце её неистово билось. Мгновение девушка оглядывалась по сторонам в растерянности, ибо осознала вдруг, что совершенно нага и нет при ней ни ножа, ни ножниц, ни кинжала, чтобы отворить кровь. Но тут совсем рядом, под рукою заметила беглянка увядающую ветвь шиповника с большими шипами; Заряночка торопливо отломилась, и расцарапала левую руку, и проворно подошла сперва к носу, потом к корме, и окропила их кровью. Затем она уселась на банку и воскликнула громко:

Алого вуронова вина
Нос и корма испили сполна;
Так очнись и пробудись,
И в путь привычный устремись!
Путь Странника лёг за озёрные дали,
Ибо волю Посланника с кровью смешали.

Не успела девушка задуматься, а повинуется ли ладья заклятию, как чёлн дрогнул под нею, и устремился из бухты в озеро, и заскользил по залитым солнцем волнам, проходя между большой землёю и Зелёным Островом и словно бы намереваясь обогнуть западный мыс островка с наветренной стороны; а проплывала ладья менее чем в полёте камня от берега большой земли.

Сюда-то, навстречу ладье, и поспешает ведьма: она бежит вдоль берега, юбки её развеваются во все стороны, а в руке поблёскивает увесистый короткий меч. Оказавшись напротив ладьи, колдунья замедлила бег и закричала прерывающимся голосом, с трудом переводя дух:

Назад поспеши,
К дому у лесной глуши!
Назад, на покой,
В гнездо под ольхой!
Кровь Посланника нос и корму запятнала,
И Странника сердце усталость познало.

Но увидела ведьма, что Посыльная Ладья не внемлет её словам, ибо не ведьмина кровь пробудила ладью к жизни, но кровь Заряночки. Тогда воскликнула колдунья: «О дитя, дитя! Произнеси заклинание и вернись ко мне! Ко мне, что взрастила тебя, и любила тебя, и на тебя уповала! О вернись, вернись!»

Но как могла Заряночка внять её мольбе? Она видела тесак, и то, что позабыло сердце девушки, отлично помнила её плоть. Девушка сидела неподвижно и даже головы не повернула в сторону ведьмы.

Тогда с уст колдуньи сорвался безумный вопль, и воскликнула она: «Так убирайся же прочь, нагая и отверженная! Убирайся, нагая дурочка! И возвращайся сюда, побывав в руках у тех, кому жалость неведома! Ах, лучше было бы для тебя умереть от моей руки!» С этими словами ведьма раскрутила над головою тесак и метнула его в Заряночку. Но ладья уже развернулась к мысу Зелёного Острова и теперь стремительно удалялась, так что Заряночка слышала последние слова колдуньи только наполовину, а тесак, сверкнув в воздухе, упал в воду далеко за кормой.

Ведьма осталась стоять на месте, размахивая руками и издавая нечленораздельные вопли; но Заряночка более не видела её, ибо ладья обогнула мыс Зелёного Острова, и перед

глазами девушки открылось Великое Озеро – бескрайняя и безбрежная водная гладь под летними небесами. Время же было полдень.

НА ТОМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ КНИГИ «ВОДЫ ДИВНЫХ ОСТРОВОВ», ПОСВЯЩЁННАЯ ОБИТЕЛИ НЕВОЛИ. И ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ВТОРАЯ ЧАСТЬ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ДИВНЫХ ОСТРОВАХ.

Часть вторая Дивные острова

Глава I Остров первый

Так скользила Заряночка по озёрной глади, удаляясь от Обители Неволы; и вполне могло оказаться, что плыла она навстречу смерти: нагая и беспомощная, без огня и без пищи, во власти колдовских чар. Однако припомнила она речи хозяйки леса о том, что суждено им снова встретиться, и приободрилась; и порадовалась тому, что добились-таки своего и сбросила оковы рабства, и коварство ведьмы уже не коснётся её. Немало думала Заряночка о лесной матушке, и всё с любовью, и гадала, узнала ли та уже о судьбе беглянки, запалив волосок от её локона; тут девушка поглядела на прядь волос Абундии и поцеловала её.

Весь день Посыльная Ладья стрелою мчалась вперёд, и девушка не видела впереди ни земли, ничего другого, о чём стоило бы рассказать. Различал её взгляд только волны да небо, да знакомых озёрных птиц, вроде лысухи, дикой утки да цапли; порою лесной голубь стремительно проносился мимо, держа путь от одного берега к другому; встретились ей также два кречета, да скопа, да высоко в небе пролетел по своим делам огромный беркут.

Одна-одинёшенька, девушка не смыкала глаз весь день; но вот солнце село, и настала ночь; и спустя несколько часов бедняжка уснула от усталости; но ещё до того, как сгустились сумерки, померещилось ей, будто у самого горизонта на воду легло неподвижное синее облако.

Всю короткую ночь Заряночка проспала крепким сном и пробудилась оттого, что лодка обо что-то ударилась. Открыв глаза, увидела девушка, что чёлн пристал к земле и солнце только что взошло. Она поднялась на ноги и несколько мгновений гадала, где находится; и увидела она, что нага, и не могла понять, что это значит. Потом она распустила волосы и встряхнула ими, так что густая волна окутала девушку словно плащом; а затем оглядела незнакомую землю, и показался ей край этот дивным и отрадным. Пестреющие цветами травы сбегали к самой воде: сперва глазам открывался зелёный луг, где тут и там высились старые, раскидистые деревья; далее начинались склоны, отведённые под виноградники и фруктовые сады, и цветочные кущи; а сверху глядел на это всё великолепный Белый Дворец, резной и роскошный. Вместе с солнцем пробудился лёгкий ветерок и донёс до Заряночки благоухание сада; и тёплым показалось ей дуновение после пронизывающего холода бескрайней водной глади. Обернувшись же к озеру, никакой другой земли она не увидела.

Заряночка сошла на берег, в высокие мягкие травы, и некоторое время оглядывалась по сторонам, но так и не увидела ни тени существа человеческого. Усталость по-прежнему владела ею; всё тело бедняжки ныло оттого, что пробыла она так долго на жёстких досках лодки; потому Заряночка прилегла на траву, радуясь её ласковому прикосновению; и вскорости снова уснула.

Глава II Заряночка встречает новых друзей

Пробудилась она, когда солнце стояло ещё невысоко, а утро только начиналось; однако девушка поднялась на ноги, весьма освежённая недолгим сном. Она повернулась в сторону холма и роскошного дворца и увидела, что кто-то идёт к ней через луг, а именно – женщина в сверкающем золочёном платье; когда приблизилась незнакомка, Заряночка разглядела, что та молода и красива, высока, с белоснежной кожей и карими глазами; легко и весело ступала

она по зелёной траве, и ветер играл её длинными, рыжими волосами, разметав их в разные стороны.

И вот подходит эта дама к Заряночке, и в глазах у неё отражается удивление; и приветствует она девушку добрым словом и спрашивает об имени; и назвалась Заряночка, как есть; и молвила вновь пришедшая: «Что за дело привело тебя сюда, нагую, одну-одинёшеньку, в этой зловещей ладье?» При этих словах задрожала Заряночка, хотя незнакомка говорила с нею ласково, и молвила: «То долгая история; сама судьба пригнала меня сюда, и ещё несчастье, и не ведала я, куда направляюсь. Но неужели не найдётся для меня доброго приёма в этом прекрасном краю? Я вовсе не неумеха какая; и готова я прислуживать последней из служанок и лучшей участи просить не стану, ежели уж так суждено». Отвечала незнакомка: «Может статься, к этому и придёшь ты; только нелёгким покажется тебе рабский удел. Боюсь я, ждёт тебя здесь дурной приём». Молвила Заряночка: «Не скажешь ли мне, почему так?» Отозвалась дама: «Мы знаем твою ладью; именно на этом судне приплывает сюда то и дело сестра госпожи нашей Королевы, в чьих владениях ты ныне оказалась; а живёт Королева вон в том белом дворце, и мы у неё в услужении. Сдаётся мне, что не с её дозволения явилась ты сюда, ибо тогда иначе бы ты выглядела; и на то похоже, что бежала ты от своей госпожи. Потому опасаюсь я, что отошлют тебя назад к твоей помянутой госпоже спустя некоторое время, и время это обернётся для тебя немалыми муками – как для души, так и для тела».

Сердце Заряночки дрогнуло, и побледнела она и задрожала, но молвила: «О, дорогая леди, нельзя ли мне в таком случае покинуть остров тем же путём, каким прибыла я сюда, – так, чтобы Королева не прознала? – после того, как дала бы ты мне ломтик хлеба, ибо голодна я». Отозвалась облачённая в золото дама, глядя на гостью жалостно: «Нет, девушка, нет у меня иного выбора, кроме как отвести тебя к нашей госпоже; ибо, скорее всего, она тебя уже углядела сверху. Ибо Королева наделена зрением гораздо более острым, нежели пристало смертному. Но что до еды, погляди! – поспешая сюда, я захватила с собою белый хлебец, а с ним и сыра; ибо подумалось мне, что гостя, верно, проголодалась». И она протянула девушке снедь. Заряночка взяла хлеб и сыр, и расцеловала золочёной даме руки, и не смогла сдержать слёз, но прямо за едою и разрыдалась.

Тем временем золочёная леди обратилась к ней и сказала: «Однако же, бедная ты девушка, возможно кое-что измыслить тебе в помощь; тотчас же поговорю я о том с моими сёстрами, а обе они куда мудрее меня. Мы сёстры не по крови, но в силу любви и дружбы. И не сомневаюсь я, что, поднимаясь к дому, мы повстречаем их в саду. Однако же, вот приглядываюсь я к тебе: и что ты за красавица!»

«Добра ты и приветлива, – отвечала Заряночка, улыбаясь сквозь слёзы, – как бы мне узнать, каким именем называть женщину столь милую?» – «Называй меня Аврея, – отвечала незнакомка, – а вторая моя сестра зовётся Виридис, а третья – Атра; так сложилось согласно цветам наших одежд*; других же имён у нас ныне нет. Ло! – а вот и Виридис идёт к нам через луг».

Взглянула Заряночка и увидела, что подходит к ним женщина, одетая во всё зелёное, в венке из роз. И вот приблизилась она и приветствовала Заряночку добрым словом. Виридис, миниатюрная, в отличие от высокой и пышнотелой Авреи, однако сложенная безупречно, тоже отличалась редкостной красотой. Светло-каштановые её волосы слегка вились; у неё были тёмно-карие глаза, скорее удлинённые, нежели большие; полные, алые губы; нежные, гладкие и свежие щёки, напоминающие розового оттенка жемчуг; руки маленькие и изящные; всё её тело покоряло мягкостью округлых очертаний; а на лице отражались сострадание и доброта.

Внимательно оглядев Заряночку, она поцеловала девушку и молвила: «Как бы хотелось мне, чтобы удел твой оказался счастливее, ибо ты прекрасна, и всяк, в чьём сердце нет зла, должен бы любить тебя». С этими словами Виридис извлекла из сумы всевозможные лакомства

и молвила: «Поешь немного, ибо ты, должно быть, голодна; и пойдём же повидаемся с нашей третьей сестрицей, что куда мудрее нас».

И пошли они, все трое, и, перейдя через луг, поднялись на склон холма, где раскинулся сад; тут вышла к ним навстречу Атра, с ног до головы облачённая в чёрное; высокая, хрупкая, грациозная, словно ивовая ветвь на ветру, с тёмными, густыми волосами и серыми, словно у ястреба, глазами; лицо её, бледнее цветов бузины, только на щеках чуть тронато было румянцем. Она тоже ласково приветствовала Заряночку, однако печально прозвучали слова её. Она протянула гостье капустный лист, доверху полный земляники, и молвила: «Сестрицы, здесь мы укрыты за деревьями, и из дома разглядеть нас невозможно; потому можем мы присесть на минуту-две и поговорить промеж себя о том, что возможно сделать в помощь горемычной девушке, столь прекрасной и милой и попавшей в ловушку столь гнусную». Затем обратилась она к Заряночке: «Узнай же, о злосчастная странница, что Королева, госпожа наша, сестра Ведьмы из-за Леса, женщина крупная и сильная, хорошо сложена и белокожа, так что почитает себя бесспорною Королевой красоты; столь зорок её взгляд, что заметит она муху там, где другой не углядит и кролика; при этом тонок её слух; куда как искушена она в магии; и не вовсе глупа, хотя заносчива, и жестокостью превзойдёт любого. Но есть у неё и слабость: память подводит её в том, что касается событий недавних, хотя лучше лучшего помнит она свои заговоры да ведьминские заклинания. Однако всё прочее в голове её не задерживается и сутки. Потому, сёстры, ежели сможем мы спрятать эту девушку от её взгляда (после того, как Королева повидает её и вынесет ей приговор) до завтрашней полуночи, мы, может статься, сумеем оказать ей услугу; и думается мне, что и девушка в свой черёд нам услугу окажет».

Порадовались все речам мудрой Атры; и попросила Атра Заряночку рассказать им о себе; и много чего поведала беглянка, но, кто знает почему, ни словом не обмолвилась она о лесной деве, столь схожей с нею внешним обликом. Тут дамы принялись жалеть бедняжку и ласкать её; но посоветовала Атра: «Не след нам задерживаться здесь долее; нужно идти прямо к госпоже, иначе всё пропало».

И пошли они своим путём, и поднялись в сад для прогулок, и прошли по благоуханному зелёному дёрну между гирляндами цветов и прекрасными деревьями; но красота эта не занимала более Заряночку, хотя теперь странница различала всякий листик и травинку отчётливо и более чем отчётливо. Три дамы говорили с нею ласково и то и дело спрашивали о чём-нибудь, словно бы давая понять, что гостя принята в кругу их на равных; но девушка хранила молчание либо отвечала невпопад; по правде сказать, слов она почти не различала: воистину тяжело у ней было на сердце, и умирала она от страха; и нагота её, что мало заботила Заряночку на озере, теперь повергала бедняжку в ужас и стыд, и каждая частичка её тела трепетала от неизбыточной муки.

Глава III

Заряночка приведена пред очи ведьминой сестры

Наконец, дошли они до самого дома: а поскольку стоял дворец высоко на склоне холма, к нему вела огромная каменная лестница, с виду весьма роскошная. Дамы поднялись на изящное крыльцо с высокими колоннами и вошли в просторный зал, изумляющий великолепием постройки: в противоположном его конце красовался на возвышении золочённый трон, а на троне восседала могучего сложения женщина в ярко-алом одеянии. Три девы подвели Заряночку к могущественной госпоже на расстояние каких-нибудь четырёх шагов, а затем отступили от пленницы, покинув её одну перед облачённой в алое женщиной. Справа и слева высокие мерцающие колонны вздымались к самой крыше, а под ногами девушки темнел полированный мозаичный пол: на угольно-синем фоне распластались невиданные звери, драконы и гигантские змеи.

Будучи предоставлена самой себе, сперва задрожала девушка и с трудом удержалась на ногах; но потом слегка воспряла духом, говоря себе, что теперь-то непременно настигнет её смерть раз и навсегда, а переход от жизни к смерти вряд ли окажется долгим. Она подняла глаза и взглянула на леди-колдунью, что отчасти походила на сестру свою белоснежной кожей и густыми золотыми волосами, однако с виду казалась моложе и не столь безобразна, как делалась к тому времени вторая; Королева и впрямь была хорошо сложена, но лицо её производило отталкивающее впечатление; нижняя губа оттопырилась, увядшие щёки обвисли, глазщёлочки словно бы не открывались до конца; короче, лицо это выражало скудоумие, высокомерие и жестокость. Воистину ужасное впечатление производила ведьма, что, восседая на высоком троне, готовилась вынести приговор напуганному и обнажённому созданию.

Королева заговорила; и ежели голосу её недоставало торжественного величия, то ясно звучали в нём гнусное злорадство и ненависть; и молвила она трём девам: «Та ли это женщина, кою заметил мой зоркий глаз не так давно, как выходила она из Посыльной Ладьи моей сестрицы?» Аврея опустила на одно колено и молвила: «Да, госпожа моя, с вашего соизволения, так оно и есть».

Тогда рывкнула ведьма: «Эй, ты! Станешь ли ты утверждать, что приплыла сюда с поручением от моей сестры? Думаешь, я настолько глупа, что не догадаюсь: ежели бы она сама послала тебя ко мне, ты бы не явилась в таком жалком виде? Нет, я знаю: ты бежала от неё, ограбив тем самым свою госпожу; ты воровка, и обойдётся с тобою, как с воровкою».

Молвила Заряночка звонким голосом: «Я не притворяюсь, о леди, будто сестра твоя послала меня сюда с поручением; когда жизнь моя при ней сделалась невыносимой, я воспользовалась случаем бежать от неё; вот и весь мой сказ. Что до воровства, так не раз приходило мне в голову, что сестра твоя украла меня у тех, кто любил меня».

«Ха, рабыня! – молвила госпожа. – Смела ты, однако; даже чересчур смела, нагая негодяйка, раз вздумала пререкаться со мною. На что сдалась мне твоя история – теперь, когда ты в моих руках?» Голос Королевы звучал скорее холодно, нежели свирепо; однако источал яд злобы. Отозвалась Заряночка: «Ежели и смела я, о леди, то только потому, что вижу: оказалась я в Обители Смерти. А обречённому на смерть чего бояться?»

«Обитель Смерти! – воскликнула неразумная дама. – Ты смеешь называть мой роскошный дворец Обителью Смерти? Да ты не просто смела, раздетая донага рабыня, но куда как дерзка».

При этих словах сердце Заряночки переполнилось презрением, однако сдержалась она и молвила: «Намеревалась я пробудить в тебе ярость, чтобы ты убила меня тут же на месте, ибо милости у тебя просить нечего».

Рассмеялась Королева. «Ну и глупа ты, рабыня, – молвила она. – Ежели бы улетела от моей сестры ласточка, я бы и то не свернула ей шею, но сохранила для законной владелицы. Так поступлю я и с тобою. Я тебя не убью и не стану уничтожать сестрицыного имущества; и вреда не причиню я тебе, ибо не желаю испортить её собственность. Я отошлю тебя обратно к ней, украденную рабыню в украденной же ладье, как только преподам тебе урок. Именно для того, сдаётся мне, сестра и позволила тебе проскользнуть у неё промеж пальцев, ибо она достаточно мудра, чтобы удержать тебя от праздной прогулки, ежели бы захотела того. Но сестрица добра, мягкосердечна и жалостлива и могла рассудить, что коли кара настигнет тебя здесь от её имени, оно будет лучше, нежели излишняя её милость. Однако же, рабыня, достаточно потратила я на тебя слов, куда более чем достаточно; убирайся подальше, за пределы слышимости!»

Глава IV

О темнице колдуньи в Башне Рыданий

Заряночка поступила, как ей было велено; и ведьма призвала к себе Атру. Подошла Атра, и смиренно остановилась в шаге от госпожи, и поговорила с ведьмой недолго. Затем дева в чёрном чуть отступила от колдуньи, приблизилась к Заряночке и голосом достаточно резким повелела пленнице следовать за собою. Заряночка, дрожа, поспешила за Атрой, и вышли они из зала и миновали длинный коридор, что вёл к широкой винтовой лестнице; всё выстроено было на диво, да только сердце Заряночки не позволяло глазам её отдать должное подобной красоте; силы совершенно оставили девушку, и так страшилась она грядущих пыток, что ноги у неё подкашивались.

Но вот Атра ласково касается рукою её плеча, и останавливает пленницу, и молвит: «Сдаётся мне, что стены Башни Рыданий, ибо таково её название, не имеют ушей, и теперь можем мы поговорить промеж себя. Знаешь ли ты, зачем я тебя сюда привела?» Молвила Заряночка прерывающимся голосом: «Велено тебе высечь меня?» – «Даже если бы и было велено, милая девушка, – отвечала со смехом Атра, – разве стала бы я исполнять подобное поручение? Укрепи же своё сердце! Ибо до сих пор всё сошло благополучно, и теперь похоже на то, что мы трое сумеем спасти тебя».

При этих словах к Заряночке вернулись силы, и она закрыла лицо руками и разрыдалась. Но Атра приласкала её и ободрила; и поцеловала девушку, и утёрла ей слёзы, и Заряночка снова улыбнулась, всё ещё всхлипывая, и поблагодарила даму в чёрном. Атра же снова обратилась к пленнице, говоря: «Прежде всего должна я сообщить тебе, что по повелению ведьмы веду тебя в темницу». – «Да, – кивнула Заряночка, – а что такое темница?» Пояснила Атра: «Темница – это зловещее место, куда запирают людей бедных, не потравивших людям богатым, дабы горевали там пленники и мучились оттого, что не могут выйти на свет божий и отправиться туда, куда захотят; кроме того, могут господу обречь своих пленников и на иные страдания, такие, как, например, мгла, и холод, и голод, и побои. Что-то в этом духе, или хуже, наша госпожа замышляет и для тебя, только мы-то этого не допустим. Вот почему для тебя тюрьма окажется местом, где ты будешь в безопасности до тех пор, пока мы не сможем вывести тебя наружу, когда ночь приблизится к утру. Ибо до завтра Королева о тебе позабудет; и об этом она отлично знает; поэтому только что, пока стояла ты за пределами слышимости, госпожа повелела мне, помимо прочего, привести тебя к ней завтра утром и рассказать ей про тебя, так, чтобы снова пришло ей на ум всё то, что замыслила она сегодня».

«Да, – отозвалась Заряночка, – но разве не припомнит ведьма, что дала тебе поручение касательно меня?» – «Смутно припомнит, – отвечала Атра, – и при помощи нескольких слов я с лёгкостью собою её с толку, и мысли её смешаются, и не заговорит она о том более. Укрепи своё сердце, милая; но давай же поднимемся по этой лестнице, ибо хочу я поскорее спрятать тебя в темнице, а потом спущусь я к госпоже и скажу, что оставила тебя распростёртой на голом полу, во власти ужаса и горя, чтобы не пришло ей в голову послать за тобою до того, как воспоминания её потускнеют».

И снова приободрилась Заряночка, и торопливо поднялись они по длинной лестнице, пока, наконец, не остановилась Атра у двери, обитой железом по всей длине и поперёк тоже. Дева в чёрном сняла с пояса связку ключей, один большой и два поменьше, и вложила большой ключ в замочную скважину, и повернула его, и толкнула тяжёлую дверь, и вошла в прямоугольный сводчатый зал; свод же опирался на колонну розового мрамора, на которой выше человеческого роста крепились съёмные латунные опоры. Этот зал выглядел в своём роде недурно, однако производил гнетущее впечатление; ибо стены снизу доверху облицованы были чёрным тёсаным камнем, плотно пригнанным один к другому, а чёрного мрамора пол, отполированный

до блеска, напоминал тёмную заводь и отражал точёные ступни и ножки Заряночки, как ступала она по нему. Благодаря широким окнам свет заливал залу до последнего уголка, однако окна располагались столь высоко под сводом, что ничего нельзя было разглядеть сквозь них, кроме неба. Убранство зала составляли только узкая дубовая скамья и три дубовые же табуретки, а также великолепное кресло, огромное и резное, убранное золотыми и пурпурными подушками, а в одном из углов стоял массивный дубовый сундук.

Молвила Атра: «Здесь – темница нашей госпожи, и боюсь я, что не сможем мы сделать её уютнее для тебя, милая чужестранка. И ещё должна я сказать тебе (тут дева в чёрном покраснела), что мне приказано, помимо прочего, заковать тебя в железо». Заряночка улыбнулась ей, слишком утомлённая, чтобы спросить, что бы это значило, хотя понятия о том не имела. Атра же подошла к огромному сундуку и открыла его, и запустила в него руки, и послышался звон, и когда снова повернулась она к Заряночке, в руках у девы в чёрном гремели железные цепи, и проговорила она: «Стыдно мне, милый друг; однако ежели согласишься ты надеть вот это, оно будет лучше, ибо ведьме может прийти в голову заглянуть в тюрьму, и ежели обнаружит она тебя без кандалов, то разгневется, а гнев её, как правило, вооружён хлыстом. Я же постаралась подобрать для тебя оковы самые лёгкие».

Заряночка снова улыбнулась, но не произнесла ни слова, настолько устала она; и Атра сковала кандалами запястья её и лодыжки; а затем молвила: «Помни, однако, что ключи от них находятся в руках друга. А теперь я уйду ненадолго, однако стану стараться для тебя же; ибо сначала скажу я госпоже, что лежишь ты здесь, закованная в кандалы, во власти беспросветного отчаяния; а затем, опять-таки по её воле и повелению я должна приглядеть за тем, чтобы сегодня накормили тебя на славу, дабы набраться тебе сил для дня завтрашнего. А теперь, ежели слушаешься ты моего совета, не станешь ты открывать вон тот сундук, ибо мерзкие предметы обнаружишь ты там, и подобное зрелище снова лишит тебя присутствия духа».

На этом Атра ласково поцеловала девушку в щёку и отправилась своим путём, и тяжёлый ключ повернулся в замке за её спиной.

Заряночка осталась предоставлена самой себе; и даже для рыданий не осталось у неё сил; по правде говоря, сделала пленница один-два шага в направлении сундука, но удержалась, и сняла две подушки с кресла, и отошла в другой угол, причём цепи звенели при каждом её шаге. Там девушка прилегла, и забилась в самый уголок, и тотчас же уснула, и спала сладким сном долгое время, не видя никаких снов.

Глава V

Пир в темнице у ведьмы

Заряночка проснулась оттого, что в замке повернулся ключ: и вот отворилась дверь, и появилась Атра, нагруженная блюдами и тарелками, а вслед за нею вошла и Виридис со сходною ношей, и с кубками, и в придачу с бутылью; и обе дамы весело улыбались.

При виде их сердце Заряночки забилось от счастья; в особенности же обрадовалась девушка приходу Виридис, что показалась ей из трёх дам самой доброй.

Молвила Виридис: «А вот и угощение для дорогой сестрицы, и куда как вовремя; поручиться могу, что ты умираешь от голода, ибо полдень давно миновал. Сними с неё оковы, Атра». Отозвалась дева в чёрном: «Может быть, разумнее будет оставить кандалы на ногах, на случай, ежели госпожа явится; но что до запястий, протяни-ка руки, странница». Так Заряночка и сделала, и Атра сложила свою ношу на пол, и расстегнула наручники, и сняла их; а тем временем Виридис расставляла яства, кое-что на полу, а кое-что на зловещем сундуке. Затем подошла она к Заряночке, и поцеловала её, и молвила: «Теперь сидеть тебе на троне нашей госпожи, а мы станем прислуживать тебе; то-то возгордишься ты, почитая себя знатной особой».

Об отказе дамы и слышать не пожелали, и пришлось Заряночке усесться обнажённой на пурпурные подушки; и пошёл пир горой. В изобилии тут было изысканных яств: оленина и дикая птица, сметана и фрукты, и сласти, а к ним доброе вино: никогда прежде не приходилось Заряночке пировать подобным образом, и воспряла она духом, щёки её зарумянились и глаза засверкали. Однако же заметила она: «Что, коли госпожа ваша застигнет нас здесь, а мы-то веселимся?» Отвечала Атра: «С кресла придётся тебе сойти, едва заслышишь ты, как в замке поворачивается ключ, а об остальном не беспокойся, на нас колдунья не рассердится; потому что сама она наказала нам, а мне в особенности, присоединиться к тебе здесь и занять тебя разговором; пришла бы и Аврея, да только сейчас она прислуживает госпоже». «Неужели колдунья сжалилась надо мною, – спросила Заряночка, – раз повелела вам так меня порадовать?»

При этих словах расхохоталась Виридис, и молвила Атра: «Жалости она не знает и не узнает никогда; однако же настолько ожесточено её сердце, что колдунья и предположить не может, будто мы способны полюбить тебя, оказавшуюся в беде чужестранку, от которой выгоды ждать не приходится; потому не опасается ведьма, что наше сострадание облегчит твои муки. А послала она нас, и меня в особенности, отнюдь не утешать тебя, но расстроить и напугать; ибо велела мне госпожа порассказать тебе байки о том, чем обернётся для тебя день завтрашний, а также и следующий; и как возьмётся она за тебя, и что впоследствии, и чего ожидать тебе в итоге. Так надеется она смирить твою гордыню и поубавить отваги, и наполнить каждое мгновение дня сегодняшнего неизъяснимым ужасом для души твоей и тела, чтобы таким образом пережила ты страдания дважды. Вот какова её милость к тебе! Однако же, похоже на то, что жестокость колдунии обернулась тебе во спасение, ибо иначе колдунья принялась бы за тебя уже сегодня, а завтра ты окажешься далеко от неё».

«Мы же, – промолвила Виридис голосом негромким и нежным, – ни о чём подобном с тобою говорить не станем, но поведём речи утешительные и ласковые и расскажем друг другу свои истории. Так ли, Атра?» – «Да, так», – отвечала дева в чёрном.

Заряночка подняла глаза и молвила: «Удивительны ваше сострадание ко мне и исполненная любви доброта; просто и не знаю я, как вынести их бремя. Но скажите мне об одном откровенно: не придётся ли вам страдать вместо меня, когда прознает ведьма, что вы похитили меня у неё?»

«Нет, – отвечала Атра. – Говорю тебе, к завтрашнему дню она совсем позабудет о тебе и твоём появлении, или почти забудет. Кроме того, ведьме открыто будущее; так стало ей известно, что ежели поднимет она руку на одну из нас, сделает она это себе на погибель; если только поводом не послужит тяжёлая провинность, ясно противу нас доказанная. Воистину, в первые дни нашего плена мы совершили проступок такого рода, и кара не замедлила впоследствии, что Виридис, несомненно, подтвердит. Однако же теперь мы поумнели, и лучше знаем нашу госпожу, и такого удовольствия не доставим ей более».

Заслышав эти слова и заметив улыбку Атры, Виридис потупила взор, и покраснела, и побледнела; Заряночка глядела на неё, дивясь, что деву в зелёном тревожит; а затем молвила: «Приходится ли вам, сестрицы, работать в саду и в поле? Я имею в виду, коров и коз доить, землю копать, сеять и жать, и всё такое прочее». – «Нет, – отвечала Атра, – либо госпожа наша, либо кто другой, обладающий великим могуществом, повелел, чтобы всё здесь росло и созревало само по себе; не нужно здесь ни пахать, ни сеять, ни жать, ни ухаживать за садом; а всё иное, потребное нам, госпожа извлекает для нас из Дивного Ларца либо позволяет нам самим взять, что нужно. Ибо узнай, что оказалась ты на одном из Островов Озера, и прозывается он Островом Непрошеного Изобилия».

«Тогда выходит, – отозвалась Заряночка, – что ежели госпожа ваша откажет вам в дарах Дивного Ларца, вы погибли». – «О да, так, – отвечала Атра, – тогда останутся нам только плоды земли да дикие твари, а их так и не научились мы превращать в обед да ужин». При этих словах все трое расхохотались; и молвила Заряночка: «Видите, права я была, нанимаясь к вам

в служанки, ибо всякой работе по дому, и в хлеву, и в поле обучена я. Но раз не пожелали вы оставить меня при себе либо не в вашей это власти, не удивляюсь я, что здешняя жизнь вам постыла и мечтаете вы о побеге, невзирая на то, что столь изобилен и прекрасен остров и не знаете вы до поры ни дурного обращения, ни тоски. Ибо, по правде говоря, стоит над вами скудоумная тиранка».

Отвечала Виридис: «И, однако же, милая подруга, не только это усиливает желание наше бежать. Расскажи ей, Атра».

Улыбнувшись Атра и проговорила: «Всё очень просто: есть на свете те, что тоскуют по нам и по кому тоскуем мы, и хотелось бы нам быть вместе». Молвила Заряночка: «То, должно быть, родня ваша, отцы и матери, сёстры и братья, и прочие?»

Снова вспыхнули щёки Виридис; и заговорила Атра, тоже слегка краснея, но при том улыбаясь: «Те, кого мы любим, и те, что любят нас, – не жёны, но мужи; и не родня они нам по крови, но чужие – до тех пор, пока не овладеет ими любовь и не заставит их возмечтать о том, чтобы стать с нами единой плотью; и желание их не ведаёт границ, и жаждут они наших тел, каковые видятся им куда прекраснее, чем, может быть, есть на самом деле. И они станут разделять с нами ложе, и у нас родятся дети. И всё это позволяем мы им охотно, потому что любим их за доблесть, за преданное сердце и за пылкую любовь к нам».

При этих словах Виридис подняла взгляд, и глаза её засверкали, и щёки заалели, и молвила она: «Сестра, сестра! Ровно так же и не иначе, как они желают нас, так желаем и мы их; не просто доброе расположение к ним движет нами, но страсть и любовный жар».

Тут Атре пришлось покраснеться пуще Виридис; однако одно только прибавила дева в чёрном: «Я поведала тебе о том, Заряночка, потому что, сдаётся мне, воспитана ты в простоте и неведении, вдали от мужей; однако в мире сыновей Адамовых об этом знает всяк и каждый». Отвечала Заряночка: «Правду сказала ты про меня. Однако о подобной любви каким-то образом проведала я задолго до дня сегодняшнего; и теперь, в то время как беседуем ты и я, кажется мне, что древнее это знание волною нахлынуло на меня и переполняет сладостью сердце. О, что за чудо – обрести в ком-то подобную любовь и быть любимой подобною любовью!»

«Не бойся, дорогая сестрица, – отозвалась малютка Виридис. – Такая, как ты, не станет жаловаться на безответность того, кого суждено тебе полюбить. Не так ли, сестрица Атра?» Молвила Атра: «Да, подобная любовь настигнет её столь же верно, как и смерть».

Девы ненадолго замолчали, и словно бы благоухание сладких благовоний разлилось по залу. Заряночка трепетала, щёки её то краснели, то бледнели, сердце неистово колотилось, и сладость желания сокрушала её. Ещё грациознее стали движения девушки, и поставила она ножку к ножке и подивилась гладкости своей кожи; нежным было её тело, каковому в один прекрасный день суждено было пробудить любовь столь страстную.

И снова робко обратилась к подругам Заряночка и молвила: «Выходит, у каждой из вас есть тот, кто любит её и желает только её и не другую?» – «Именно так», – отвечала Виридис. «Что это за блаженство, должно быть! – воскликнула Заряночка. – Теперь тем более дивлюсь я, что вы так хлопочете обо мне и хоть на мгновение обо мне задумались; воистину вы ещё добрее, чем я думала».

Отвечала Атра, улыбаясь ей: «Нет, шила в мешке не утаишь; и признаюсь тебе: на самом деле мы – сродни купцам, что ценою доброты пытаются выторговать у тебя нечто, а именно, чтобы отправилась ты с поручением от нас к трём нашим возлюбленным». – «Всенепременно, – отвечала Заряночка, – ничтожная это плата за то, что спасли вы жизнь мою и душу; и даже если бы пришлось мне пройти босиком по раскалённым угольям, я сделала бы и это. Однако же, ежели я могу отправиться отсюда к вашим возлюбленным, почему не можете вы трое уплыть со мною вместе?»

Отвечала Атра: «Вот почему: твоё судно, Посыльная Ладья, в которой прибыла ты сюда, отчасти сродни твоей госпоже и нашей; и здешняя госпожа заговорила её противу нас; и теперь,

ежели мы только прикоснёмся к чёлну, поднимется такая страшная буря и шум столь ужасный, словно бы небо готово обрушиться на землю; и Королева тотчас же набросится на нас, и погибли мы; ибо, как ты вскорости услышишь, это было доказано. Но что до тебя, над тобою заговор не властен. Воистину не знаю я, почему твоя повелительница не заговорила ладью и противу тебя тоже; может быть, потому что сочла, будто не посмеешь ты воспользоваться ею и даже близко не подойдёшь».

Призадумалась Заряночка и решила, что так оно и есть: колдунья положилась на то, что не осмелится пленница воспользоваться Посыльной Ладьёй, да и не будет знать, как, даже если найдёт её; а ежели и найдёт, то она, ведьма, отучит пленницу ходить в ту сторону. И теперь поведала Заряночка подругам свою историю гораздо более подробно, нежели давеча, умолчав только о том, что касалось Абундии; и повторила слово в слово всё то, что сказала ей госпожа, перед тем как превратить в лань. Виридис слушала, дивилась и жалела бедняжку. Атра же сидела неподвижно, словно бы удручённая чем-то. Но вот, наконец, заговорила она: «Как бы то ни было, мы отошлём тебя с острова завтра на рассвете и примем на себя последствия; а ты отвезёшь по верному знаку тем троим, что нас любят. Ибо полагаем мы, что они ничего не позабыли, но до сих пор разыскивают нас».

Отвечала Заряночка: «Что бы ни поручили вы мне, я всё исполню и по-прежнему буду почитать себя вашею должницей. Но теперь, прошу вас, угодите ещё немного несчастной пленнице».

«Как же? – воскликнули обе дамы. – Мы готовы». Молвила девушка: «Не будете ли вы так добры рассказать мне, как попали сюда и как жили с тех пор, как впервые здесь оказались, и по сей день?» – «С охотой, – отвечала Атра, – слушай!»

Глава VI

Атра рассказывает о том, как она и её подруги оказались на Острове Непрошеного Изобилия

«Мы родились и выросли в том краю, что лежит на юго-западе, у берегов этого Великого Озера; и жизнь наша текла счастливо, и сдружились мы, ещё будучи детьми, и так, оставаясь дорогими друзьями, повзрослели и достигли поры девичества. Многие мужи искали нашей руки, но наши сердца не склонялись ни к кому, кроме троих, что славились красотой, добротой и отвагой; ты можешь называть их Золочёный Рыцарь (это избранник Авреи), Зелёный Рыцарь (избранник Виридис) и мой избранник, Чёрный Оруженосец. Но на наше несчастье, в силу давних распрей, что тянулись с незапамятных пор, любовь эта навлекала опасность и на них, и на нас; потому жили мы в сомнении и тревоге.

И вот настал день, а ныне тому три года, когда король всей земли явился со свитой в наш приозёрный край и созвал суд и сход на широком зелёном лугу у воды. Но едва освятили сход и военный рог возвестил Божий Мир, явились мы трое, скорбные дамы, облачённые в чёрное, преклонили мы колена перед владыкой нашим королем и взмолились, чтобы выслушал он нас. Король же нашёл, что мы хороши собою, потому в сердце его родилось сострадание к нам, и велел он нам подняться и говорить.

И поведали мы свою историю, говоря, что раздоры, и раны, и смерть встали между нами и нашей любовью; и рыдали мы и сокрушались, что суждено погибнуть нашей любви оттого, что мужи враждуют друг с другом, но не с нами.

Король милостиво взглянул на нас и молвил: «Кто же эти молодцы, ради которых сии прекрасные дамы так хлопочут?» И назвали мы наших возлюбленных, помянув, что они здесь, на сходе; король же знал их за воинов весьма отважных, что сослужили ему добрую службу; и провозгласил он их имена, и повелел выйти из толпы. И выступили они вперёд, Золочёный Рыцарь, Зелёный Рыцарь и Чёрный Оруженосец (а к тому времени и он тоже стал рыцарем);

однако в ту пору все трое облачены были в чёрное и безоружны, ежели не считать мечей у пояса, без которых никто из наших мужей на сход не являлся, будь то барон, граф или герцог, или сам владыка наш король.

Тогда король поглядел на нас и на них, рассмеялся и молвил: «Прекрасные дамы, вольно ж вам водить меня за нос; так и весь поневоле стронусь с места. Вы, трое рыцарей, известные мне своей преданностью и отвагой, возьмите каждый свою возлюбленную за руку, и завтра же сыграем свадьбы». Кто же и обрадовался, как не мы? Но не успел договорить король, как заволокновался сход, ибо вражда и раздор вспыхнули снова, и люди толпами ринулись друг на друга, извлекая из ножен мечи и потрясая ими. Тут король поднялся с места, и говорил долго и красноречиво, и пришёл в великую ярость, ибо никто не прислушался и не внял ему. И стояли там наши возлюбленные: они одни не положили рук на рукояти мечей, но со спокойными лицами ожидали своей участи среди всеобщей смуты. И прекрасны они были. Наконец вмешались мудрецы и престарелые бароны и разумными словами уняли беспорядок, и толпа малость притихла. Тогда молвил король: «Что же это такое, таны* мои? Я полагал, что враги мои далеко, а все собравшиеся здесь – друзья мне и друг другу. Но теперь придётся нам испробовать иное средство». Тут оборотился он к нашим избранникам и молвил: «О паладины, настолько ли влюблены вы в Любовь, чтобы сразиться за неё?» Рыцари подтвердили, что так, и возгласил король: «Тогда объявляю я, что эти трое будут биться противу любого, кто захочет скрестить с ними мечи, с заутрени и до полудня, и тот, кто одолеет одного из них, получит его даму и женится на ней, ежели пожелает, а ежели нет, возьмёт за неё выкуп. А состоится сей турнир в двухмесячный срок, на этом же зелёном лугу, едва возвращусь я от южных границ, куда ныне направляюсь. Когда же завершится поединок, пусть всяк склонится перед судом Господним, по сердцу ему это или нет, ежели только дороги ему жизнь и плоть. А теперь да воцарится на это время мир и доброе согласие промеж всех; и ежели кто мир нарушит, будь он благородного происхождения или низкого, богат или нищ, смерд или граф, клянусь душами моих предков, что не потеряет он ничего, кроме жизни».

При этих словах послышался гул одобрения, и все остались довольны, кроме нас, бедняжек, ибо в наши сердца вошёл отныне страх утраты и смерти.

Но родичи наши с обеих сторон возликовали и возгордились, и более не злобились они на нас так, как прежде; и развязали они кошель, и воздвигли для нас у самого озера роскошный павильон крашеного дерева, весь завешанный шелками, и расписными тканями, и сарацинскими гобеленами*; и нарядные, богато разубранные чёлны качались на волнах у помянутого павильона нам на утеху; когда же всё было сделано, до поединка оставалось ещё полмесяца, и торжественно привезла нас туда родня ясным майским днём, и во всей толпе не нашлось бы ни меча, ни копья, и казалось, что повсюду царят мир и веселье. Однако всё это время, со дня схода, не позволялось нам видаться с возлюбленными.

И вот однажды примчался посланец и дал знать, что король прибудет к нам завтра, а ещё через день состоится решающий турнир. И хотя мы и ждали рокового часа с таким нетерпением, однако теперь, когда он приблизился, мы преисполнились мучительной тревоги и беспокойства, так что едва понимали, идти ли, стоять или сидеть, и чем себя занять. Наша родня и прочий люд с ног сбились, готовясь к завтрашнему дню дня завтрашнего, и нас троих предоставили самим себе, пережидать бесконечный день, как сможем.

И вот миновал полдень, и день был жаркий и знойный, и стояли мы у самой кромки воды, измученные надеждой и страхом, и старались подбодрить друг дружку; и пристала к берегу ладья, позолоченная, расписанная яркими красками, разубранная шёлковыми тканями да подушками; а правила ладьёй немолодая женщина, на глаз около пятидесяти зим; рыжеволосая, тонкогубая и узкоглазая, с плоской грудью и прямыми бёдрами; прямо скажем, дурная собою, хотя кожа её казалась достаточно белой и гладкой для её-то возраста. Не доводилось ли

тебе встречать подобную женщину, гостя?» Отвечала Заряночка, улыбаясь: «Ещё как доводилось, ибо именно такова с виду госпожа моя».

«Так вот, – продолжила Атра, – особа эта протянула к нам руки, говоря: «А не угодно ли милым, пригожим дамам, у которых нет до вечера никаких дел насущных, – не угодно ли им сойти в мою лодку и полюбоваться на водную гладь, такую нынче спокойную да безмятежную, что просто загляденье, и опустить прекрасные свои руки за борт и поиграть с волной, и так скоротать томительные два часа; а потом подарить одну-две серебряные монеты бедной старушке, что нежно любит всех прекрасных дам и доблестных воинов и хотела бы заработать малую толику на жизнь себе?»

Женщина эта показалась нам довольно отталкивающей, а мне так прямо-таки мерзкой; но поглядели мы друг на друга и поняли, что бесконечно опротивело нам расхаживать по лугу туда-сюда либо отдыхать в павильоне, и похоже было на то, что прогулка поможет нам немного развеяться; притом сочли мы, что зла эта особа причинить нам не сумеет, ибо нас было трое, и для женщин отличались мы достаточной силой, и корабельное дело знали не так уж скверно, чтобы не суметь при необходимости управиться с рулём и парусом. Потому тотчас же сошли мы в ладью, и старуха уселась на корме и принялась проворно грести кормовым коротким веслом, и заскользили мы прочь от земли.

Вскорости удалились мы так далеко, что с трудом различали наш павильон сквозь дымку, что к тому времени несколько сгустилась, и наказали мы женщине, чтобы разворачивалась и правила к берегу, а затем мы поплаваем взад и вперёд поблизости от наших владений. Она кивнула в знак согласия и сделала вид, что готовит судно к возвращению. Но тут дымка превратилась вдруг в низко нависшее облако, налетевшее на нас с юго-запада на крыльях ледяного урагана, что с каждой минутой крепчал и крепчал, потому неудивительно, что кормчему не удавалось держать нос по ветру; и кто же тогда испугался и устыдился, как не мы!

Тут молвила эта особа, и в голосе её явственно послышалась насмешка: «Не повезло, прелестные дамы! Ничего нам не остаётся, как отдаться на волю ветра, ежели не хотим утонуть. Однако похоже на то, что сумрак вскорости рассеется, и мы поймём по крайней мере, куда нас несёт; и сможем либо повернуть, либо поискать другого укрытия; ибо я хорошо знаю озеро; я-то знаю, я-то всё знаю».

От ужаса мы потеряли дар речи, ибо чувствовали, что ветер по-прежнему крепчает, и на озере поднимается шторм, и ладья раскачивается на волнах; но сумерки и туман и впрямь почти развеялись, над головою ярко синело безоблачное небо и сияло заходящее солнце; однако не землю озаряли его лучи, но только тёмные волны и белые барашки пены.

Тогда разрыдалась Аврея, а вслед за нею и Виридис, но что до меня, я весьма разозлилась и закричала кормице: «Проклятая карга! Ты предала нас; теперь не успеем мы вернуться к павильону прежде, чем завершится турнир, и возлюбленные наши сочтут, что мы покинули их, и опозорены мы навеки». – «Ну же, ну, – отозвалась старуха, – какое средство, кроме терпения, поможет противу ветров да волн?» И она расхохоталась издевательски. Ответствовала я: «Есть одно такое средство: вот уж поднимемся мы трое, и схватим тебя, и сбросим тебя за борт, ежели ты тотчас же не развернёшь ладью и не направишь её напрямик к большой земле. Ибо ничуть не сомневаюсь я, что как наслала ты на нас этот гнусный ветер, так можешь ты вызвать и ветер попутный».

«Да вы только послушайте прелестную даму! – молвила старая карга. – Она, верно, почитает меня самым всемогущим Господом и полагает, будто держу я ветра в своей ладони и унижаю волны одним словом! Вот новости! Создана ли я по его образу и подобию хоть отчасти, любезные дамы?» И жуткая усмешка исказила её черты. Затем она продолжила: «А что до твоего средства, радость моя ненаглядная, кажется мне оно вздорным. Ибо как поплывёте вы по этим штормовым водам без кормчего, ведь вы, похоже, корабельщики только от скуки?»

При этих её словах налетела с наветренной стороны огромная волна, нахлынула на нас и наполовину залила лодку, и вздыбился нос чёлна, а в следующее мгновение устремились мы вниз в котловину; и я, устранившись, задрожала и более не произнесла ни слова.

Но вот солнце склонилось к закату, и ветер стих, и шторм успокоился, однако ладья летела по безбрежным водам так же стремительно, как и раньше.

И вот солнце село, и стусились сумерки, и заговорила старая карга, извлекая из-под одежды сверкающий тесак: «Дамы, упреждаю вас, что теперь вам лучше бы во всём мне повиноваться; ибо хотя вас трое, а я одна, однако же, покуда при мне вот этот приятель с остро заточенным краем, мне так же просто лишить жизни любую из вас, или даже всех троих, как перерезать горло ягнёнку. Кроме того, в том доме, куда лежит ваш путь, вам же на пользу послужит, ежели я отзовусь о вас хорошо, а не дурно. Ибо госпожа этого дома обладает великим могуществом; и должна я сказать о ней вот что: хотя она и приходится мне родною сестрой, однако далеко не столь покладиста она и не столь добросердечна, как я, но отчасти груба и упряма, и лучше ей во всем угождать. Потому, девы, мой совет вам – будьте благоразумны».

Наши несчастные сердца уже утратили всякую надежду, так что не нашлось у нас слов, чтобы ответить старухе, и продолжила она: «Теперь исполняйте мою волю, и ешьте, и пейте, чтобы добрались вы до конца путешествия здоровыми и крепкими, ибо не хотелось бы мне подарить дорогой моей сестрице голодных заморышей». С этими словами карга выставила перед нами снедь, и отнюдь не скверную: мясо и хлеб, и сыр, и пироги, и доброе вино; а нас терзало не только горе, но и голод; и в ту пору голод превозмог горе, и мы поели-попили, и хотели мы того или нет, но приободрились немного. Тогда снова заговорила старуха: «Теперь повелеваю я вам спать; достаточно тут подушек и шелков, чтобы соорудить вам роскошное ложе; этот приказ несложно вам будет исполнить». И в самом деле, так измучены мы были тоскою, что, едва насытившись, прилегли и тут же заснули, и позабыли о своих бедах.

Проснулись мы с первым рассветным лучом, как только чёлн пристал к земле – ровно там же, где сегодня поутру объявилась ты, дорогая гостя. Ты, пожалуй, сочтёшь это чудом, но так уж случилось, что близ того места, где пристала наша ладья, качалось на волнах судно, доставившее тебя сюда.

И вот старуха повелела нам сойти на берег, и послушались мы, и обнаружили, что земля сия прекрасна на диво, хотя тогда это нас мало утешило. И сказала нам ведьма: «Слушайте! Вот вы и дома; многие, многие годы предстоит вам провести здесь, ибо вовеки не покинете вы острова, иначе как по моей воле, либо по воле моей сестрицы, потому снова советую вам: ведите себя смирно, ибо так для вас будет лучше. Теперь же ступайте напрямик к тому дому; по пути повстречаете вы Королеву этого края, и одно только от вас требуется, а именно сообщить ей, что вы – Дар; тогда сама она о вас позаботится».

С этими словами старуха перебралась в собственное своё судно, то есть в Посыльную Ладью, и совершила известный тебе обряд, и проговорила известные тебе слова, и поплыла на север; когда же обернулись мы к нашей лодке, что привезла нас на остров, обнаружили мы, что лодка исчезла бесследно.

Жалкие и несчастные, немного постояли мы у кромки воды, и сказала я, что мы с таким же успехом можем отправиться навстречу нашей судьбе, как остаться здесь умирать от горя и голода. И побрели мы вперёд и вступили под сень этих дивных садов; а пока поднимались мы медленно к дому, сошла к нам навстречу женщина, одетая в ярко-алые ткани, разубранная с великой роскошью. Могучего сложения была она и схожа с той, что заманила нас в западню, однако куда моложе и краше собою, с лицом заносчивым и неумным. Она уставилась на нас во все глаза и сперва словно бы немного испугалась, однако спросила, кто мы такие, и ответствовала я, что мы – Дар. «Дар? – повторила она. – Что бы это значило? Станете ли вы мне во всём повиноваться? Ежели нет, то погибнете вы непременно, разве что научитесь кушать траву; ибо на этом острове всё приходит из моих рук».

Что нам оставалось делать? Все мы опустились перед нею на колени и поклялись исполнять её волю. Некоторое время незнакомка пристально нас разглядывала, затем молвила: «А, теперь знаю: вы – те, о ком говорила моя сестрица, обещая подарить мне тройку девиц в услужение. Я принимаю Дар и благодарю её доброе сердце. Но ежели вы и впрямь станете исполнять мою волю, тогда...» Тут она смолкла и долго не сводила с нас глаз, а затем сказала: «А, теперь знаю: она повелела мне хорошо с вами обращаться и руки на вас не поднимать, иначе случится недоброе, и похоже на то, что настигнет меня наконец гибель. Ну так ступайте домой, во дворец; я же дам вам еды и питья и покажу свои кладовые и Дивный Ларец, и станете вы служить мне честь по чести».

Так мы и сделали; и поели мы, и попили, и отдохнули, и ни в чём-то не знали отказа, кроме как в одном только: в позволении вернуться домой к нашим возлюбленным и к госпоже лучшей, чем эта вздорная и заносчивая кукла. Но на следующее утро, когда предстали мы перед Королевой, она нас не узнала; и снова пришлось нам объяснять ей, что мы – Дар; и снова окинула нас ведьма злобным взглядом, и снова припомнила сестру и её наказ касательно нас. Так продолжалось много дней, пока, наконец, не запомнила госпожа, кто мы такие; и, по совету сестры, никогда не обращалась она с нами дурно, хотя мы-то видели, что досадно ей сдерживаться, и не говорила с нами более грубо, нежели по скудоумию своему привыкла; и было у нас в руках всё необходимое для поддержания жизни, и не особо обременительным казался наш удел.

Оказались мы на острове три года назад; а месяц спустя после того приплыла сюда на своей ладье твоя ведьма, и приветствовала нас при встрече, и спросила, усмехаясь, разве не великодушно поступила она, обеспечив нам жизнь столь отрадную? «О да, более чем великодушной сочли бы вы меня, – молвила колдунья, – узнай вы, что выпало бы вам на долю, кабы не моё заступничество». Мы, по правде говоря, не видели особого великодушия в том, чтобы похитить нас у наших возлюбленных; но мы благоразумно придержали языки, ибо рабам приходится целовать палку.

Через два дня ведьма покинула остров, но впоследствии приезжала ещё не раз и не два, пока не узнали мы секрет Посыльной Ладьи и её заклинание; однако не догадывались мы, что судно заговорено против нас. Потому однажды, когда пробыли мы на острове чуть менее года, мы спустились к ладье в предутренних сумерках, и поднялись на борт, и обагрили кровью нос и корму, и проговорили слова заклинания. Но тотчас же поднялся жуткий шум и грохот, и загремел гром, и задрожала земля, и на озере расходились огромные волны, и не смогли мы сдвинуться с места, пока не прибежали к нам обе ведьмы: они вытащили нас на берег и отвели в дом и в ту самую темницу, где ныне веселимся мы и пируем. Здесь претерпели мы наказание, о котором, дорогая гостья, мы тебе ничего не скажем. Вот почему никогда после не осмеливались мы бросить вызов приключению Посыльной Ладьи, но жили в праздной скорби и позорной лени, пока небеса не послали нам в помощь тебя, дорогая сестра и гостья.

Но чем закончился королевский суд, и что случилось на поле сланцевого песчаника, и чем завершился турнир для наших паладинов, мы ведать не ведаем и не можем сказать тебе, живы ли они ещё; но ежели живы, то к ним хотели бы мы послать тебя с поручением, а о таком рассказе мы тебе во всех подробностях завтра. Таков, милая, конец моей истории».

Глава VII

Три дамы выводят Заряночку из ведьминской темницы

Заряночка от души поблагодарила Атру за рассказ; весьма дивилась она, слушая о событиях столь непривычных и о деяниях человеческих; однако что до того, как ведьмы обошлись с тремя дамами, – это показалось девушке самым обычным делом; в её мире подобное было не в диковинку.

Так за весёлой беседой коротали они время, но вот в коридоре слышались шаги, и в дверь постучали. Тут побледнела Виридис, а у Заряночки сердце сжалось от мучительного страха; пленница проворно прыгнула с кресла и уселась на табуретку. Но когда Атра отворила дверь, оказалось, что это всего-навсего Аврея: время её службы окончилось, и настал черёд Атры заменить её. Атра ушла; а Аврея и оставшиеся двое снова повели промеж себя отрадные речи; и рассказала Аврея Заряночке о многом из того, о чём не успела поведать Атра. Главным же образом, когда спросила Заряночка, попадали ли на остров другие люди за то время, что дамы живут там, Аврея сказала, что да; явились однажды рыцарь и возлюбленная его дама, что бежали от войны и невзгод; их ведьма одолела при помощи колдовских чар, и приняли они бесславную смерть; в другой же раз ещё один рыцарь оказался на острове волею случая, и его ведьма тоже погубила, потому что не пожелал он исполнять её волю и разделять с нею ложе. Кроме того, прибило как-то к острову юную девушку, жертву волн и ветров; её ведьма сделала рабыней, а со временем стала обращаться с нею столь жестоко, что наконец, измученная стыдом и устав от жизни, она бросилась в озеро и утонула. Никому из этих людей дамы не смогли помочь и хоть чем-то облегчить их участь, хотя и пытались, едва не поплатившись за это сами.

Так тянулся день, и со временем возвратилась Атра, и настал черёд Виридис отправляться в распоряжение ведьмы. Наконец сгустились сумерки, а затем и вовсе стемнело. Тогда молвила Атра: «Теперь должно нам двоим уйти прислуживать нашей госпоже по заведённому обычаю; и это нам на пользу, потому что ежели мы трое, а главным образом, надо признаться, я, останемся при ней неотлучно, мы, скорее всего, отвлечём колдунью и не допустим, чтобы она наведася к тебе сюда; поскольку ведьма, скорее всего, ещё помнит смутно, что ты находишься в темнице. Потому не держи на меня зла, ежели я снова закую твои запястья. А теперь, ежели прислушаешься ты к моему совету, ты попытаешься заснуть, и хорошо бы проспать тебе до того самого времени, как мы прийдём за тобою на рассвете».

На том дамы покинули пленницу, и она снова забилась в уголок, и в самом деле уснула, и проспала до тех пор, пока не разбудили её звук поворачиваемого ключа в замке и скрип отворяемой двери; и вот в темницу лёгкой стопою прокралась Атра. Сердце дамы в чёрном колотилось от волнения; она опустилась перед Заряночкой на колени и разомкнула её ножные кандалы, а затем встала и проделала то же с оковами на запястьях. Закончив же, молвила она: «Милый друг, погляди-ка вверх, на окна своей темницы: видишь – над землёю встает рассвет, рассвет того дня, что принесёт освобождение тебе, а может статься, и нам. Пойдём же скорее! Но вот ещё что: простишь ли ты меня, ежели не прямо тут оденем мы тебя в дорогу? Ибо платье должны мы ссудить тебе со своего плеча, и ежели по досадной случайности госпожа наша заметила бы беспорядок в одежде кого-то из нас, это могло бы навести её на мысль проверить, не затевается ли чего; а тогда погиб наш замысел и мы тоже».

На том Атра взяла пленницу за руку, и вывела из темницы, и замкнула за нею дверь; беглянки спустились по ступеням и вышли из дворца через маленькую калитку в конце лестницы. Рассвет уже разгорался вовсю, и Заряночка сразу же заметила Аврею и Виридис, что притаились неподалёку в укромном уголке у стены. Девы не обменялись ни словом, но неслышной стопою поспешили в сад, где уже перекликались дрозды, начиная первую утреннюю песнь, а когда вышли девы на луг, птичий хор зазвенел в полную силу.

Глава VIII

Во что была одета Заряночка и как покинула она Остров Непрошеного Изобилия

Едва оказавшись за пределами сада, три дамы обступили Заряночку тесным кольцом, дабы белизна её тела не бросалась в глаза, буде госпожа проснётся и поглядит в окно. Так подруги привели беглянку туда, где у самой кромки воды, примерно в двадцати ярдах* от

Посыльной Ладьи росло несколько боярышниковых кустов, создавая надёжное укрытие. Там остановились они, и молвила Атра: «Теперь, милая гостья и любезная посланница, наше дело – одеть тебя со своего плеча, и начини-ка ты, Виридис».

По обычаю своему закрасневшись, Виридис выступила вперёд, и сняла зелёное платье, и сложила его на траву; затем взялась она за сорочку, и сбросила и её, и осталась стоять обнажённой, сдвинув колени и покачиваясь, словно ивовая ветвь; и все увидели, сколь изящно изваяно её тело и сколь нежна её прелестного оттенка кожа.

И молвила Виридис: «Дорогая сестрица Заряночка, вот тебе моя сорочка, а в придачу к ней и любовь моя; потому не держи на меня зла, хотя и придётся тебе дар со временем вернуть; ибо счастлив будет для меня тот день, когда я заполучу рубашку снова, ибо никто иной не наденет её на меня, кроме Зелёного Рыцаря, моего дорогого возлюбленного». С этими словами она вручила девушке сорочку и поцеловала пленницу, и надела Заряночка подарок и немедленно ощутила прилив отваги и сил, теперь, когда оказалась на ней хоть какая-то одежда.

Тогда Аврея сняла с себя золочёное платье, оставшись в одной сорочке, так что обнажённые её руки засияли светом более ясным, чем дорогие золочёные рукава, что некогда скрывали их. И молвила она: «Заряночка, дорогая посланница, возьми же золочёное моё платье и отошли его назад ко мне, когда отыщешь ты рыцаря, для которого оно предназначено. А тем временем думай, что пока на тебе этот наряд, любовь моя неизменно с тобою; а когда ты наряд снимаешь, любовь моя одевает тебя вместо него».

Заряночка надела подарок и явилась взгляду прекраснейшей из земных королев; и повернула она головку туда и сюда, оглядывая свой облачённый в золото стан, и подивилась немало.

Тем временем Атра заткнула юбки за пояс и сняла туфельки, так что стройные её ножки засияли, словно жемчуг на зелёной траве; и молвила она: «Заряночка, любезный друг! Не станешь ли моей посланницей и не отнесёшь ли эти туфли моему Чёрному Оруженосцу, а тем временем пусть любовь моя к тебе ложится тебе под ноги, дабы поторопить тебя и поддержать в пути. Потому уж не обидь меня».

Тогда Заряночка обулась, и хотя жаль было скрывать её ножки от взоров Земли, однако почувствовала она прилив мужества: щёки девушки заалели, и глаза засияли.

После того Аврея вручила гостье золочёное ожерелье на шею, а Виридис – серебряный пояс тонкой работы, Атра же – золотое кольцо с сапфиром; и всё это надела девушка, зная, тем не менее, что всё это памятные знаки, кои надлежит доставить по назначению трём паладинам.

Тогда молвила Атра: «Ло, сестрица, мы заклинаем тебя носить доверенные тебе вещи на себе – так, чтобы, когда окажешься ты на большой земле, их видели странствующие рыцари; и любому, кто станет допытывать тебя об этих дарах, ты могла бы ответить, что несёшь эти одежды и украшения от Авреи, и Виридис, и Атры к Бодуэну Золочёному Рыцарю, и Хью Зелёному Рыцарю, и Артуру Чёрному Оруженосцу. И ежели сочтёшь ты, что отыскала наших паладинов, тогда должны они будут назвать тебе верные приметы (а какие, сейчас мы тебе поведаем) и доказать тем самым, что они – и в самом деле те, к кому ты послана; а после того, как убедишься ты, рыцари заберут у тебя одежды, украшения и Посыльную Ладью и явятся сюда, ежели смогут. А о прочем позаботится Господь! Но что до верных примет, мы порешили, что каждая из нас расскажет тебе наедине, какой вопрос должна ты задать от её имени и какого ответа ждать».

Едва договорила Атра, дамы по очереди подошли к Заряночке и прошептали ей что-то на ухо, при этом, надобно сказать, заливаясь самым ярким румянцем. А что они сказали, обнаружится впоследствии. Но вот снова заговорила Атра: «Услугою этой с лихвою воздашь ты за нашу о тебе заботу. Может статься, однако, что не удастся тебе отыскать наших друзей сердечных; ибо вероятно и такое, что умерли они, либо сочли нас изменницами и отреклись от нас, и покинули свои владения; в таком случае ты свободна от нашего поручения; но что бы ни случилось с нами, Господь да пошлёт тебе удачу!»

Тут Виридис достала из-под куста корзинку и молвила: «Не ведаем мы, сколь долго продлится твоё путешествие, но немного снеди в пути тебе не помешает; теперь отнеси вот это в лодку сама, ибо мы не смеем прикасаться к твоему судну и даже приблизиться не смеем – ни одна из нас». Тут Виридис поставила корзинку на землю, и обняла Заряночку, и расцеловала её, и разрыдалась; и остальные две тоже с любовью расцеловали девушку. Вслед за Виридис залилась слезами и Заряночка, приговаривая: «Да смилостивится над вами судьба – над вами, что так добры ко мне; я же ныне так счастлива, и при том так горько мне, что голос не произнесёт надлежащих слов. О, прощайте же!»

С этими словами она подхватила корзинку и, повернувшись, поспешила к Посыльной Ладье, и увидели девы, как поднялась гостья на борт, и обнажила руку, и отворила кровь булавкой от пряжки на поясе, и окропила корму и нос; и сердца дам сжались от страха при мысли о том, что госпожа их могла заговорить ладью противу Заряночки так же, как и противу них. Однако Заряночка уселась на банку, и повернулась лицом к югу, и молвила:

Алого вбронова вина
Нос и корма испили сполна;
Так очнись и пробудись,
И в путь привычный устремись!
Путь Странника лёг за озёрные дали,
Ибо волю Посланника с кровью смешали.

Пока говорила она, ни одно облачко не затмило врата солнца; ни одной волны не поднялось на лоне вод; не раздалось ни шума, ни грохота; но дрогнула Посыльная Ладья и тут же стрелой помчалась вперёд по озёрной глади. А пока дамы глядели вслед, встало солнце, и дорожка света легла на воду, и вспыхнуло на мгновение золочёное платье Заряночки, а затем всё снова поблекло, и очень скоро беглянка скрылась из виду.

Тогда дамы повернулись и побрели к саду, и немало веселилась Виридис, а с нею и Аврея, но Атра чуть приотстала от них, и пока шла она, овладело ею неведомое чувство, сама она не знала, почему; грудь у неё стеснилась, плечи поникли, и она разрыдалась.

Глава IX

Как Заряночка оказалась на Острове Юных и Старых

Удача сопутствовала Заряночке в пути, когда покинула она Остров Непрошеного Изобилия, – почти так же, как и во время первого её путешествия, только теперь была она в придачу одета и при снеди; и сердце девушки, хотя и не вовсе оставил его страх, переполняла новая, неведомая прежде надежда. Часто, сидя в лодке среди безбрежной глади вод, она дивилась, что это за новое чувство овладело ею и рождает в ней томление столь сладостное, отчего горят её щёки, и темнеет в глазах, и не знают покоя руки и ноги. Тогда обращалась она мыслями к подругам и их поручению, и надеялась, и молилась за них; но тут же снова принималась рисовать себе в воображении мужей, по которым так тоскуют три пригожие женщины; и решила она, что раз мужи эти столь желанны, то, должно быть, они ещё прекраснее, чем подруги её с острова; и опять неизъяснимое томление охватило девушку и не оставило до тех пор, пока не заснула она, вконец измученная.

Снова пробудилась Заряночка оттого, что ладья остановилась, причалив к земле; ещё не рассвело, и ночь стояла безлунная, однако довольно было света от воды и звёзд, чтобы разглядеть, что нос лодки покоится на неширокой песчаной косе. Девушка сошла на берег, огляделась, и показалось ей, что различает она впереди высокие деревья, а промеж них тёмные очертания сама не знала чего. Потому побрела она вдоль прибрежной полосы, то и дело опасливо

осматриваясь, и дошла до мягкой травы, и ощутила аромат клевера, сминая цветы под ногами. Там она опустилась на землю и вскорости прилегла и заснула.

Спустя некоторое время пробудилась Заряночка, и так хорошо и покойно ей было, что вставать ничуть не хотелось: солнце ярко сияло, хотя взошло совсем недавно; повсюду вокруг девушки звенели голоса птиц, и показалось ей, что в многоголосом хоре различает она человеческий голос, хотя и не походил этот голос на те, что доводилось ей слышать прежде. Потому приподнялась она на локте, и поглядела вверх, и увидела нечто новое; и села она; и смотрела, и дивилась.

Ибо стояли перед ней, уставившись на незнакомку во все глаза, двое малых детей, от роду около трёх зим; мужского и женского полу, судя по виду. У мальчугана лёгкие и тонкие светло-золотистые волосы спадали на лоб прямою челкой, а сине-серые глаза, весёлые и добрые, глядели застенчиво-вопрошающе. Твёрдо стоял на ножках пухленький, румяный крепыш. Не уступала в красоте ему и маленькая женщина; пышные кудри её, каштаново-золотистые, как это часто бывает у детей, что вырастают тёмноволосыми, вились крохотными прелестными колечками; огромные тёмно-серые глаза открыто смотрели на мир; более хрупкого сложения, чем паренёк, она казалась и немного повыше.

При малышах находилась белоснежная коза, с которой они до того играли; теперь же скотинка поворачивала голову от одного к другому и призывно блеяла, словно бы приглашая ещё порезвиться; однако же дети более не глядели в её сторону, но, словно заворожённые, не сводили глаз с чужестранки и её сверкающего золочёного платья.

При виде малых детей рассмеялась Заряночка счастливым смехом, и смутные воспоминания о жизни в городе Аттерхей нахлынули на неё. Девушка протянула крошкам руку и заговорила негромко и ласково, и паренёк с улыбкой выступил вперёд и ухватил её за кисть, словно бы желая помочь ей подняться, как велит учтивость. Заряночка расхохоталась над ним и встала на ноги; когда же высокая дама в золочёных одеждах выпрямилась во весь рост, мальчуган слегка оробел при виде существа столь огромного, однако доблестно остался стоять на месте. Гостья наклонилась к ребёнку и поцеловала его; и он не возражал, хотя явно порадовался, когда поцелуи закончились; когда же Заряночка подошла к девчужке и расцеловала и её, дитя прижалось к ней, словно к матери, и залепетало что-то.

Тут подходит к гостье паренёк, и берёт её за руку, и порывается увести, и втолковывает ей что-то, насколько позволяет несвязная его речь, и поняла Заряночка так, что мальчуган зовёт её пойти с ним к отцу. Она послушалась, гадая, что случится дальше, а девочка засемила с другой стороны, ухватив гостью за юбку. Тут и коза поспешила вслед, пронзительно блея и не особо радуясь, что позабыли о ней.

Теперь у Заряночки было достаточно времени, чтобы оглядеться по сторонам; хотя малыши то и дело отвлекали её своей детской болтовнёю, и отраднo ей было любоваться на два крохотных личика, обращённые к ней, такие довольные да весёлые.

Вокруг расстилалась поросшая травой равнина, слишком ухабистая и неровная, чтобы называться лугом; но и деревьев росло на ней не так уж много, чтобы уместно было говорить о лесе; по мере того, как Заряночка и дети удалялись от воды, земля плавно поднималась, однако же едва ли настолько, чтобы счесть это холмом. Прямо перед девушкой, там, куда странники направлялись, к небу вздымались гигантские глыбы серого камня, возведённые рукою человека, однако даже с расстояния столь далёкого казались они бесформенными руинами. И, уж разумеется, Заряночка гадала и размышляла о том, что скрывается между деревьями и башнями.

По пути странникам повстречались ещё козы, судя по всему ручные; козы присоединились к товарке, охотно позволяя малышам играть с ними. Кроме того, повсюду вокруг шныряло великое множество кроликов: зверьки то выпрыгивали из кустарника, то снова скрывались в зарослях и носились по изрытой равнине. И заметили их малые дети, и паренёк сказал, как

смог: «Почему кролики от нас убегают, а козы ходят следом?» По правде говоря, Заряночка и сама не знала, почему, и нечего ей было ответить ребёнку; однако же молвила она наконец: «Может быть, ко мне они подойдут; так случилось прежде, когда жила я далеко отсюда. Хочешь, принесу тебе крольчонка?» Малыши немедленно согласились, хотя глядели недоверчиво и чуть смущённо. Тогда наказала им Заряночка: «Вы, милые, подождите меня здесь и не уходите никуда». Они закивали в ответ, а Заряночка подоткнула юбки и пошла к бугристой, поросшей кустами пустоши, где резвилось немало кроликов; при этом стараясь не упускать детей из виду. Подойдя к зверушкам поближе, Заряночка заговорила с ними тихим, нежным голосом, как привыкла ещё крошкой; заслышав эту речь, те, что не разбежались врассыпную, едва приметив незнакомку, снова принялись короткими перебежками подкрадываться друг к другу, как играют обычно кролики, когда они веселы и ничего им не угрожает; и позволили они девушке подойти совсем близко, и теперь прыгали у самых её ног, пока стояла она, по-прежнему разговаривая с ними. Тогда наклонилась Заряночка и подхватила одного зверька на руки, приласкала, снова опустила на землю и подхватила другого, и так с трёмя-четырьмя; и начала она подталкивать кроликов и переворачивать их носком ноги; затем чуть отступила она от зверушек в сторону детей, а затем ещё немного, и кролики увязались за нею следом. Тут Заряночка обернулась и взяла одного на руки, и пошла прямо к детям, оборачиваясь и заговаривая со зверятами то и дело.

Что до детей, увидела Заряночка, что козы, а их набралось уже с дюжину, обступили их кольцом, малыши же переходили от одной скотинки к другой, радостно с ними забавляясь. Но вот обернулся паренёк и увидел, что идёт чужестранка во главе целого отряда зверушек, и воскликнул он от души: «Ох!» – и побежал прямо к ней, а девочка за ним; и протянул он руки к кролику, что несла она, и Заряночка, улыбаясь, передала зверька мальчугану, приговаривая: «Ло! Вот вам и приятели для игр; но только смотрите, будьте с ними добры да ласковы, ибо они – слабый народец». Дети тут же принялись резвиться с новообретёнными друзьями и ненадолго позабыли и о козах, и о золочёной леди, а козы подступили поближе и столпились вокруг, призывно блея, однако не смели ринуться на кроликов и боднуть их как следует, ибо справедливо полагали, что Заряночке и детям это по душе не придётся.

Так стояла высокая и стройная, облачённая в мерцающие ткани девушка в окружении своих маленьких подданных, и в сердце её царили радость и покой, и позабыла она про страх. Но вот поглядела она в сторону серых стен, и ло! – там обнаружилось нечто новое! Ибо увидела девушка, что бредёт к ним неспешно старик с длинной седой бородою; и не дрогнула Заряночка, но спокойно ждала приближения незнакомца, а когда подошёл он поближе, рассмотрела, что тот крупного сложения и с виду полон сил, и хотя стар, но ничуть не согбён годами. Пришелец постоял немного, молча разглядывая новоявленную Королеву и её свиту, а затем молвил: «Никак не ожидал я увидеть подобного зрелища на Острове Юных и Старых». Отвечала гостя: «Сдаётся мне, малым детям куда как пристало играть со зверятами». Старец улыбнулся и молвил: «И голоса подобного никак не ждал я услышать на Острове Юных и Старых».

Заряночка слегка встревожилась и спросила: «Рады ли мне здесь? Ибо если нет, то прошу я позволения уехать». Отвечал старец: «Тебе здесь рады, словно самой весне, дитя моё; и ежели задумала ты поселиться здесь, кто тебе откажет? Ибо воистину молода ты; а в сравнении со мною что ты, что эти младенцы – особой разницы нету. Да благословят тебя Небеса. Но хотя добра ты и чистосердечна, во что нетрудно поверить, видя, как играешь ты с малыми детьми и островным зверьём в мире и любви, однако, может статься, отнюдь не мир принесла ты сюда». И он улыбнулся гостю как-то странно.

Девушка слегка оробела при последних его словах и молвила: «Как так? Когда бы моя воля, повсюду приносила бы я только мир да счастье». Тут старик расхохотался во всё горло и отвечал: «Как так, спрашиваешь ты, милое дитя? Да потому, что дам столь обворожительных и милых, как ты, посылает сама любовь, а любовь разъединяет то, что было единым».

Заряночка подивилась этим словам, и смутили они её, однако девушка промолчала, старик же проговорил: «Но об этом сможем мы поговорить и позже; ныне дело насущное – утолить твой голод; не стану я допытываться, откуда ты взялась, ибо всенепременно по воде прибыла ты сюда. Засим приглашаю тебя в наш дом; пойдут с нами и эти малые дети, а ещё трое из этого рогатого народца – их привязываем мы обычно среди разрушенных развалин того, что прежде радовало глаз; прочим же даём мы наше соизволение удалиться, равно как и этим грызунам тоже; ибо у самого дома разбит огород, урожай коего весьма хотелось бы нам сохранить для себя». Рассмеялась Заряночка и встряхнула на кроликов юбками, и зверьки бросились врассыпную, по обычаю своему. Тут паренёк изрядно огорчился и едва сдержал слёзы; а девочка топнула ножкой и заревела в голос.

Заряночка принялась утешать крошку, как умела: она сорвала ветку боярышника, что покачивалась высоко над головами детей и ещё не вовсе отцвела, и вручила подарок малышке и уняла её. Старик же отобрал молочных коз из стада (белую в том числе) и погнал их перед собою, а дети пошли рядом с Заряночкой; мальчуган держал гостью за руку и перебирал её пальцы, а девочка то цеплялась за юбку, то отпускала ручонку и резвилась вокруг.

Так дошли они до того места, где земля сделалась ровнее; там, в укромном уголке, под защитою стен и башен, расстился ковёр зелёного дёрна – каменные глыбы ограждали его с севера. Помянутые стены, казалось, некогда были частью огромного дома и замка; наверху, куда не вело ныне ни одной лестницы, виднелись тут и там трубы и очаги, и изящные скамьи у окон, и сводчатые двери, и резные колонны, и много чего ещё, что прежде радовало глаз; теперь же всё обрушилось, всё обратилось в руины, и дом стоял без крыши и перекрытий и весь зарос ясенем, рябиной и прочими ягодными и крылосеменными деревьями; много лет назад семена упали в трещины стен, а теперь на этом месте высились густые, раскидистые кущи. В самой глубине могучих руин притулилась хижина, сложенная небрежной рукою из небольших брёвен и весьма заросшая розами да жимолостью: две примыкающие друг к другу древние плиты тёсаного камня стали убогими её стенами. Прямо перед хужиной разбит был сад, где росла всяческая зелень и немного пшеницы; там же рядом выстроились соломенные ульи; повсюду вокруг расстился зелёный дёрн, как было уже сказано, а среди травы возвышались три огромных древних дуба и всевозможные колючие кустарники, тоже достаточно древние для растений такого рода.

Старец провёл гостью в хижину, всю незамысловатую утварь которой составляли табуретки и скамьи и грубо сработанный стол, а затем отправился привязать коз среди руин, что некогда были огромною залой*. Дети увязались за ним, хотя Заряночка порадовалась бы, кабы хоть один из малышей остался с нею; однако же слова «нет» крошки и слушать не желали, обязательно нужно им было пойти навестить свою любимую белую козочку в её стойле. Однако же все трое вскорости возвратились; и старик повёл учтивые речи, и поцеловал Заряночке руку, и оказал радушный приём, так, словно был он знатным лордом и принимал гостей в собственном наследном замке. Тогда дети тоже захотели всенепременно поцеловать чужестранке руку и повести себя учтиво, и, рассмеявшись, Заряночка позволила им это, а затем подхватила малышкой на руки и принялась обнимать да целовать от души; чему они не особо порадовались, хотя мальчуган стерпел и возражать не стал. После того старец выставил на стол нехитрую снедь: сметану и мёд, угощение нагорий, и грубый хлеб, но отраднo было Заряночке вкушать всё это под гостеприимным кровом, внимая любезным речам старика.

Отобедав, все вместе вышли за дверь: Заряночка и хозяин дома устроились под дубом, а дети принялись резвиться неподалёку. И молвила Заряночка: «Старик, ты был ко мне добр; теперь не расскажешь ли о себе, кто ты таков есть и что это за стены над нашими головами». Отвечал он: «Навряд ли смогу я исполнить твою просьбу; и уж не сегодня, во всяком случае. Однако похоже на то, что ты останешься с нами, и тогда в один прекрасный день, может статься, язык мой развяжется». Промолчала девушка, и пришло ей в голову, что хорошо оно было бы

поселиться здесь и следить, как пригожие эти дети взрослеют мало-помалу, а там мальчуган вырастет и полюбит её; тут Заряночка принялась подсчитывать в уме, сколько годов минует, прежде чем возмужает он, и попыталась представить, какой станет сама по прошествии всех этих лет. Тут покраснела она от невысказанной мысли и потупила взор, по-прежнему храня молчание. Старик же озабоченно оглядел девушку и молвил: «Жизнь твоя не покажется чрезмерно тяжёлой, ибо во мне ещё достаточно сил, да и ты способна справиться с какой-никакой работой, невзирая на хрупкое и изящное твоё сложение». Весело рассмеялась девушка и ответствовала: «Воистину, добрый человек, я сумею исполнить куда больше, чем какую-никакую работу; ибо искусна я в любом деле, что потребно здесь в твоём хозяйстве; потому не бойся, себя я прокормлю, и с радостью». «Так, значит, веселы будут наши дни», – отозвался он.

Но тут взгляд Заряночки упал на сияющий золочёный рукав, и вспомнила она об Аврее, и сердце у девушки сжалось, напоминая о поручении; тогда коснулась она рукою пояса и подумала о малютке Виридис; а сверкание кольца на пальце воскресило перед её взором образ Атры; тогда поднялась гостя и сказала: «Воистину добр ты, отец, только никак нельзя мне остаться; возложено на меня поручение, и сегодня же должно мне попрощаться с тобою». Отозвался хозяин дома: «Ты разбиваешь мне сердце; и разрыдался бы я, не будь я так стар». И он понурил голову.

Девушка стояла перед ним, смущённая, словно причинила старику зло. Наконец старец поднял взгляд: «Обязательно ли тебе уезжать сегодня? Почему бы тебе не переночевать с нами и не отправиться в путь рано утром?»

Заряночка не знала, как отказать ему, такой несчастный вид был у старика; вот так случилось, что согласилась она погостить до завтра. Тогда хозяин дома вдруг развеселился и возрадовался, и поцеловал гостье руку, и сделался весьма разговорчив, и принялся рассказывать всякий вздор касательно дней своей юности. Но когда девушка снова спросила у старца, как он попал на остров и что означает огромный разрушенный замок, тот вдруг понёс совершенную чушь, лишённую всякого смысла, и отвечал невпопад; хотя во всём прочем вёл он речи толковые и пространные и изъяснялся высоким слогом.

Затем снова изменилось настроение старца, и принялся он сокрушаться по поводу отъезда девушки и что отныне не с кем ему будет и словом-то разумным перемолвиться. Заряночка улыбнулась старику и молвила: «Однако же малые эти дети подрастут со временем; с каждым месяцем будут они становиться тебе лучшими товарищами». – «Прекрасное дитя, – отвечал хозяин дома, – ничего-то ты не знаешь. Дни мои сочтены, потому в любом случае недолго мне осталось следить, как взрослеют они. Но скажу тебе более: повзрослеть они не повзрослеют; такими, как сейчас, останутся они до тех самых пор, когда увижу я их и землю в последний раз».

Весьма подивилась Заряночка этому слову и взглянула на остров уже иными глазами; и показался ей край этот несколько зловещим; однако же спросила она старика: «А меняешься ли ты, ежели они не меняются?» Он расхохотался как-то мрачно и молвил: «Для старца, что жил здесь до меня, старость сменилась смертью; могу ли я измениться к лучшему? Первое, что пришлось мне тут сделать, это похоронить старика». Полюбопытствовала Заряночка: «А были ли здесь в ту пору дети?» – «Да, – отвечал хозяин дома, – вот эти самые и были, ибо ни малейшей разницы я не вижу». Спросила Заряночка: «А как давно это случилось? И как попал ты сюда?» Лицо старца утратило разумное выражение, и не заговорил, а забормотал он невнятно: «Не знаю, нет; нет, нет, нет, нет; не знаю, не ведаю, ничуть, чуть-чуть». Но вскорости снова пришёл он в себя и принялся рассказывать гостье о знатной леди графского семейства, о супруге барона, что была к нему весьма благосклонна. Старец по-прежнему лежал на траве, а девушка стояла перед ним; и вот ухватился он рукою за край её платья, и притянул гостью к себе, и принялся поглаживать её ножки; и Заряночка устыдилась и рассердилась немного. Старец же ничуть не смутился, но сел и молвил: «Ну что же, раз должно тебе отплыть завтра,

так станем же сегодня веселиться да радоваться. И молю тебя, прекрасное дитя, поговори со мною подольше, ибо нежный твой голос радует слух несказанно». С этими словами хозяин дома поднялся на ноги и молвил: «Теперь принесу я тебе кое-что, от чего взиграют сердца наши». И повернулся он и пошёл к дому.

Озадаченная, осталась Заряночка стоять на месте: девушка совсем упала духом, ибо теперь старец не внушал ей ни малейшего расположения, а дети вдруг показались бесплотными призраками, или, в лучшем случае, существами того же порядка, что кролики или козы; и пожалела она, что согласилась остаться на ночь. И сказала себе странница: «Опасаясь я ловушки либо обмана; неужели и за этим всем стоит ведьма? Ибо старик ещё полон сил, и хотя порою ведёт себя неразумно, может быть, колдовство наставило его коварству».

Но тут старик снова вышел на свет, неся в руках бочонок и деревянную чашу грубой работы; и подошёл он к Заряночке, и опустился на землю, и велел ей сесть рядом, и молвил: «Может быть, я услышу больше нежного твоего голоса после того, как милые твои губки прикоснутся к краю чаши». С этими словами он налил чашу доверху и протянул её Заряночке; и ло! – то был прозрачный добрый медовый напиток. Девушка отпила немного и, по правде говоря, осталась весьма довольна; и воспряла духом. Тут отдала она чашу старцу, твёрдо отказываясь от новой порции. Что до хозяина дома, он осушил чашу до дна, всё время глядя поверх края на гостью, а затем налил себе ещё, и ещё, и ещё. Однако же, хотя следовало ожидать, что добрый мёд развяжет его язык и понесёт старец всякий бессвязный вздор, тот, напротив, повёл речи ещё осмотрительнее и сделался ещё менее многословен и ещё более учтив и важен, чем изначально. Но, в конце концов, он и в самом деле перестал узнавать Заряночку, и кто она есть такая, и принялся говорить церемонно да выпренно, словно бы обращался к баронам и графам и знатым дамам; но вдруг голова его откинулась, он упал лицом вниз, и сознание покинуло старца.

Сперва Заряночка испугалась, что хозяин дома скончался или близок к смерти; девушка опустилась перед ним на колени, и приподняла его голову, и принесла воды, и sprysнула его лицо. Но тут заметила она, что старец дышит достаточно ровно и что губы его и щёки почти не побледнели, и поняла гостью, что всё с ним в порядке, просто сила медового напитка взяла над ним верх. Потому Заряночка уложила старика поудобнее, и поднялась на ноги, и огляделась по сторонам, и увидела, что неподалёку играют дети, а более ничего нет поблизости; одни только птицы щебечут в кустарнике либо перепархивают нетерпеливо по своим делам от места к месту. Тогда ножки её и ступни словно бы сами собою повернули девушку в сторону берега, где стояла Посыльная Ладья, и Заряночка двинулась туда торопливо, но стараясь при этом ступать как можно тише. Сердце беглянки неистово билось от страха, что ей помешают, а глаза озабоченно всматривались в кустарник и заросли, словно опасалась она, как бы не появился оттуда враг, знакомый или новый.

Но теперь воля девушки стала вполне ясна её ногам, и принесли они беглянку к кромке воды и к длинной песчаной косе, далее которой расстилалась водная гладь, поблёскивая в знойном и безветренном вечернем воздухе. Девушка легко взошла на борт и пробудила Посыльную Ладью, совершив кровавое жертвоприношение, и та повиновалась ей и стрелой понеслась на юг.

Глава X

Заряночка приплывает на Остров Королев

Когда проснулась Заряночка на следующее утро, солнце стояло высоко, лодка по-прежнему стремительно неслась по волнам, но впереди уже показалась земля: зелёный остров невысоко поднимался над водою, словно редкостной красоты луг раскинулся на озёрной глади; деревья, что в изобилии росли тут и там, радовали глаз. А среди деревьев, неподалёку от берега,

возвышался огромный дворец, белоснежный и прекрасный, словно бы только что отстроенный, с великолепными шпицами и украшенными резьбою покатыми крышами.

Но вот, наконец, нос лодки уткнулся в тростники и камыши у кромки воды, и Заряночка, не мешкая, сошла на берег, и сладкое благоухание луга, на который ступила скиталица, воскресил перед взором девушки образ Зелёного Острова, с которым так давно распрощалась она.

Но теперь, едва оказалась странница на твёрдой земле, снова охватил её страх, и колени её подогнулись, так, что с трудом устояла она на ногах: так опасалась девушка снова оказаться в ловушке. При первом же взгляде на роскошную обитель испугалась Заряночка, что поджидает её там какая-нибудь заносчивая и жестокая леди и не найдётся добросердечных дев, чтобы спасти её.

Заряночка осмотрелась по сторонам и не увидела на всём зелёном лугу ни мужчины, ни женщины, ни тягловой скотины, ни дойной коровы или козы; взор различал только маленьких обитателей кустарника да полевицы, что стояла в цвету, да птиц, что шныряли в траве либо распевали на ветвях.

Тогда подумалось девушке, что следует идти вперёд, иначе, чего доброго, поручения своего она не исполнит; и Посыльная Ладья может и не повиноваться скиталице, ежели не пройдёт она испытания до конца; потому Заряночка с замирающим сердцем двинулась к дому.

Вскоре оказалась девушка на крыльце белоснежного дворца, так и не встретив по пути ни души и не услышав даже голоса человеческого; и, позабыв о страхе, весьма дивилась Заряночка великолепию помянутого дома и новёхонькому его виду; ибо походил дворец на цельный цветок, пробившийся из-под земли, и каждая деталь его подчёркивала и усиливала красоту прочих деталей; и столь изумлял новизной он, что могло показаться, будто каменщики сняли леса только вчера; однако же благоуханные садовые цветы у подножия стен нисколько не были смяты.

И вот поднимается Заряночка по крыльцу к завешенному входу в огромную залу; и остановилась девушка ненадолго и отдышалась, дабы успокоиться и взять себя в руки перед встречей со знатными, могущественными владыками, коих ожидала она застать внутри. Так собралась Заряночка с духом; одно только смущало её, а именно, что из просторного и роскошного зала не доносилось ни звука, так что даже подумалось скиталице, а уж не покинули ли дворца его бывшие правители.

Гостья коснулась рукою двери, и дверь с лёгкостью распахнулась перед гостьей, и вошла она и в самом деле увидела внутри нечто новое. Ибо по всей длине зала и поперёк тоже расставлены были столы, а за столами сидело без числа народу, и руки пирующих протянуты были к ножу и блюду, к тарелке и кубку; однако такая тишина царила в зале, что трели птиц, доносившиеся из дворцового сада, оглушали девушку, словно голоса детей Адама.

Тут заметила гостья, что все собравшиеся, от знати, восседавшей на возвышении, до поставленных повсюду слуг, – всё это были женщины; ни одного мужа не различала Заряночка со своего места; все до единой были хороши собою, а многие просто прекрасны; щёки пирующих алели, глаза сияли, и волосы струились вниз роскошною волною. Так стояла скиталица долго, не смея пошевелиться, но ожидая, чтобы какая-нибудь из дам заговорила бы и все повернули бы головы к вновь вошедшей. Но никто не повернулся, никто не произнёс ни слова. И среди этого безмолвия ужас девушки усилился несказанно и столь тяжким бременем лёг на сердце, что в конце концов силы бедняжку оставили, и она рухнула на пол без сознания.

Когда Заряночка снова пришла в себя и обморочный бред рассеялся, заметила она, что, судя по положению солнца в окнах, пролежала она в таком состоянии долго, скорее все два часа, нежели один; и сперва закрыла девушка лицо руками, сжавшись в комочек, чтобы не видеть безмолвной залы, ибо царила в ней прежняя тишина. Затем медленно поднялась Заряночка, и шуршание её платья и лёгкие её шаги громом отдались в ушах девушки. Снова оказавшись на ногах, посланница укрепила своё сердце и двинулась к центру зала, дивясь ещё более, чем прежде. Ибо когда приблизилась она к восседающим за столом дамам и прошла

мимо прислужниц, задевая их краем платья, заметила гостя, что ни одна из них не дышит, и поняла, что не говорят они и не движутся, потому что мертвы.

Первым побуждением девушки было немедленно убежать, но снова вспомнила она о своём поручении и направилась в конец зала, к самому возвышению; и там, близ высокого стола, увидела она нечто новое. Ибо стояли там погребальные дроги, разубранные золотом и пурпурными тканями, а на них возлежал высокий муж, король, судя по виду, при поясе и короне; а подле погребальных дрог, у самого изголовья, застыла на коленях королева – на редкость прекрасно сложенная, облачённая в парчу и жемчуга; она заломила руки, лицо её искажено было страданием и болью. А поперёк груди короля лежал окровавленный меч; и ещё заметила Заряночка, что в то время как леди казалась живой и цвет лица её ничуть не поблек, король был бледен, словно воск, и щёки его впали, а глаза закрыли плакальщицы.

Долго глядела и дивилась Заряночка; и теперь, ежели страху у неё поубавилось, то сердце её переполнило бесконечная жалость ко всем этим людям, что мёртвыми призраками восседали за столами в древней роскоши и великолепии. И не вовсе избавилась девушка от мысли, что они ещё, чего доброго, пробудятся и набросятся на неё, и заставят присоединиться к немому сборищу, и станет она одной из них. Тут почувствовала бедняжка, что мысли её мутятся, и испугалась, что снова потеряет сознание и не придёт в себя более, но останется лежать навсегда подле образа мёртвого короля.

Потому совладала Заряночка и со страхом, и с горем, и стремительно прошла по залу, не оглядываясь ни направо, ни налево, и вышла в сад, но не задержалась и там, ибо слишком близко находился сад к навеки умолкшему сообществу. Оттуда поспешила девушка на открытый луг, и милыми и родными показались ей знойный солнечный свет, и крикливые птицы, и шелест листвы. Однако же, в таком смятении была бедняжка, что снова закружилась у неё голова, и почувствовала она, что не в состоянии более сделать ни шагу. Тогда из последних сил добрела она до куста боярышника, и в тени его рухнула на землю, и долго пролежала там без сознания.

Глава XI

А теперь оказалась она на Острове Королей

Когда Заряночка пришла в себя, уже сгущались сумерки. Девушка вскочила на ноги и поспешила к Посыльной Ладье, ибо ни за что на свете не пожелала бы она провести ночь на этом жутком острове, ибо кто знает, вдруг собравшиеся в зале оживут и примутся разгуливать себе в сумерках и в темноте. Странница легко поднялась на борт и принесла свою кровь в жертву гордыне ладьи, и та ожила и понесла её прочь, и так девушка скользила сквозь ночь, пока не заснула.

Когда пробудилась она, вокруг было светлым-светло, солнце как раз поднималось, и ло! – впереди, на расстоянии полумили, обнаружился каменистый остров: крутые склоны резко уходили вверх, нависая над берегом; а далее, словно бы опираясь на клыки скал и пики нагорий, стоял замок, белокаменный, высокий и массивный; однако же, надо полагать, из-за нагромождений скал, не занимал он много места. Ровно так же, как и изысканный дворец вчерашнего дня, замок казался только что отстроенным, и хотя Заряночка неискущённа была в делах такого рода, сердце подсказало девушке, что этот дом возведён для нужд битвы.

Опечалилась Заряночка, видя, сколь необжит и мрачен остров, однако же как только ладья пристала к берегу в каменистой бухте, где к нагорным высотам вёл достаточно крутой подъём, девушка тут же сошла на берег и двинулась вверх, к белым зубчатым стенам. Вскоро-сти оказалась она на прямой каменистой тропе между двумя стенами скал, так что потеряла на время замок из виду, пока не добралась до ровной площадки, что глядела с высоты на синюю воду; а прямо напротив, рукой подать, перед девушкой громоздились огромные башни и стены.

Нелёгкий путь утомил Заряночку, и ощутила она себя до крайности беззащитной и слишком маленькой, чтобы иметь дело с такой грозной частью мира; и отвага её иссякла, равно как и уверенность в поручении. Бедняжка опустилась на камень и бурно зарыдала.

Спустя какое-то время страннице сделалось лучше, и она подняла взор, и оглядела могучую крепость, и молвила: «Ох, будь этот замок и вполтину меньше, чем есть, и того было бы достаточно, чтобы запугать меня». Однако же так и не встала Заряночка. Тогда она выставила вперёд ножку и проговорила вслух: «Скалистая эта тропа оказалась суровым испытанием для туфель Атры и прелестной их кружевной отделки; ежели хочу я сохранить их в узнаваемом виде, надо бы мне поторопиться либо пойти босиком».

С этими словами поднялась Заряночка, и звук собственного голоса порядком напугал девушку, хотя в том месте царил отнюдь не безмолвие; ветер налетал то на замок, то на скалы и, всякий раз наталкиваясь на непреодолимое препятствие, метался по углам сей рыночной площади, где торг вели пустотой. Ибо не было во дворе ни рыцаря, ни оруженосца, ни вооружённого воина; над стенами не сверкали острия пик, на галереях у бойниц не мерцали шлемы; у ворот не стояли привратники; подъёмный мост над глубокой пропастью был опущен, решётки подняты, и огромные двери распахнуты настежь.

Заряночка укрепила своё сердце, и поспешила вперёд, и миновала мост, и вошла в задний двор, и, не мешкая, подступила к двери огромного зала, и с лёгкостью отворила её, как и давеча, ожидая увидеть нечто подобное вчерашнему зрелищу; именно так оно и случилось.

Воистину этот зал не был ни светлым, ни изысканным и не пестрел золотом и переливами ярких цветов, как давешний; огромные округлые колонны подпирали широкий каменный свод, из камня же были сделаны и столы; а шпалеры*, что завешивали стены, изображали ужасные сцены сражения и смерти: на полотне гибли города, рушились башни и пламя пожирало дома.

Тем не менее, и в этом зале собрались немые и недвижные призраки, хотя и не столь многочисленной толпою, как в давешнем; казалось, что мужи сошлись сюда на совет, скорее чем на пир. По правую руку от вошедшей, вдоль завесы, выстроились в ряд могучие воины в полном вооружении; забрала шлемов скрывали их лица; а ниже возвышения, по обе стороны от высокого стола, тоже замерли закованные в доспехи рыцари; а за главным столом, озирая залу сверху, восседали три коронованных владыки; у каждого на коленях лежал обнажённый меч, и три престарелых мудреца застыли перед ними.

Заряночка обвела взглядом зал, борясь со страхом: однако же на этом испытание не закончилось, ибо решила девушка, что следует пройти через весь зал к самому возвышению, иначе Посыльная Ладья может её не послушаться. Прямоком к возвышению и направилась посланница, минуя по пути вооружённых воинов, что восседали за продольными рядами столов, словно бы дожидаясь окончания совета. И хотя ни слова, ни даже дыхания не срывалось с мёртвых уст, шума было предостаточно, ибо в зале, как и снаружи, гулял ветер и метался от стены к стене, и под порывами его гремело и грохотало оружие, развешанное по стенам, и развевались гобелены, и эхо стонало в углах и гудело под сводом.

И вот подошла Заряночка к возвышению, и остановилась подле одного из мудрецов, и окинула взглядом королей, и дрогнула перед величием и мощью, что некогда заключены были в них. Затем отвернулась она и поглядела на пол, и ло! – там, прямо перед возвышением, на золочёных погребальных дрогах возлежала женщина; редкостной красотой отличалась она при жизни, густая волна длинных золотых волос струилась с её головы; но теперь покойница была бледнее воска, губы её побелели и щёки ввалились. Дорогие пурпурные ткани одевали стан королевы, с одной стороны обнажена была её грудь, и виднелся след, что проложила погубившая даму сталь.

Долго не сводила с неё глаз Заряночка, но вот рассудила скиталица, что ежели задержится долее среди свирепых воинов подле мёртвой женщины, очень скоро лишится она рассудка, ибо несказанный ужас, с коим доселе удавалось ей справиться, вновь овладел ею. Потому повер-

нулась девушка, и торопливо пересекла зал, и вышла за двери, и миновала мост, и побежала лёгкой стопой вниз по каменистой тропе, тем же путём, каким пришла; и, наконец, не в силах более сделать ни шагу, она рухнула на землю в тени огромного валуна, задыхаясь, совершенно измученная; однако же бодрости духа не утратила Заряночка и сознания не потеряла, – потому, может быть, что задала задачу столь тяжёлую ногам своим.

Так лежала она, не закрывая глаз, во власти тревоги, час или около того, а затем уснула и проспала до того времени, как день стал клониться к закату, и никто чужестранку не потревожил. Затем девушка поднялась и спустилась к судну, сокрушаясь и гадая, сколько ещё подобных ужасов поджидает её на пути; и уж не везёт ли её Посыльная Ладья туда, где более не встретятся ей дети Адама, но только мёртвые призраки живущих. Ужели всё в мире вымерло с тех пор, как покинула она Остров Юных и Старых?

Как бы то ни было, ничего не оставалось делать Заряночке, кроме как сесть в ладью, и насытить её жадную душу кровью, и направить её словами заклинания. А потом, пока летела ладья вперёд и быстро сгущались сумерки, девушка оглянулась назад и словно бы увидела далёкий лес на севере и одетый дубами горный кряж, где повстречала она некогда лесную матушку; и тогда показалось страннице, будто слышит она слова Абундии: «Суждено нам встретиться вновь». И тотчас же приободрилась Заряночка, и жизнь перестала представляться ей в столь мрачном свете.

Сгустились сумерки, и настала ночь, и скользила беглянка сквозь тьму, пока не заснула, затерянная одна-одинёшенька на лоне вод.

Глава XII

О Заряночке и о том, как приплыла она к Острову, Где Царило Ничто

Заряночка пробудилась задолго до рассвета, в серых предутренних сумерках, и обнаружила, что ладья снова пристала к берегу. С трудом удавалось ей разглядеть, на что похожа помянутая земля; потому скиталица осталась сидеть в лодке, терпеливо поджидая наступления дня; однако же когда настал день, мало что нового различил взор девушки. Остров был совершенно плоским и едва поднимался над водою – не больше, чем рябь от попутной струи в погожий день; не виднелось на нём ни деревьев, ни кустов, ни травы; и, насколько хватало глаз, ни один фут его поверхности ничем не отличался от другого. Тем не менее сочла посланница, что следует ей сойти на берег и бросить вызов приключению, иначе поручение её останется неисполненным.

И вот Заряночка вышла из лодки и обнаружила, что весь берег усыпан среднего размера галькой, и ровным счётом ничего там не росло, ни самой малой травинки; и наклонилась девушка к самой земле и обыскала гальку, и не нашла там ни червя, ни жука, ни даже склизких и юрких созданий, что живут обычно в такого рода почве.

Заряночка прошла чуть дальше, а затем ещё чуть дальше, но ландшафт нимало не менялся; вперёд и вперёд шагала она, так ничего и не встретив; судя по солнцу, шла она на юг; день же стоял безветренный.

Немалый путь проделала девушка, но так и не вышла к южному берегу острова и не встретила ни холма, ни даже муравейника, с вершины которого могла бы оглядеться по сторонам; и показалось Заряночке, что так может она идти до бесконечности и, в конце концов, уйти в Никуда. Потому порешила она возвратиться к ладье и покинуть этот отвратительный остров, раз уж никакого иного приключения здесь её не ждёт. А к тому времени настал полдень; и повернула Заряночка и сделала несколько шагов в обратном направлении.

Но тут солнце, что до того ярко сияло в небесах, вдруг погасло, словно догоревшая свеча, и над головою у девушки всё сделалось тускло-серым, а под ногами всё стало буро-коричневым.

Но Заряночка решила, что, идя всё прямо да прямо, сумеет вернуться к чёлну, и решительно двинулась в путь. Час за часом шла она, не останавливаясь, но так и не различил её взгляд ни проблеска северного берега, и ландшафт вокруг неё нимало не изменился.

А так случилось, что незадолго перед тем, как Заряночка повернула назад, она подкрепилась ломтем хлеба и кусочком сыра, и теперь, как наклонилась она к самой земле, пристально вглядываясь в поисках хоть какого-нибудь указания дороги, как, скажем, следы её, уводящие к югу, заметила девушка у себя под ногами нечто белое в сгущающихся сумерках (ибо день клонился к концу), и подняла она находку, и обнаружила, что это крошка хлеба, и поняла, что не иначе как обронила крошку за обедом семью часами раньше, ибо до того коврига лежала нетронутой в её суме. Тогда мучительный страх и горе овладели Заряночкой, ибо поняла она, что в этой унылой земле, каждый клочок которой ничем не отличается от прочих, она, должно быть, описала круг и снова возвратилась на то же самое место, где впервые повернула назад, к северному берегу.

Однако упрямо не желала она вовсе отречься от надежды и облеклась в броню отваги. Воистину понимала Заряночка, что идти в сумерках – пустая затея; потому прилегла она на пустоши и решила уснуть, ежели сможет, и дожидаться нового дня, а затем снова поискать дороги, ибо подумалось ей, что, может статься, следующий день окажется погожим и солнечным. И поскольку несказанно устала она, бродя по пустыне целый день, она тотчас же заснула и проспала всю короткую ночь напролёт.

Когда же пробудилась Заряночка и увидела, что принёс новый день, совсем упало у неё сердце, ибо теперь стеною окружал её густой и тёмный туман (хотя вроде бы стоял белый день), так что, даже если бы и встретилось ей на пути что-нибудь приметное, девушка всё равно не сумела бы ничего разглядеть на расстоянии нескольких шагов. Так стояла она, понутив голову и пытаясь думать, но навязчивая мысль о близкой смерти рассеяла все прочие мысли, что поблекли и угасли на её зловещем фоне.

Долго стояла так Заряночка; но затем вдруг словно озарило её. Девушка запустила руку в вышитый кошель, что свисал с набедренного пояса Виридис, и извлекла оттуда кремень, сталь и трут, что прежде служили ей в лодке для разведения огня. Затем поднесла она руку к голове и извлекла на свет прядь волос, подаренную Абундией, что свёрнутой хранилась в короне великолепного убранства её собственных пышных локонов. Заряночка вытащила из помянутой пряди два волоска и взяла их в зубы, пока вкладывала прядь на место; а затем, бледная и дрожащая, принялась разжигать огонь. Едва же затлел трут, воскликнула девушка: «О, лесная матушка, лесная матушка! Как же встретимся мы вновь, как обещала ты мне, ежели погибну я на этой бесплодной пустоши? О, лесная матушка, если бы только могла ты прийти ко мне на помощь!»

Тут Заряночка запалила волоски один за другим и затаила дух, выжидая, но долгое время ничего не происходило, и сердце у неё упало, и застыла она на месте, как камень.

Но через некоторое время, ло! – среди тумана, или, скорее, на его фоне возникла словно бы тень, смутная и бесцветная, что повторяла образ лесной матушки, с подобранным платьем и луком в руке. Заряночка громко закричала от радости и поспешила к призраку, но ближе к нему не оказалась; девушка шла и шла, и по-прежнему видение ускользало от неё, а она всё спешила и спешила следом. Так продолжалось долго; скиталице приходилось всё ускорять и ускорять шаг, чтобы не потерять видение из виду; и, наконец, Заряночка подобрала юбки и помчалась со всех ног за ускользающей тенью, которую любила нежно даже в пасти смерти; и понадобилось Заряночке всё её проворство, чтобы не отстать; но девушка охотно умерла бы от непосильной муки, лишь бы не расставаться с дорогой тенью.

Но вдруг, пока бежала она, туман перед нею растаял: на безоблачном небе сияло жаркое солнце; и ни тени, ни образа Абундии не различал на берегу её взгляд, – ничего, кроме синего

озера и отвратительной полосы жуткой пустыни. Посыльная Ладья стояла в полудюжине ярдов у ног девушки, а позади Заряночки стеною возвышался туман, из которого она вырвалась.

Воистину слишком запыхалась Заряночка, чтобы громким криком возвестить свою радость, от которой едва не разорвалось её сердце, и прекрасным показались ей рябь на воде и синее небо; и поняла она, что лесная матушка послала ей помощь. Девушка разрыдалась там же, где стояла, от любви к своей мудрой матушке и от желания её увидеть: она протянула руки в сторону севера и призвала благословение на Абундию слабым от усталости голосом. Затем Заряночка прилегла на пустынном берегу и забылась сном, невзирая на палящее солнце; когда же пробудилась она три часа спустя, всё осталось по-прежнему, только теперь по небу скользили лёгкие облака; а стена тумана так и не рассеялась у неё за спиной. Потому подумала девушка, что у неё ещё есть время; синие волны манили её истомлённое бегом тело; потому Заряночка разделась и окунулась в воду, и усталость оставила её, и порадовалась она. Затем девушка вышла на берег, и постояла в лучах солнца, дабы обсохнуть, и, освежившись и обретя новые силы, оделась, и поднялась на борт, и совершила должный обряд, и заскользила по водной глади, и вскорости потеряла из виду безобразное пятно на прекрасном лице Великого Озера.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВТОРАЯ ЧАСТЬ КНИГИ «ВОДЫ
ДИВНЫХ ОСТРОВОВ», ПОСВЯЩЁННАЯ ДИВНЫМ ОСТРОВАМ, И
ЗДЕСЬ ЖЕ НАЧИНАЕТСЯ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ПОМЯНУТОЙ ИСТОРИИ,
ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ЗАМКЕ ОБЕТА.

Часть третья О замке обета

Глава I Заряночка является в Замок Обета

Ничем не был заполнен этот день для Заряночки, ежели не считать раздумий, и большую часть ночи девушке не удалось сомкнуть глаз. Когда же проснулась она на рассвете, впереди так и не показалось берега, и в сердце скиталицы закралось опасение, что так, может случиться, пройдёт немало дней, и вполне вероятно, что вовсе не встретит она земли на своём пути и умрёт от голода; ибо снедь, что вручила госте заботливая Виридис, почти подошла к концу. Потому девушка провела день в тревоге, и к тому времени, как настала ночь, поела она самую малость; малость же эта составила последнюю крошку и последний ломтик мяса её запасов. Потому неудивительно, что испугалась Заряночка, пробудившись рано поутру и не увидев впереди ничего, кроме безбрежных вод.

Однако же ближе к полудню показалось Заряночке, будто различает она у горизонта небольшое облако, что застыло неподвижно, в отличие от прочих облаков; некоторое время странница не сводила с облака глаз, не наблюдая в нём ни малейшей перемены; потом глаза её устали, и девушка попыталась заснуть, отвернувшись к кормовой части лодки; так между сном и бодрствованием скиталица провела три часа. Потом поднялась она на ноги и поглядела вперёд, и ло! – белое облако обрело очертания: то возвышался вдали белый замок, выстроенный словно бы прямо на лоне вод, – день же выдался погожий, и видно было за версту. Ладья стремительно неслась туда, потому очень скоро Заряночка различила по обе стороны помянутого замка зелёный берег, и наконец, за три часа до заката, скиталица приблизилась настолько, чтобы разглядеть увиденное во всех подробностях.

Не велик и не мал, замок казался новёхоньким и отстроен был на диво, частью из камня и известки, частью из дерева. Подплыв ещё ближе, разглядела Заряночка на крепостных стенах людей: надо полагать, девушку заметили, ибо у бойниц затрубили рога и обитатели замка толпою устремились куда-то. Скиталица оказалась уже настолько близко, что различила береговые ворота и как выходит оттуда народ к причалу; и ещё увидела она, что впереди всех стоит высокий седовласый муж, и машет ей рукою, и говорит что-то, да только ветер относит слова далеко прочь; однако же показалось девушке, будто люди эти стараются дать ей понять, что не желают иметь с ней никакого дела, и сердце скиталицы упало, настолько ослабела и изголодалась она.

Как бы то ни было, ладья стремительно летела вперёд и через минуту-другую остановилась у лестницы, ведущей к причалу, где собралось десятка два людей, кто во всеоружии, кто нет, и по большей части были они седы и преклонных лет.

Заряночка встала в лодке, и помянутый статный седовласый старик, облачённый в рыцарские одежды, однако же безоружный, стоя на лестнице, обратился к чужестранке и молвил: «Леди, в сей дом женщинам вход закрыт с тех самых пор, как возведена была крыша, а произошло это, правду сказать, не более года назад. Потому мы заклинаем тебя повернуть ладью и поискать другого прибежища у воды, либо к востоку, либо к западу».

Мало что смыслила Заряночка в светской учтивости, иначе бы, верно, ответила ему колкостью; но она только горестно поглядела на старца и молвила: «Достойный воин, я проделала немалый путь и не могу повернуть вспять, ибо доверено мне поручение великой важности; теперь же не осталось у меня снеди, и голодна я; и ежели ты не поможешь мне, надо полагать,

умру я. А когда бы ты только знал о моей миссии, понял бы ты, сколь многое от неё зависит». Девушка уже готова была разрыдаться, однако сдержала слёзы, хотя губы её и дрогнули. Она протянула руки к седобородому старцу, и тот поглядел на неё и нашёл, что прекрасна она на диво; а бесхитростные слова Заряночки, и нежный голос, и красота лица её, и чистый взгляд убедили старца, что незнакомка коварству чужда. Однако же отозвался он: «Леди, не в поручении твоём дело; только женская природа твоя заставляет нас закрыть перед тобою двери. Ибо все мы связаны клятвой не допускать в замок женщин, пока повелители наши не снимут запрета и не прикажут нам отворить женщинам врата». Заряночка слабо улыбнулась и молвила: «Нельзя ли мне повидать твоих повелителей, раз уж ты тут не хозяин?» Отвечал старик: «Их нет; возвратятся они только завтрашним утром; и не ведаю я, в котором часу. И однако же, – добавил он, – хотелось бы мне помочь тебе хоть в чём-то». – «О, прошу тебя и заклинаю! – воззвала бедняжка. – Иначе поручение моё так и окончится ничем».

Тут по ступеням спустился ещё один человек, и встал рядом с престарелым рыцарем, и потянул его за рукав, и заговорил с ним вполголоса. Судя по одежде, вновь пришедший был служителем церкви, и моложе прочих, может статься, тридцати пяти зим, и весьма пригож собою. Пока же беседовали они, Заряночка снова опустилась на скамью, ибо силы бедняжки иссякли.

Наконец заговорил старик и молвил: «Дева, раз уж в такой ты нужде, полагаем мы, что возможно позволить тебе войти в замок и вкусить пищи из наших рук, и в то же время сохраним мы верность клятве, ежели уйдёшь ты отсюда через наземные врата до заката. Годится ли тебе это?» – «Прекрасный сэр, – отвечала Заряночка, – это спасёт жизнь мою и моё поручение; более ничего не могу сказать я от слабости, иначе бы поблагодарила тебя».

Она поднялась на ноги, престарелый воин протянул ей руку, девушка ухватила за неё и поднялась по лестнице, однако же бедняжка едва стояла на ногах от усталости. Но священник (а был он капелланом* замка) поддерживал её с другой стороны. Когда же оказалась она на мощённой камнем площадке у самых речных врат, она повернулась к старику и сказала: «Об одном спрошу я тебя: находимся ли мы на одном из Дивных Островов?» Старец покачал головой. «О Дивных Островах мы ведать не ведаем, – отвечал он, – а замок сей выстроен на большой земле». При этих словах лицо девушки вспыхнуло от радости, и молвила она: «Об одном смиренно попрошу я тебя, а именно: оставить мою ладью здесь и не притрагиваться к ней до тех пор, пока не возвратятся твои повелители и не прикажут, чтобы никто не подходил к судну».

Старец уже готов был ответить, но священник опередил его, говоря: «Так и поступит он, леди, а он – не кто иной, как кастелян* замка; более того, он даст клятву повиноваться тебе в этом деле». Тут извлёк он крест, на коем распят был Господь, и кастелян поклялся на кресте весьма охотно.

После того священник поторопил Заряночку дальше; так, вдвоём, привели они странницу в огромную залу, и усадили в кресло, и обложили подушками. Оказавшись же в безопасности, девушка разразилась слезами, а кастелян и священник стояли подле, утешая гостью; и казалось им, что, невзирая на горе незнакомки, с нею вместе в замок пришло солнце.

Затем принесли чужестранке снеди: бульон и оленину, и доброе вино, и сласти, и землянику; и не настолько умирала она от голода, чтобы не вкусить еды и питья с превеликой охотой. Когда же насытилась Заряночка и слегка отдохнула, кастелян встал и молвил: «Леди, из западных окон не видать более солнца, и должен я сохранить верность клятве; но прежде чем уйдёшь ты, хотелось бы мне услышать, что прощаешь ты мне недобрый приём и то, что выставляю тебя за двери». С этими словами старик опустился на одно колено и поцеловал гостью руку. К Заряночке же вернулась присущая ей весёлость, и, рассмеявшись, молвила она: «Прощение, о великодушный рыцарь, я тебе охотно дарую; однако похоже на то, что перевоз-

носишь ты меня не по заслугам высоко, ибо другие женщины не переступали порога твоего замка. Я – всего лишь простая девушка, хотя поручение моё и не из малых».

Воистину дивилась Заряночка, что суровый и непреклонный старец так изменился в отношении к ней за столь краткий срок; ибо до поры не ведала девушка, что при одном только виде её в сердцах тех, что обращают на неё взгляды, вспыхивает горячий любовный жар.

И вот встала Заряночка, кастелян же опустился на колени у её ног и поцеловал девушке руку снова, и снова, и ещё раз. Затем молвил он: «Воистину учтивая ты и любезна. Но вот что: сей святой отец выведет тебя за ворота, ибо он может указать тебе пристанище, где проведёшь ты ночь в достаточной безопасности; а завтра, глядишь, случится что-нибудь новое».

Тут священник поклонился девушке и повёл её из залы, а взор кастеляна следовал за ними, пока не скрылись эти двое за занавесом. Священник оставил гостью ненадолго на крыльце, и зашёл в кладовую, и вернулся с корзиной еды и питья, и двинулись они вместе к главным воротам, а прямо перед ними на небе догорали последние блики заката.

Глава II

О Заряночке и о том, как отдыхала она всю ночь напролёт в хижине за пределами Замка Обета

По гладкой, накатанной дороге шли они, по обе стороны расстилались зелёные луга, а тут и там виднелись небольшие рощицы. Когда путники удалились от ворот на достаточное расстояние, священник взял девушку за руку и таким манером повёл за собою, и Заряночка позволила ему это, и никаких дурных мыслей не закралось ей в голову; у капеллана же некоторое время слова не шли с языка, такое смятие охватило несчастного от прикосновения к её ничем не прикрытой плоти. Заряночка же заговорила и молвила: «Как добр ты, отец мой, что согласился отвести меня».

Потупив взор и, ежели уж начистоту, не отрывая глаз от её ножек, священник ответил срывающимся голосом: «Я веду тебя недалеко; вон там, у рощицы за поворотом дороги, стоит полуразрушенная хижина, где сможешь ты переждать ночь; лучше уж такое пристанище, нежели никакого, хоть и мало подобает оно такой, как ты». Рассмеялась Заряночка и молвила: «Знавала я и похуже, нежели рощица без хижины». И при этом подумала она о темнице на Острове Непрошеного Изобилия.

Голос девушки показался священнику столь приветливым и весёлым, что он отчасти стряхнул с себя угрюмую задумчивость, порождённую страстью, и поднял глаза, и молвил: «Вот что скажу я тебе, леди: думается мне, к господам моим привело тебя дело поважнее, чем просить у них прибежища, вопреки обычаю замка. Предчувствую я, какого рода твоё поручение; и о том скажу больше чуть погодя; а теперь присоветую тебе, как лучше поступить, чтобы переговорить с владельцами замка как можно скорее. Лорды уехали прочь вместе со свитой, дабы добыть оленины, или, скажем, говядины да баранины нам на пропитание; и, может статься, случилось им по дороге и сразиться с кем-нибудь, ибо скверные у нас соседи. Но ежели вернуться они с победой, то проедут этой дорогой и всенепременно минуют твою рощицу; и ежели приведётся тебе задремать, то шум тебя обязательно разбудит. Тогда только всего и нужно тебе сделать, что выйти на свет и встать у всадников на пути, дабы тебя заметили; а едва заметят они тебя, то как проедут мимо, не заговорив?»

«От всего сердца благодарю тебя за совет, – отвечала Заряночка, – однако же хотела бы я расспросить тебя о двух вещах: первая – как прозывается замок, что остался у нас за спиною, и вторая – почему в обычае у вас запирается от женщин?» Отвечал капеллан: «В здешних краях замок сей окрестили Белым Приозёрным Равелином*; но промеж себя мы называем его Замок Обета; а такое имя дано ему потому, что господа мои разыскивают своих утраченных

возлюбленных; и поклялись они великой клятвой, что ни одна женщина не войдёт в замок до тех пор, пока возлюбленные их не переступят порога замка».

При этих словах Заряночка воспряла духом и подумала, что попала именно туда, куда бы желали направить её подруги. Священник же, что не сводил глаз с девушки, увидел, как ещё ярче засияла красота её от неожиданной радости, и, не в силах совладать с обуревающими его чувствами, некоторое время не мог выговорить ни слова; но, наконец, сказал: «Выслушай ещё касательно твоего дела: ежели господа мои задержатся и не приедут к заутрене; тогда не сомневаюсь я, что кастелян пошлёт людей позаботиться о тебе». При этом он снова потупился и молвил: «Сам я приду к тебе и приведу вооружённых воинов, ежели будет нужда. Однако же ещё до полудня господа мои придут всенепременно, разве что случится с ними беда, чего Господь не допустит». Тут капеллан перекрестился; затем поднял взор и, глядя в глаза девушке, молвил: «Не падай духом; ибо, что бы ни случилось, на произвол судьбы тебя не оставят».

Отозвалась Заряночка: «Уж вижу я по тебе, что стал ты мне добрым другом, и радуется тому моё сердце; куда как покойно будет мне нынешней ночью в твоей хижине, а завтра поутру я наберусь храбрости и поступлю по твоему слову».

Ласковая речь девушки оказала на священника такое впечатление, что тот только глядел на посланницу в замешательстве, словно не расслышал; и прошли они ещё немного молча, пока, наконец, капеллан не заговорил снова: «Вот мы и дошли до хижины; теперь покажу я тебе твои покои». И подвёл он гостью к крохотной, крытой соломой хижине; обмазанный глиной плетень ограждал полуразрушенное строение. Внутри было чисто и сухо, ибо крепкая крыша противостояла непогоде; однако никаким убранством не мог домик похвастаться, кроме охапки хвороста в углу.

Там остановился священник, по-прежнему держа Заряночку за руку, и молча обвёл взглядом хижину, краем глаза косясь на гостью; но, наконец, выпустил он руку девушки, и словно бы очнулся, и молвил: «Вот мы и пришли; жалкая лачуга, ничего не скажешь, даже для бродяги бездомного». – «Так это как раз я и есть, – отозвалась со смехом Заряночка, – уж будь уверен, что здесь отдохну я на славу». Тогда священник извлёк рог из корзины со снедью, что поставил на землю, и вручил его девушке, и молвил: «Ежели сочтёшь ты, что угрожает тебе опасность, тогда затруби в рог, и мы в замке услышим его и поспешим к тебе на помощь. А теперь желаю тебе доброй ночи».

Заряночка ласково поблагодарила священника, и тот побрёл было прочь из хижины, но не отошёл и двух шагов, как вернулся и молвил: «Одно мог бы я, пожалуй, сказать тебе, не навлекая гнева твоего на свою голову; а именно, что это я велел кастеляну впустить тебя. Ответишь ли что на это?» Отозвалась девушка: «Поблагодарю тебя снова и снова, ибо это спасло жизнь мою и моё поручение. И теперь ещё яснее, чем прежде, вижу я, что ты мне добрый друг».

А пока глядела она на капеллана взглядом ласковым и добрым, заметила Заряночка, что священник нахмурил брови, и в лице его отразилось смятение, и молвила: «Что печалит тебя? Уж не гневаешься ли на меня за что?» – «О нет, – отвечал священник, – как мне на тебя разгневаться! Однако хотелось бы мне обратиться к тебе с просьбою». – «Да, и какую же?» – полюбопытствовала девушка. Отвечал он: «Нет, не смею, не смею. Завтра либо в другой день». А проговорил он слова эти, глядя в землю, и прерывающимся голосом; и слегка подивилась девушка своему заступнику, но не слишком, полагая, что встревожен тот чем-то, не имеющим к ней ни малейшего отношения, и не может прогнать докучных мыслей даже перед чужестранкой.

Тут священник поднёс к губам её руку, и поцеловал, и снова пожелал Заряночке доброй ночи, а затем торопливо ушёл из хижины; когда же удалился он на достаточное расстояние, то проговорил вполголоса, однако же так, чтобы гостья не расслышала: «Когда бы только насмелился я попросить, уж верно, позволила бы она мне поцеловать её в щёку. Увы! – что я за безумец!»

Заряночка повернулась к своему ложу из хвороста; душистым и чистым оказалось оно; покой и мир царили в мыслях странницы, хотя телом устала она несказанно. Хорошо ей было в крохотной заброшенной хижине; с первого взгляда и всем сердцем полюбила девушка луговой этот край и не могла нарадоваться ему после всех невзгод, пережитых на воде; и показалось Заряночке, что даже сейчас, в быстро сгущающихся сумерках, земля эта шлёт ей ласковый привет. И вот прилегла скиталица, не раздеваясь, на случай, ежели придётся ей вставать второпях и явить на себе доверенные тремя дамами знаки.

Некоторое время Заряночка лежала, не закрывая глаз, довольная и счастливая, прислушиваясь к соловьиным трелям в кустарнике, а затем погрузилась в сон, и ничего не нарушало этого сна до тех пор, пока краткую ночь не сменил день.

Глава III

Как Заряночка принарядилась для встречи с Паладинами Обета

Утренние трели птиц разбудили Заряночку ещё до того, как взошло солнце; но до поры девушке не хотелось вставать, так хорошо и покойно ей было; тем более что вспомнила она, где находится, и сказала себе, что поручение её, похоже, вскорости будет исполнено; и подумала скиталица о своих подругах, которых оставила на Острове Непрошеного Изобилия, и благословила их за доброту, и любовь трёх дам согревала ей сердце, и в таких мыслях Заряночка снова заснула.

Когда же пробудилась она снова, потоки солнечного света затопили луга; девушка поспешно вскочила на ноги, опасаясь, что проспала, но едва выйдя из хижины, заметила, что солнце стоит невысоко ещё и поднялось какой-нибудь час назад. Засим повернула Заряночка, и перешла через рощу, и вышла с другой стороны, и ло! – увидела, что прямо перед нею струится прозрачный ручей. Тут заговорила она сама с собою негромко и посетовала: «Фи! Так утомили меня путь через озеро и голод, что прошлым вечером легла я спать, не умывшись; а нынешним утром утомлена я не менее: столь гадко мне немытое тело. Негоже показать себя неряхой неухоженной перед знатными лордами; дай-ка выкрою минуту-другую для купания».

С этими словами Заряночка проворно спустилась к воде, развязывая по пути пояс и шнуровку. Приблизившись к ручью, обнаружила она: струится поток между синих цветов костенца и камышей прямо в озерцо, что от песчаной отмели резко уходит вглубь. Тут же доверенные посланнице одежды упали на траву у кромки заводи, и Заряночка принялась плавать и резвиться в воде; волосы девушки расплелись и развевались у неё за спиною, словно озёрные водоросли. Однако долго задержаться там Заряночка не осмелилась, но поспешила выйти на берег и торопливо оделась. Однако же не прикрыла она плечи золочёным платьем и не зашнуровала его на груди, дабы открывалась взглядам сорочка Виридис; каковая сорочка была весьма приметной, ибо на груди расшили её зелёными веточками, над которыми дрожали язычки пламени, и расшили столь изящно, словно работала над рубашкой дева народа Фаэри.

Затем Заряночка подобрала платье повыше, дабы край юбки не закрывал лодыжек и сразу бросались в глаза туфельки Атры; а изысканные туфельки эти были украшены кружевами и отделаны золотом и драгоценными камнями, зелёными да синими. И воистину, не нашлось бы такого мужчины, что простоял бы перед Заряночкой минуту прежде, чем взоры его обратились бы к ступням её и лодыжкам, точёным и милым.

Тут девушка занялась причёской, и подобрала волосы, и обмотала их вокруг головы, дабы нимало не скрывали они доверенных посланнице одежд.

Так стояла Заряночка: на нежной шейке покоилось ожерелье Авреи, пояс Виридис охватывал изящной формы бёдра, а на прелестном пальчике сияло кольцо Атры. Прислушалась она, но не услышала ни звука, что говорил бы о приближении кавалькады; и тогда родилось

в сердце девушки робкое опасение, что, однако же, ничуть её не огорчило. Прямо перед нею над водою нависал куст шиповника; бесчисленные розы либо набирали бутоны, либо только что раскрылись. Заряночка подобралась к кусту тихонько и молвила, улыбаясь: «Что ж, раз уж ничего на мне нет, что могла бы я назвать своим, я возьму да присвою вот этот подарок девической купели». С этими словами Заряночка отломила с куста ветку и соорудила гирлянду для волос; и, засмущавшись, ещё немного помедлила у ручья, а затем повернулась и быстро пошла к назначенному месту у приютившей её на ночь хижины, и остановилась там, прислушиваясь; а отрадная робость её всё усиливалась, девушка то краснела, то бледнела, и сердце её так и колотилось.

Но тут вспомнила Заряночка о добром священнике, что привёл её в хижину прошлой ночью, и задумалась, размышляя, что могло его настолько встревожить. И гадала посланница, а окажутся ли остальные так же добры к ней, или сочтут её дерзкой девчонкой, или дурочкой, или просто проедут мимо?

Воистину если бы кто-нибудь и проехал бы мимо Заряночки, так не потому, что остался бы слеп к красоте её, но потому, что утратился бы подобной красоты и решил бы, что языческая богиня древности явилась перед ним, дабы заманить в ловушку.

Глава IV

А теперь она встречает Паладинов

Пока стояла Заряночка, прислушиваясь, показалось ей, что слышит она нечто, не громче, чем пересвист дрозда в кустарнике; однако же издалека доносился незнакомый звук и угасал не сразу; и снова напрягла слух девушка, и звук повторился, и теперь показалось скиталище, что это голос рога. Когда же в третий раз раздалась трель, поняла Заряночка, что и впрямь так оно и есть; и вот, наконец, песня рога зазвенела совсем близко, и теперь на её фоне возможно было различить переключку мужских голосов и мычание скота.

Тогда посланница сошла к самой обочине дороги; а теперь уже видела она, как в прозрачном воздухе клубится марево кавалькады; и сказала себе Заряночка: «Это и в самом деле они, и должно мне собраться с духом, ибо сердечные друзья моих подруг уж никоим образом не причинят вреда бедной девушке и презирать её не станут».

Вскорости из облака пыли вынырнули первые волю; позади них сверкали острия копий. И вот уже целое стадо, теснясь и толкаясь, бредёт по дороге; а за стадом поспешают десятка два копеечников, в кожаных куртках без рукавов и шлемах с забралами; надо сказать, что они и в самом деле повернули головы в сторону Заряночки, проезжая мимо, и перебросились промеж себя несколькими словами, смеясь и указывая на чужестранку, однако же не остановились, но двинулись напрямик к замку.

Далее наступило затишье, а затем неторопливо проехала ещё дюжина вооружённых воинов, из коих некоторые были в белых доспехах; в поводу вели они пять выючных лошадей, нагруженных олениной. И эти тоже проскакали мимо, не остановившись, хотя большинство их надолго задержали взгляды на Заряночке.

Последними же появились три верховых рыцаря; и на первом поверх доспехов надето было расшитое золотом сюрко*, а на таковом горело алое разбитое сердце; зелёное сюрко второго украшала серебряная полоса в треть щита, а на её фоне ярко выделялись зелёные ветви, охваченные пламенем; на третьем было сюрко чёрного цвета, испещрённое серебряными слёзами. Все трое ехали с непокрытыми головами, только Чёрного Рыцаря венчала гирлянда дубовых листьев.

И вот Заряночка набралась храбрости и выступила на дорогу, оказавшись в каких-нибудь десяти шагах от рыцарей, что, завидев её, немедленно придержали коней, и проговорила звон-

ким голосом: «Помедлите, о воины! – ибо если вы и впрямь те, за кого я вас принимаю, есть у меня до вас поручение».

Едва Заряночка выговорила эти слова, как все трое соскочили с коней, и Золочёный Рыцарь подступил к ней вплотную, и схватился рукою за край её одежды, и нетерпеливо воскликнул: «Где та, от которой ты получила этот доброй ткани наряд?» – «А ты, верно, Бодуэн Золочёный Рыцарь?» – спросила Заряночка. Он же коснулся пальцами ожерелья на шее девушки, при этом дотронувшись и до её кожи, и молвил: «Жива ли она была, когда досталось тебе вот это?» Отвечала посланница: «Если ты и впрямь Бодуэн Золочёный Рыцарь, есть у меня к тебе поручение». – «Да, это я, – заверил рыцарь. – О, скажи мне, скажи, она мертва?» Отвечала Заряночка: «Аврея жива была, когда мы в последний раз виделись, и послала она меня к тебе, если ты и впрямь её возлюбленный. Теперь прошу я тебя до поры удовольствоваться этим словом, – продолжила девушка, улыбаясь рыцарю приветливо, – ибо должна я исполнить своё поручение так, как велено мне. Кроме того, сам видишь, что и друзьям твоим охота порасспросить меня».

А те и в самом деле теснились к ней, едва ли не отталкивая друг друга. Зелёный Рыцарь ухватился левой рукою за левое запястье девушки, а правую положил ей на плечо, и раздумавшееся лицо юноши оказалось совсем близко от груди её, прикрытой сорочкою Виридис. Отпрянув назад, проговорила Заряночка: «Сэр, сорочка эта и в самом деле достанется тебе, когда ответишь ты мне на один-два вопроса. Тем временем, прошу тебя, запасись терпением; ибо, насколько известно мне, всё обстоит хорошо, и непременно свидишься ты снова с дорогой моей подругой Виридис».

Оробев и покрасневшись, Зелёный Рыцарь послушно отступил на шаг. Юноша был на редкость хорош собою, с нежною кожей, и серыми глазами, и золотыми кудрями, и тяжёлые доспехи на нём казались не тяжелее шёлковой ткани. Заряночка оглядела его приветливо, хотя и смущённо, и порадовалась до глубины души, что Виридис достался в милые рыцарь столь прекрасный. Что до Золочёного Рыцаря, теперь и его смогла рассмотреть Заряночка, когда отошёл он чуть в сторону: то был весьма пригожий воин около тридцати пяти зим, высокий, широкоплечий и стройный, черноволосый, с густыми бровями и свирепыми ястребиными глазами; на первый взгляд, грозного вида муж.

Когда же услышал Чёрный Оруженосец слова Заряночки касательно Виридис, он бросился на землю пред гостьей и принялся целовать её ножки, или, если угодно, башмачки Атры, что ножки эти одевали. Когда же девушка отступила назад, он поднялся, встав на одно колено, и поглядел на неё пылко, и молвила посланница: «И к тебе тоже есть у меня поручение от Атры, любезной тебе собеседницы, ежели ты Артур Чёрный Оруженосец». Не отвечая, тот по-прежнему не сводил с чужестранки глаз, пока не покраснела Заряночка. Девушка не знала, счесть ли его менее пригожим, нежели остальные двое. Этот рыцарь тоже был молод, не старше двадцати пяти лет, стройный и гибкий, с густой копной каштановых волос; лицо юноши загорело настолько, что глаза казались светлыми на его фоне; округлый подбородок словно бы рассекли надвое, рот и нос отличались безупречными очертаниями; борода и усы только-только начали пробиваться; а щёки представлялись взору скорее впалыми, нежели полными. И ещё приметил Заряночка, что руки юноши, потемневшие от загара ровно так же, как и лицо, были на редкость изящны и опрятны.

Наконец Чёрный Оруженосец поднялся на ноги, и теперь все три рыцаря стояли рядом и глядели на девушку во все глаза; а как же иначе? Заряночка понурила голову, не зная, что ей теперь делать и что говорить. И подумала она про себя, а оказались бы эти трое столь же добры к ней, как и три её подруги с Острова, ежели бы свела её с ними судьба подобным же образом? И порешила про себя, что мужи сии выказали бы не менее великодушия.

Тут заговорил Золочёный Рыцарь и молвил: «Не исполнит ли добрая девушка своё к нам поручение тут же, на этом самом месте? Ибо снедает нас нетерпение и терзает тревога».

Заряночка, отчасти смутившись, потупила взор. «Прекрасные сэры, – отвечала она, – я сделаю так, как вы велите».

Но Чёрный Оруженосец поглядел на девушку и заметил, что обеспокоена она, и проговорил: «Прощения прошу, добрые соратники, но разве нет у нас где-то поблизости дома, что ни в чём не ведаёт недостатка? С вашего позволения хотел бы я умолять сию добрую и милую леди оказать нам великую честь, и переступить порог Замка Обета вместе с нами, и прогостить под кровом его столько, сколько пожелает; а там на досуге смогла бы она поведать нам всё досконально о своём поручении; и уже видим мы и знаем, что не принесёт оно нам ничего другого, кроме радости».

Тут заговорил Золочёный Рыцарь и молвил: «Заклинаю благородную госпожу извинить меня и присоединяю свою просьбу к твоей, брат мой, умоляя её отправиться домой вместе с нами. Леди, – продолжал он, – ведь ты простишь мне, что в нетерпении своём услышать вести о возлюбленной моей собеседнице я позабыл обо всём прочем».

С этими словами он опустился перед Заряночкой на колени и поцеловал её руку; и несмотря на свирепый взгляд его и воинственный вид, девушка сочла, что Золочёный Рыцарь и добр, и приветлив. Тогда и Зелёный Рыцарь поспешил опуститься на колени и поцеловать чужестранке руку, хотя ему-то не в чем было каяться; и показался он Заряночке пригожим и ласковым юношей, и снова сердце посланницы захлестнула радость при мысли, что по подруге её Виридис тоскует Паладин столь милый.

Затем настал черёд Чёрного Оруженосца, а к тому времени двое других отошли к коням; и он опустился перед Заряночкой на оба колена, и сомкнул пальцы на её правой руке повыше запястья, и поглядел на кисть, и поцеловал её так, словно прикасался губами к священной реликвии, однако же с колен не поднялся; девушка застыла на месте, склонясь над ним, и новое, сладкое томление родилось в её душе, подобного которому не доводилось ей знать прежде. Что до Чёрного Оруженосца, тому, видно, показалось, что одной руки не достаточно, и он поднёс к губам левую руку посланницы и расцеловал и её, а затем обе руки вместе, сперва тыльную их сторону, а после и ладони; и спрятал он лицо в девичьих ладонях, и прижал их к щекам; и милые ручки позволили ему всё это и согласились обнять его щёки. И сочла Заряночка Чёрного Оруженосца самым добрым и самым милым из трёх достойных воинов и пожалела, когда выпустил он её руки и поднялся на ноги.

Лицо юноши пылало, однако же, когда заговорил он, так, чтобы слышали его прочие рыцари, голос его прозвучал ровно: «Теперь, госпожа, двинемся мы напрямик к замку, и желали бы мы спросить тебя, которому из нас троих окажешь ты честь, согласившись сесть на его коня; выберешь ли гнедого скакуна Бодуэна, или серого в яблоках, что принадлежит Хью, или моего чалого?» С этими словами Чёрный Оруженосец взял девушку за руку и повёл было к лошадям. Но рассмеялась она и, поворотившись, указала на замок, говоря: – «Нет, милые господа, я пойду пешком, ибо путь недалог, а я к седлу и вовсе непривычна».

Отозвался Зелёный Рыцарь: «Ежели так, леди, тогда мы все трое пойдём с тобою пешком». – «Нет, нет, – отвечала Заряночка, – мне нечего нести, кроме себя самой, но при вас ваши кольчуги и прочие доспехи, и тяжко покажется вам тащить их на себе пешком, даже и на короткое расстояние. Более того, хотелось бы мне поглядеть, как оседлаете вы коней и проедете вскачь через луг, так, чтобы развевались по ветру гривы да сияли мечи, пока побреду я неспешно к воротам; ибо подобное зрелище, да ещё столь величественное, мне куда как внове, как вскорости поймёте вы, когда поведаю я вам мою историю. Ужо порадуйте меня, добрые рыцари».

Статный Бодуэн кивнул девушке, улыбаясь по-доброму и словно бы говоря, что по душе ему подобная просьба. А Зелёный Рыцарь с радостным кличем побежал к коню; и тотчас же вскочил в седло и взял в руку сверкающий меч; затем он пришпорил скакуна и галопом промчался через луг, направляя коня то туда, то сюда, то резко разворачивая его, то поднимая

на дыбы; немало приемов ристалища продемонстрировал он, восклицая: «Эгей, Хью, Хью, во имя Зелёного Платья!» Золочёный Рыцарь держался степеннее и двигался неспешно, однако же разными способами выказал он воинскую доблесть, посылая коня прямо на Хью и останавливаясь в самый последний момент, и восклицал он: «Бодуэн, Бодуэн, во славу Золотых Рукавов!» И зрелище это казалось Заряночке и прекрасным, и грозным.

Что до Чёрного Оруженосца, тот не торопился отпускать руку Заряночки; но вот, наконец, юноша проворно вскочил в седло и поскакал по лугу; то и дело возвращался он к чужестранке, объезжая её кругами и кругами, и подбрасывал при этом меч в воздух, и ловил его на лету. Это зрелище показалось Заряночке не менее прекрасным; и девушка улыбалась всаднику и махала ему рукою.

Так, идя себе неспешно, Заряночка добралась, наконец, до ворот замка; трое же рыцарей к тому времени обогнали её и теперь, спешившись, стояли у калитки, встречая гостью, и Золочёный Рыцарь, по праву старшего, произнёс слова приветия.

Тогда ножки Заряночки переступили порог Замка Обета, и минуты счастливее не знала девушка за всю свою жизнь.

Глава V

Паладины сообщают Заряночке верные приметы

И вот привели рыцари гостью в богато убранные покои, где было всё необходимое, кроме разве прислужницы; о чём девушка, по правде говоря, ничуть не посетовала, ибо отродясь никто не помогал ей одеваться. И вот постаралась Заряночка принарядиться по возможности; а вскорости явились два пригожих лакея и с почестями отвели девушку в парадную залу, где поджидали посланницу три знатных лорда*. Там подали им обильное угощение; и пошла промеж них учтивая беседа; особо же отрадны и мудры, утешительны и разумны были речи Артура Чёрного Оруженосца; а Зелёный Рыцарь вёл разговоры весёлые и добрые, словно счастливое дитя; а Золочёный Рыцарь, хотя и не отличался многословием, изъяснялся свободно и приветливо. И кто же радовался, как не Заряночка?

Когда же все поели и вымыли руки, тогда молвил Золочёный Рыцарь: «Милая девушка, теперь готовы мы выслушать суть твоего поручения, все вместе, ежели тебе угодно».

При этих словах улыбнулась Заряночка и зарумянилась, говоря: «Прекрасные господа, я не сомневаюсь, что вы – именно те, к кому я послана; однако же те, кто послал меня, кто спас меня от смерти и худшей участи, повелели мне исполнить поручение вот как: должна я переговорить с каждым из вас наедине, и в качестве верной приметы придётся каждому поведать мне то, что ведомо только ему и его возлюбленной, а также и мне со слов означенных дам. Теперь же готова я исполнить моё поручение – так и не иначе».

Тут все рассмеялись и развеселились, а Зелёный Рыцарь покраснелся, словно девушка; по чести говоря, в точности так же, как Виридис, любезная ему собеседница. Но Чёрный Оруженосец молвил: «Благородные соратники, а не выйти ли нам всем вместе в сад, благо утро стоит ясное; там присядем мы на траву, а наша милая гостья отведёт нас по очереди в обнесённую плетнём аллею и там выслушает наши приметы».

Так они и поступили, и вышли все вместе в сад. Зелёные кущи, что раскинулись на небольшом участке земли к югу от замка, заросли травой и густо засажены были розами, и лилиями, и левкоями, и прочими благоуханными цветами. Там три знатных лорда устроились рядом на поросшем ромашками дёрне, а Заряночка напротив них, и все трое восхищались красотой и прелестью девушки и немало им дивились.

Она же сказала: «Настало время заняться моим поручением; потому велю тебе, Бодуэн Золочёный Рыцарь, пойти со мною и ответить на мои расспросы, дабы могла я знать в точности, что исполняю поручение как должно».

С этими словами девушка поднялась на ноги, а вслед за нею и Золочёный Рыцарь, и повёл он её в обнесённую плетнём аллею за пределами слышимости прочих двоих, что улеглись на траве, дожидаясь своей очереди не слишком-то терпеливо.

Когда же девушка и её спутник оказались в густой тени аллеи, молвила Заряночка: «Узнай же, сэр Золочёный Рыцарь, что трое возлюбленных ваших были добры ко мне в час нужды и одели меня со своего плеча; однако же одежды эти ссудили они мне на время, а отнюдь не навечно. И велено мне передать вещи по принадлежности, одну за другою, тем, что некогда наградили означенными нарядами своих дам; а узнаю я дарителя по тому, что правдиво поведает он историю дара. Я же, прекрасный сэр, отлично знаю, каким образом и почему вручил ты сие золочёное платье Аврее; ту же самую повесть должен ты пересказать мне теперь, и ежели верен окажется твой рассказ, то платье твоё. Так начинай же и не медли долее».

«Леди, – проговорил рыцарь, – вот как это было. Аврея, радость моя ненаглядная, жила при родственнице, особе почтенных лет, от которой мало видела добра; и как-то раз, в одну из наших тайных встреч, как беседовали мы промеж себя, возлюбленная моя принялась сокрушаться, сколь скупа означенная родственница, и пожаловалась, что нет у неё, Авреи, пристойного платья, дабы принарядиться к пиру. Я же посмеялся над нею и сказал ей, что, одетая как есть (а платье на ней и в самом деле было простенькое), она прекраснее любой другой; тут, как ты можешь догадаться, пошли промеж нас объятия да поцелуи. И наконец, как собирался я сделать с самого начала, я пообещал Аврее раздобыть для неё такое платье, что лучшего не найдётся ни у одной дамы во всём краю; но сказал я также, что должен я в обмен получить то платье, кое надето на ней теперь, ибо так долго обнимало оно её стан и столь тесно прилегалось к её телу, что словно бы сроднилось с нею. И пообещала мне Аврея с поцелуями исполнить мою просьбу; и ушёл я прочь, веселее птицы. Тотчас же после того я и в самом деле приказал пошить вот это самое платье, что сейчас на тебе, милая девушка, и в назначенный день Аврея пришла ко мне на то же самое место встречи, одетая, как прежде; новое же платье было при мне. Неподальёку же находилась ореховая рощица, в ту пору достаточно густая, ибо стояла середина лета; и сказала мне Аврея, что пойдёт туда и переоденется, и принесёт мне назад в дар старый лоскут (так назвала она прежний свой наряд, весело смеясь). Но не согласился я и объявил, что пойду в рощу вместе с нею, дабы охранять её от зверей и лихого человека; а заодно и поглядеть, как снимет она старое платье, да узнать прежде, чем обвенчаюсь с нею, что за набивки да подкладки создают красоту боков её и бёдер. И снова развеселилась Аврея и молвила: «Так пойдёшь же и погляди, Фома Неверующий». И ушли мы под сень рощи вместе, и сняла она платье перед моими глазами, и предстала передо мною в белой своей сорочке, прекрасная, словно дева народа Фаэри; обнажены были её руки, а плечи и грудь едва прикрыты. Тогда я, не прося у Авреи позволения, заключил её в объятия и расцеловал её руки, и плечи, и грудь, всё, что она позволила; ибо я с ума сходил от любви. Затем Аврея надела вот это самое золочёное платье и ушла, вручив мне помянутый старый лоскут, как уговорено было прежде; и я унёс его прочь, не чуя под собою ног; и убрал я милое платьице в изящный маленький сундучок, и здесь, в этом замке, храню я сей подарок, и часто достаю его и целую, и кладу на него голову. Прост мой рассказ, леди, и стыдно мне, что растянул я его для тебя столь надолго. Однако же не знаю; кажешься ты мне такой доброй, любящей и чистосердечной, и очень хочется мне, чтобы узнала ты, сколь горячо люблю я твою подругу и мою».

И подумала Заряночка, что Бодуэн и в самом деле хороший человек, и со слезами на глазах ответствовала ему, говоря: «Правдив твой рассказ, милый друг, и показался мне скорее короток, нежели длинен. Вижу я, что ты – и в самом деле возлюбленный Авреи; и радостно мне думать, что ты, о грозный воин, при этом столь нежен и верен. Теперь золочёное платье – твоё, однако же прошу тебя смиренно оставить мне его ещё на некоторое время. Но это украшение с моей шеи ты получишь прямо сейчас; и ведомо тебе, откуда оно, воистину прямо с шейки твоей Авреи».

С этими словами она вручила ожерелье рыцарю, и тот подержал его в руке несколько мгновений, размышляя, а затем молвил: «Благодарю тебя, милая девушка; я возьму это колье, и положу в мой сундучок, и порадуюсь тому; тем более что, как гляжу я на тебя сейчас, вижу я, что нимало не убавилась красота собственной твоей шейки».

«Ступай же к своим друзьям, – отозвалась Заряночка, – и пошли ко мне Зелёного Рыцаря, этого славного юношу». На том Золочёный Рыцарь ушёл, и вскорости явился на его место Хью и, весело улыбаясь, молвил: «Много же времени отняла у тебя первая примета, о нежная госпожа; боюсь я, что не измыслить мне рассказа столь складного, как удалось Бодуэну». – «Однако же, – отвечала Заряночка, – повесть Виридис оказалась самой длинной из всех трёх. И весьма сомнительно мне, что не выдержишь ты испытания». Тут рассмеялась она; а вслед за нею и Зелёный Рыцарь; и обнял он девушку за плечи, и дружески поцеловал в щёку, так, что ничуть она его не испугалась, и объявил: «Вот тебе расплата за насмешку; ну, что ты от меня хочешь?» Отозвалась Заряночка: «Хочу я, чтобы рассказал ты мне, каким образом Виридис получила сорочку, что расшита зелёными ветвями, охваченными пламенем, и что ныне ношу я».

«Так слушай, ненаглядная леди, – отвечал Зелёный Рыцарь. – В один прекрасный день сидели мы вдвоём с Виридис на лугу и так были счастливы, что ничего лучшего не придумали, как побраниться; и принялся я ей выговаривать, что не любит она меня так же сильно, как я её; что, кстати говоря, было явною ложью, ибо существа столь любящего и преданного не рождалось ещё на свет, и когда мы вместе, она и не знает, как угодить мне. Ну, вот и принялись мы спорить, как это принято у влюблённых, пока я, не находя, что сказать, напомнил ей, что с тех пор, как впервые полюбили мы друг друга, много чего подарил ей я, она же мне – ничего. Вот так-то; видишь, дорогая, каким неучтивым грубияном был я в ту пору! Но, хотя и не всерьёз я это сказал, Виридис приняла слова мои близко к сердцу, и вскочила на ноги, и побежала через луг назад к дому; можешь догадаться, сколь легко догнал я её, и сколь мало огорчилась она, когда я за плечи отвёл её обратно. И вот, когда мы снова уселись в тени боярышника, с перебранкой мы почти покончили; однако же Виридис расстегнула платье и отвернула уголок с плеча, дабы показать мне, сколь грубо обошелся я с нею; и в самом деле, на нежной, словно розовый лепесток, коже виднелась крохотная отметина; и это подало повод к новым поцелуям, как ты легко можешь догадаться. После же сказала она мне: «И как же я, бедная девушка, могу делать тебе подарки, ежели родня моя скупится для меня на всякую малость? Однако хотелось бы мне подарить тебе, что смогу, ежели бы только знала я, что ты примешь». А у меня сердце разгорелось от поцелуев, что запечатлел я на её плече, и сказал я, что хочу ту самую нательную рубашку с её тела, которая на ней сейчас, и тогда сочту, что получил дар поистине королевский. «Что? – воскликнула она, – прямо здесь и сейчас?» И думается мне, что она бы сняла сорочку в ту же самую минуту, ежели бы я потребовал, но на то не хватило у меня дерзости; и сказал, что нет, пусть принесёт она мне её на следующую встречу. И в самом деле впоследствии принесла она мне сорочку, завёрнутую в кусок зелёного шёлка, и с той поры дорога мне эта рубашка, и осыпаю я её бесчисленными поцелуями. Но что до твоей сорочки, это я приказал пошить её и украсить пылающими зелёными ветвями, ровно так, как ты видишь, и подарил Виридис; однако же не в тот самый день, как вручила она мне свой дар; ибо на шитьё новой потребовалось немало времени. Вот и весь сказ; и чего уж там Виридис к нему прибавила, растянув надолго, я не ведаю. Ну уж что есть; скажи-ка, выиграл или проиграл я твою сорочку?»

Заряночка расхохоталась над ним и молвила: «Как бы то ни было, ты получишь её в дар; а от меня или от Виридис, это уж как знаешь. Но к рубашке прилагается и другой дар, и его можешь получить ты прямо сейчас; сорочку же придётся тебе уступить мне ещё на некоторое время». С этими словами девушка вручила рыцарю свой пояс, и Зелёный Рыцарь поцеловал украшение, однако отозвался: «Нет, прекрасная госпожа, пояс этот настолько под стать красоте твоего тела, что не след тебе расставаться с ним; а чистой, любящей душе твоей куда как

пристало хранить его для меня; прошу тебя, оставь пояс себе». «Однако же, – возразила Заряночка, – я его не возьму, ибо таково моё поручение вручить пояс тебе. Теперь же прошу я тебя удалиться и прислать сюда твоего соратника, Чёрного Оруженосца».

Хью ушел, и вот на смену ему явился Чёрный Оруженосец; теперь, впервые оставшись с Заряночкой наедине, юноша казался угрюмым и удручённым, в отличие от прочих двоих. Он остановился чуть поодаль от посланницы и молвил: «О чём желаешь ты спросить меня?» Мрачная его задумчивость болью отозвалась в сердце Заряночки, ибо прежде Чёрный Оруженосец казался ей самым добрым из трёх; однако же молвила девушка: «Поручено мне расспросить тебя касательно вот этой самой обуви, что ссудила мне Атра, до тех пор, пока не вручу я башмачки тебе, ежели и впрямь ты её возлюбленный». Отвечал он: «Я и впрямь был её возлюбленным». Отозвалась Заряночка: «Тогда не мог бы ты рассказать мне, каким образом подарил ты Атре эти красивые башмачки?»

Отвечал Чёрный Оруженосец: «Вот как: гуляли мы вместе в этих краях и набрали на брод через реку, и было там довольно глубоко, и вода доходила мне выше колен, потому перенёс я Атру на руках; затем прошли мы ещё немного вперёд; на обратном же пути пришлось нам переходить реку в другом месте, и там оказалось помельче, и поскольку день стоял жаркий, Атре непременно захотелось перейти самой. Потому сняла она башмаки и чулки, и я перевёл её за руку, и вода дошла ей лишь до середины голени. Когда же выбрались мы из воды и снова оказались на траве, я попросил у неё башмачки в залог любви, и тотчас же отдала она их мне и вернулась домой босиком, потому что бродили мы по полям в самом начале лета, и трава была густа и нежна. После же я приказал пошить для неё красивые туфли, что сейчас у тебя на ногах, и подарил ей. А лишний раз подтверждая истинность моего рассказа, я скажу тебе, что первый брод, который перешли мы в тот день, именуется Топью Старой Клячи, а второй зовётся Козьим Бродом. Вот и весь мой сказ, госпожа; правдив ли он?»

«Правдив, оруженосец», – отвечала Заряночка и примолкла ненадолго; и он тоже. Затем девушка взглянула на рыцаря приветливо и молвила: «Ты не в духе ныне, друг мой. Не бойся, ибо, вне всякого сомнения, увидишь ты любезную тебе собеседницу снова. Более того, вот кольцо, что надела она мне на палец, веля передать тебе». И она протянула перстень Артуру.

Чёрный Оруженосец взял кольцо и проговорил: «Да, лучше мне забрать его у тебя, чтобы не приключилось несчастья». Видела девушка, что рыцарь смущён и встревожен, но не знала, что сказать, дабы ободрить его; так стояли они молча, не сводя друг с друга глаз. Наконец молвил Чёрный Оруженосец: «Пойдём же назад к друзьям нашим и поговорим о том, что надлежит теперь делать».

И пошли они своим путём туда, где отдыхали на зелёной траве остальные двое; и Чёрный Оруженосец прилёг рядом с ними, а Заряночка встала перед тремя рыцарями и обратилась к ним с такою речью.

Глава VI

Как Паладины пожелали одеть Заряночку во всё новое в Замке Обета

«Лорды, – молвила она, – теперь, благодаря верным приметам, стало ясно: послана я к вам и ни к кому другому; потому пришло время рассказать, что следует вам сделать, дабы встретиться снова с подругами вашими и любезными собеседницами, и спасти их, и привезти сюда. Ибо находятся они в плену на одном из удивительных островов сего великого озера, что зовётся Островом Непрошеного Изобилия».

Отозвался Золочёный Рыцарь: «Прекрасная госпожа, мы и прежде слышали, что подруги наши отправились туда, или, скорее, увезены были по воде. Вот почему выстроили мы сей замок у кромки озера, на том самом месте, где некогда воздвигнут был павильон для наших

дам, дабы под кровом его дожидались они исхода битвы Паладинов. Более того, с тех пор немало кораблей и чёлнов выводили мы на воду, дабы завершить поиски, согласно Обету; но мореплавание наше всегда заканчивалось одним и тем же: как только удалялись мы от берега на достаточное расстояние, чтобы потерять землю из виду, сгущался вокруг нас туман, поднималась противу нас сумеречная тьма; а затем налетал свирепый ветер и пригонял нас назад к замку. Только шесть дней назад бросили мы вызов приключению в последний раз, и похоже, что ровно то же самое произойдёт и при новой попытке. Потому должен я спросить тебя, леди, не ведом ли тебе другой способ, каким сумели бы мы добраться до помянутого острова? Ибо ежели ведом, мы, разумеется, его испробуем, какой бы опасности ни подвергались при том тела наши и души».

«Всене непременно ведом, – отвечала Заряночка, – иначе как бы сама я добралась оттуда – сюда?» И рассказала девушка рыцарям о Посыльной Ладье: и что это такое, и как при помощи её проделала странница весь путь от Острова Непрошеного Изобилия; и Паладины слушали её с превеликим вниманием и дивились как чародейству, так и отважному сердцу той, что направляла ладью по своей воле вопреки злу. В заключение же молвила Заряночка: «Лорды, вот и узнали вы часть моей истории, именно ту, что касается до вашего дела и что следовало пересказать немедленно. Ибо, вне всякого сомнения, отправитесь вы к своим возлюбленным на этом самом судне и тем самым способом, который укажу вам я; разве что, может статься, вы полагаете, будто я лгу вам и сочиняю небывалые басни; однако же, по правде говоря, сдаётся мне, что так вы не думаете».

Отозвался Золочёный Рыцарь: «Дева, мы всей душою верим и тебе, и твоему рассказу. И не допустит Господь, чтобы помешкали мы! Так отправимся в путь сегодня же!»

«Да, но послушайте, – возразил Чёрный Оруженосец. – Разве не поручено этой деве вручить нам одежды наших подруг, что носит она на себе, дабы отвезли мы их законным владельцам?»

«Именно так, – отвечала Заряночка, – и, как легко можете вы догадаться, подсказано это не чем иным, как необходимостью, ибо помянутые леди находятся во власти чар».

«Так сами видите, друзья, – продолжал Чёрный Оруженосец, – никак невозможно нам пуститься в путь ни сегодня, ни даже завтра. Ибо ведомо вам, что во всём замке не найдётся женского платья, и придётся нам послать за ним в другие места».

«Ты только погляди, девушка, – молвил Золочёный Рыцарь, рассмеявшись, – как печётся о тебе сей юный воин; в то время как я, что старше его годами и должен бы быть мудрее, совсем о тебе не забочусь. Покорно прошу простить меня».

«Более того, – молвил Чёрный Оруженосец, – куда как разумно будет выждать, ибо надо полагать, ненаглядные возлюбленные наши о том подумали загодя и знают, что придётся нам задержаться, и в соответствии с этим претворяют в жизнь свой замысел; и ни за что не поверю я, что позволили бы они одеть неподобающим образом дорогую свою сестрицу, что стала сестрою и нам. Нет, то означало бы положить Походу дурное начало».

Все охотно согласились с его доводами, и молвил Зелёный Рыцарь: «Недурно будет также почаще видаться с нашей сестрицей до отъезда и послушать историю её во всех подробностях; ибо сдаётся мне, девушка начала её с середины». И повернулся он к Заряночке и ласково погладил её руку.

Заряночка улыбнулась рыцарям чуть смущённо и поблагодарила их, но повелела не тратить много времени на её наряды. «Ибо, – молвила девушка, – хотя леди и рассчитывают на то, что придётся вам задержаться, дабы приодеть меня, всене непременно рассчитывают они также и на нетерпеливый любовный жар, что царит в сердцах ваших и велит вам поспешить».

Очень порадовались рыцари этим её словам, но тем не менее послали двух воинов и оруженосца с лошадьми в поводу в большой и славный торговый город под названием Гринфорд, что находился в каких-нибудь двадцати милях от замка*, с поручением привезти обратно уме-

лую закройщицу, и вышивальщицу, и белошвеек, и ткани, и шёлка, и льна, и всего необходимого.

Что до украшений, рыцари наперебой старались порадовать гостью чем-нибудь таким, чем дорожили сами; богатыми и изысканными были дары, хоть и не для женщины предназначались. Как, скажем, изящное ожерелье, сплетённое из звеньев в форме буквы S*, что подарил девушке Золочёный Рыцарь, или пояс широких золочёных пластин тонкой работы – дань Чёрного Оруженосца. Однако же юноша в чёрном не предложил защёлкнуть пояс у Заряночки на бёдрах, на что надеялась она; ибо когда Зелёный Рыцарь принёс своё подношение, тяжёлый золотой браслет, исключительно древний, Хью повелел девушке закатать рукав до самого локтя, дабы мог он надеть сработанное гномами украшение прямо на руку; при этом же юноша не удержался от поцелуя.

На следующий день, рано поутру, вернулись посланцы вместе с работницами и всем необходимым; и теперь всё переменилось в не знающем женщин замке, и весьма тому радовались мужи.

Глава VII

О Заряночке и о том, как рассказала она Паладинам свою историю от начала и до конца

Восемь дней шились одежды для Заряночки, а тем временем проводила она время с Паладинами, порою со всеми тремя, а порою то с одним, то с другим. Что до обращения рыцарей с гостьей, Золочёный Рыцарь неизменно держался с посланницей церемонно и степенно, словно был куда старше своих лет. Зелёный Рыцарь непрестанно твердил Заряночке, как она прекрасна, и, судя по всему, глаз не мог отвести от девушки, и порою надоедал ей ласками да поцелуями; однако же был он весёлым и шаловливым юношей, и когда упрекала его гостья за чрезмерную привязчивость, что проделывала то и дело, сам Хью хохотал над собою заодно с нею; и воистину почитала Заряночка, что в сердце его нет разлада и всей душою верен он Виридис. Хью частенько заговаривал с Заряночкой о Виридис, и восхвалял красоту своей ненаглядной, и говорил, как тоскует по ней. «Только, – добавлял он, – ныне живешь среди нас ты, сестрица моя, и даришь нам своё благоухание, и являешь нам красоту свою и прелесть, хочешь ты того, нет ли, – ровно так же, как цветы; и притом столь добросердечна ты, что не станешь судить меня слишком строго, ежели порою забываю я, что ты мне сестрица и что возлюбленная моя – горе мне! – далеко. Ведь ты простишь меня, разве нет?» – «О да, прошу, – отвечала Заряночка, – от всей души. Только вот тянуться к руке моей незачем; довольно ты ласкал её нынче утром». И, смеясь, девушка прятала руку в складки платья; и Хью хохотал с нею заодно, говоря: «Воистину не в чем упрекнуть тебя, я же – юный сумасброд; но Виридис заставит меня поумнеть, когда снова мы встретимся. Скажи, доводилось ли тебе видеть деву столь прекрасную?» – «Никогда, – отвечала Заряночка, – и, уж разумеется, в целом мире прекраснее не сыскать. Потому побудь-ка ты в одиночестве и подумай о ней».

Что до Чёрного Оруженосца, именуемого Артуром, за него Заряночка весьма тревожилась и из-за него частенько грустила. Правда и то, что никогда снова не видела она юношу столь удручённым и мрачным, как в тот раз, когда пересказывал он посланнице верные приметы; однако же казалось девушке, что он только притворяется весёлым да безмятежным, и стоит ему это немалого труда. Более того, хотя и искал Артур непрестанно общества гостьи и предпочитал оказаться с девушкой наедине; хотя и говорил с нею почти так же, как мужчина с мужчиною, только в голосе его звучала нота нежности; хотя не сводил с неё при этом серьёзного взгляда, однако же никогда более не брал он Заряночку за руку и никак иначе к ней не прикасался. А, по правде говоря, девушка мечтала о прикосновении его руки.

На третий день своего пребывания в Замке Обета Заряночка, уступая настойчивым уговорам своих друзей, пока сидели они все вместе на лугу за пределами замка, набралась храбрости и рассказала им историю свою от начала до конца. Ничего не скрыла посланница, кроме того только, что касалось её лесной матушки, ибо казалось девушке, что добрая подруга станет любить её ещё крепче, ежели она, Заряночка, не станет болтать о деде чашь всем и каждому.

И вот слушали Паладины, как рассказывала гостя свою историю голосом чистым и нежным, и великая любовь и жалость испытывали к бедной одинокой девушке. Особенно же заметно было, сколь растроганы рыцари, когда поведала Заряночка, как впервые натолкнулась на Посыльную Ладью и как ведьма мучила её ни в чём не повинное тело за этот проступок. Тогда Бодуэн погладил гостью по голове и молвил: «Бедное дитя, воистину много ты выстрадала! И скажу я, что ради нас и возлюбленных наших вынесла ты все муки неволи, и непосильный труд, и побои».

Хью же наклонился к Заряночке, что сидела, понутив голову, и поцеловал её в щеку, и молвил: «О да! И меня-то там не было, чтобы отсечь голову проклятой ведьме! И ничего-то я не знал о тебе и твоём горе, развлекаясь беспечно на привольных этих лугах». И покраснел он до ушей и едва не заплакал.

Артур же сидел неподвижно, уставив взор в землю и не говоря ни слова; и жалостно поглядела на него Заряночка, прежде чем продолжить рассказ. И повела она речь дальше, и поведала в подробностях всё, что случилось с нею по пути через озеро и на Острове Непрошеного Изобилия и на прочих Дивных Островах; и не сочла она за труд пересказать всё это во второй раз; рыцари же с превеликой охотой выслушали повесть снова.

Тем же вечером гуляла Заряночка в одиночестве в саду перед замком, и увидела она Артура: тот оглядывался по сторонам, словно высматривал кого-то; потому девушка выступила вперёд и спросила, не ищет ли он кого, и ответил Чёрный Оруженосец: «Тебя я ищу». Гостя не посмела спросить его, что тому угодно: дрожа, молча стояла Заряночка перед ним; но вот Артур взял её за руку и заговорил негромко, но пылко:

«После того, что поведала ты нам сегодня, кажется мне, что узнал я твою душу; и скажу тебе, что горько мне и больно покидать тебя, даже на минуту. Заклинаю тебя, посочувствуй мне в разлуке». С этими словами повернулся он и поспешил в замок. А Заряночка осталась стоять на месте: сердце её неистово колотилось, всё тело трепетало, и неведомая доселе блаженная радость охватила всё её существо. Но сказала себе девушка, что оно и неудивительно преисполниться такого счастья, ибо разве не убедилась она, что, вопреки всем опасениям, и этот славный рыцарь любит её не менее прочих. А затем проговорила Заряночка тихо, что и впрямь посочувствует ему в разлуке, да и себе тоже.

Тем не менее, когда они снова встретились, Артур Чёрный Оруженосец держался с гостей ровно так же, как и прежде; однако же девушка более о том не тревожилась, всецело ему доверяя.

Глава VIII

В преддверии отъезда Паладины охотно развлекают Заряночку воинскими забавами и состязаниями в доблести

Дни летели один за другим, и три Паладина делали всё, что могли, дабы скрасить Заряночке пребывание в замке. И они, и свита их показывали девушке воинское своё искусство и учтиво состязались друг с другом на ристалище; простые же воины стреляли перед нею из луков; но вот сама Заряночка, по просьбе друзей, взяла в руки лук, и оказалось, что бьёт она в цель точнее лучших из лучников и при этом почти не уступает им в силе, чему все весьма дивились и превозносили девушку до небес.

Затем юноши принялись состязаться перед нею в беге, победителю же обещаны были пояс и нож. По чести говоря, хорошо знала Заряночка, что если бы подобрала она юбки и выступила противу бегунов, то с лёгкостью отыграла бы приз; однако же не осмелилась девушка, ибо, живя в замке, среди новых своих друзей, она сделалась куда как застенчива и отказалась от привычек лесной жительницы.

Дважды Паладины выезжали вместе с нею из замка показать девушке охотничье своё искусство; однако же не могли они удалиться от замка на значительное расстояние из-за недобрых соседей, о которых поведал гостье капеллан в первую ночь её приезда.

Во время всех этих развлечений, какими бы они ни были, Заряночка веселилась от души, ничем не выдавая своих чувств, и гнала от себя печальные мысли о разлуке и об опасности, нависшей над дорогими её друзьями, что подступила уже совсем близко.

Что до помянутого капеллана по имени Леонард, с ним Заряночка встречалась нередко; и священник неизменно держался с гостьей смиренно и кротко; однако же в лице его ясно читались страдание и тревога; и не знала девушка, чем помочь ему, и старалась неизменно быть с Леонардом приветливой и учтивой; однако же несчастному так и не удавалось приободриться в ответ на её доброту.

Что до сэра Эймериса, седовласого кастеляна, и с ним сходилась девушка достаточно часто и не могла удержаться, чтобы не перекинуться с ним весёлыми шутками касательно первой их встречи, когда тот счёл скиталицу сушим кошмаром, хуже чумы; так насмеялась она над старым воином, ибо видела, что тому дружеские поддразнивания весьма по душе; хотя, по правде говоря, даже смеясь, кастелян поглядывал на гостью как-то удручённо. Расставаясь же с нею, сэр Эймерис всегда находил предлог, чтобы поцеловать девушке руку, и Заряночка позволяла ему это с улыбкой и была с ним любезна и весела, ибо видела, что кастелян весьма к ней расположен. Так проходили часы и дни.

Глава IX

Заряночка предстаёт перед Паладинами в новом своём наряде

И вот, наконец, одежды Заряночки были готовы; что до работниц, на время отъезда Паладинов они согласились остаться в замке, дабы прислуживать девушке.

И вот летним вечером, за час до заката, Заряночка облачилась в самый богатый из новых своих нарядов и сошла в зал, где собрались трое лордов и с ними сэр Эймерис. А оделась девушка так: на ней было зелёное платье с богато вышитыми рукавами, а поверх него – белая накидка, отороченная золотом и расшитая золотыми же нитями; золотые башмачки, отделанные кружевом, жемчугом и драгоценными камнями, украшали ножки, а голову венчал венок из роз; на шее у Заряночки красовалось ожерелье Золочёного Рыцаря, бёдра охватывал пояс Чёрного Оруженосца, а на запястье переливался старинный браслет Зелёного Рыцаря; а в руках несла она платье Авреи, и сорочку Виридис, и туфельки Атры.

И воистину показалось, что не закат наступил, но восход, как появилась девушка в зале, словно птица-зарянка: глаза её сияли, щёки разрумянились, а в лице отражалась сама любовь. Мужики тотчас же поднялись на ноги; и собрались уж было сойти с возвышения навстречу гостье, но посланница повелела им вернуться и не трогаться с мест, пока сама она не подойдёт к ним.

И вот Заряночка прошла через залу, и каждый шаг её казался милее предыдущего; и вот встала она перед рыцарями, и вручила каждому по талисману, и молвила: «Паладины, вот и исполнено моё поручение, и осталось мне только показать вам завтра, как управляться с Посыльной Ладьёй. И ничего более, кроме тьмы наступающей ночи, не отделяет вас от завершения Поисков; и не кто иной, как я, привела вас к этому и оказала вам эту услугу, даже ежели ничего доброго не суждено более совершить мне в жизни. Потому заклинаю вас всегда любить меня и всегда обо мне помнить».

Рыцари же не сводили с Заряночки глаз, столь глубокое впечатление произвели на них красота и прелесть девушки и великодушие и отвага её сердца. Затем поднялся Золочёный Рыцарь, известный нам Бодуэн, и снял с груди крест, и поднял его над головою, и молвил: «Дева, хорошо ты сказала; никогда не позабудем мы о тебе и любить никогда не перестанем; здесь клянусь я Распятым на Кресте Спасителем, что охотно приму смерть ради тебя, коли окажешься ты в беде. Братья, разве не поклянёсь вы в том же? Тем самым мы только отдаём тебе должное, о дева, ибо скажу я тебе, что, как вступила ты сейчас в зал, показалось, словно солнце небес снизошло к нам».

Тогда и прочие двое взяли в руки Распятие и поклялись на нём; и, принеся клятву, Хью примолк, погрузнел и притих; а Артур Чёрный Оруженосец понурил голову и разрыдался; и соратники его ничуть тому не дивились, равно как и Заряночка; и каждая клеточка её тела рвалась к нему, дабы утешить.

Тут повернулся сэр Бодуэн к кастеляну и молвил: «Сэр Эймерис, теперь заставляю я и тебя дать обет беречь эту деву как зеницу ока, пока нас троих не будет, и не щадить в том ни себя, ни других. Ибо сам видишь, сколь горько нам придётся, случись с нею что недоброе».

«И я огорчусь не менее», – отвечал кастелян. Тут он тоже поклялся на Распятии, а затем обошёл стол кругом, опустился на колени перед Заряночкой и расцеловал ей руки.

После того все они помолчали недолго; а затем Заряночка обошла стол с другой стороны и уселась промеж Бодуэна и Хью. Тут заговорил Чёрный Оруженосец и молвил: «Заряночка, нежное дитя, одно остаётся сказать, а именно, лучше бы тебе не покидать этих стен, покуда нас не будет; или, по крайней мере, не отходить далеко от замка, и уж во всяком случае никак не далее половины полёта стрелы, разве что в сопровождении вооружённых воинов. Ибо немало в окрестностях лиходеев, грабителей и разбойников, что порадуются возможности отнять у нас то, что нам дорого; не говоря уже и о прочих, что сочтут покражу подобной драгоценности воистину редкостною удачей. Сэр Эймерис, остерегайся Красного Рыцаря; и ежели случится тебе нанять ещё нескольких крепких парней, оно было бы неплохо».

Заряночка же не услышала, что ответил на это кастелян, столь неистово забилося сердце девушки от безудержной радости, ибо дорогой друг произнёс её имя так, как никогда не произносил прежде, и притом перед всеми. Заряночка пробормотала слова согласия в ответ на упреждения Артура, а затем примолкла, наслаждаясь отрадным мгновением.

Так сидели они, разговаривая, и коротали время за учтивой и приятной беседой; и Хью принялся расспрашивать девушку о жизни её в Обители у Леса, и Заряночка отвечала чисто-сердечно и просто, и чем более рассказывала, тем милее казалась трём Паладинам.

Тем временем настал вечер, и в залу стал толпами стекаться народ; ибо непременно полагалось устроить пир и празднество, дабы положить доброе начало Походу в залог его успеха; и по большей части пирующие веселились от души; однако все три Паладина держались чуть отчуждённо; и серьёзны, и торжественны были их лица. Что до Заряночки, перед всеми этими людьми, что любили её и превозносили до небес, она старалась казаться радостной и безмятежной; однако в сердце девушки уже воцарилась скорбь.

Глава X

Паладины отправляются в путь в Посыльной Ладье

На следующий день с восходом солнца три Паладина сошли к причалу, в полном одиночестве и без спутников; ибо рыцари загодя повелели, чтобы никто не смел вмешиваться в их дела. И вот спускается к ним Заряночка, однако не разряженная, как давеча, но одетая в строгое чёрное платье и необутая; и выглядела она не более удручённой, нежели было на самом деле.

По совету Заряночки Паладины своими руками снесли в чёлн снедь, и оружие, и доспехи – всё необходимое в дорогу; ибо не знала девушка, а не станет ли возражать Посыль-

ная Ладья, ежели прикоснётся к ней кто-либо иной, кроме посланников. Когда же с погрузкой было покончено, тогда все четверо встали у кромки воды, и Заряночка обратилась к друзьям и снова наказала остерегаться коварства Острова, На Котором Царит Ничто; и снова поведала им о скорбных видениях Острова Королей и Острова Королев и о чудных обитателях Острова Юных и Старых. Затем молвила она: «А теперь скажите мне, что, по-вашему, намерены вы делать, оказавшись на Острове Непрошеного Изобилия?» Отвечал Зелёный Рыцарь: «Кабы моя воля, так мы направились бы прямоком к ведьме, что восседает в своих хоробах, как ты рассказала нам, дорогая, и тут же отсекли бы ей голову». Глаза его вспыхнули, брови сошлись, и такой свирепый сделался у юноши вид, что отпрянула от него Заряночка; но Чёрный Оруженосец улыбнулся и проговорил: «До отрубания голов дело в итоге, может, и дойдёт; однако же надо бы нам произвести сию разделку туши таким манером, чтобы помогло нам это освободить наших подруг; иначе ведьма, чего доброго, умрёт и унесёт с собою в могилу секрет темницы. Что скажешь, милая Заряночка?»

От ласкового его голоса девушка зарумянилась и молвила: «Мой совет вам таков: следует вам искать и найти любезных своих собеседниц, прежде чем вы объявите открытую войну ведьме; иначе в жестокости своей колдунья уничтожит пленниц прежде, чем вы покончите с нею». Закрасневшись же ещё больше, прибавила Заряночка: «И полагаю я, что, когда отыщете вы своих возлюбленных, лучший совет во всём и всегда сможет дать вам Атра; ибо она знает об острове и его ловушках куда более прочих».

Отозвался Бодуэн: «Мудры твои речи, о нежная дева, для создания столь бесхитростного; мы последуем твоему совету, насколько сможем; а уж как всё сложится, только время покажет. Теперь же наступает миг прощания и разлуки».

Тут Золочёный Рыцарь подошёл к Заряночке, и обхватил ладонями её голову, и повернул к себе лицом, и расцеловал девушку по-доброму, как отец целует дочь, и сказал: «До свидания, милое дитя; помни о том, что сказал Артур давеча, и не отходи от замка даже на несколько шагов, кроме как в сопровождении надёжного и преданного эскорта».

Затем подошёл к ней Хью и не без робости взял Заряночку за руку; она же доверчиво и просто подставила ему лицо, и Зелёный Рыцарь расцеловал девушку в обе щёки и сказал только: «До свидания, Заряночка!»

Последним приблизился к Заряночке Артур и постоял перед нею недолго, а затем опустился перед девушкой на колени прямо на камни и расцеловал её ножки бессчётное количество раз, Заряночка же затрепетала и затаила дыхание, ощущая его поцелуи; но ни она, ни он не произнесли ни слова, и встал Чёрный Оруженосец, и тотчас же направился к Посыльной Ладье, и первым из трёх поднялся на борт; спутники же Артура немедленно последовали за ним.

Затем Паладины обнажили руки, и отворили кровь, и собрали её в чашу, и обагрили нос и корму барки, а затем все трое проговорили заклинание так, как научила их Заряночка:

Алого вуронова вина
Нос и корма испили сполна;
Так очнись и пробудись,
И в путь привычный устремись!
Путь Странников лёг за озёрные дали,
Ибо волю Посланников с кровью смешали.

И всё случилось ровно так же, как прежде; Посыльная Ладья встрепенулась, развернулась носом к северу и стрелой понеслась над водою. День стоял погожий и солнечный, на небе не было ни облачка, и только вдалеке над озером дрожала знойная дымка. Заряночка стояла и глядела вслед уплывающему чёлну, пока вовсе не потеряла его из виду и крохотная чёрная точка не растаяла за горизонтом. Затем поворотилась девушка и направилась в свои покои,

говоря себе, что час расставания оказался не в пример легче, нежели предполагала она, и что немало дел предстоит ей сегодня. Но вот Заряночка вернулась в спальню, и притворила дверь, и огляделась вокруг, подмечая вещи, с коими столь сроднилась за последние несколько дней. Там застыла девушка, глядя на яркие лучи, что полосами ложились на пол и согревали ей ножки; затем сделала она три шага к окну и поглядела на переливающееся под солнцем озеро; и оборвалось у неё сердце, и не нашлось у неё сил даже помыслить о своём горе и поискать утешения, но там же, где стояла, рухнула она на пол в глубоком обмороке и осталась лежать неподвижно, в то время как мало-помалу дом пробуждался и вокруг неё закипала привычная жизнь.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ КНИГИ «ВОДЫ ДИВНЫХ ОСТРОВОВ», ПОСВЯЩЁННАЯ ЗАМКУ ОБЕТА, И ЗДЕСЬ ЖЕ НАЧИНАЕТСЯ ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ ПОМЯНУТОЙ ИСТОРИИ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ДНЯХ ОЖИДАНИЯ.

Часть четвёртая О днях ожидания

Глава I О горе Заряночки и о капеллане по имени Леонард

И вот пришла Заряночка в себя, но мало тому порадовалась; ещё некоторое время лежала она на полу неподвижно, ибо глубокое отвращение внушало ей ближайшее будущее. Затем девушка стряхнула с себя оцепенение и, не желая, чтобы так застали её прислужницы, поднялась на ноги и оделась более подобающим образом; однако же в чёрные одежды облачилась она и порешила про себя, что ничего не станет носить, кроме чёрного, безо всяких украшений, платья, пока друзья её не вернутся.

Затем Заряночка отправилась в залу, где расположились её прислужницы, и некоторое время молча наблюдала за тем, как они работают. Затем спустилась она в сад и принялась расхаживать по огороженной плетнём аллее взад и вперёд, не сдерживая горьких слёз. Затем вернулась она в замок, и выскользнула за ворота, и прошлась немного по лугу, и вполне могла бы удалиться от замка гораздо дальше, чем позволяла осторожность. Но кастелян углядел девушку из окна, поспешно выбежал вслед за нею и, бессчётное количество раз прося прощения, вернул Заряночку назад. Всю дорогу сэр Эймерис говорил, не умолкая, но так и не добился от своей подопечной ни слова; когда же вошёл кастелян в зал вместе с нею и по привычке опустился на колени, дабы расцеловать девушке кончики пальцев, та раздражённо отняла руки, в чём впоследствии раскаялась.

Долго сидела Заряночка в зале, неподвижно, словно статуя, и вот, наконец, слышала, как кто-то вошёл, раздвинув занавес, и ло! – то был капеллан Леонард. Священник приблизился к ней с видом весьма удручённым, и жалость к нему охватила девушку, и вспомнила Заряночка, как впервые вышли они за ворота вместе, и при этой мысли слёзы снова хлынули из глаз бедняжки, но она жестом велела гостю сесть подле, что тот и сделал. Совладав же с рыданиями, Заряночка поглядела на капеллана приветливо, и тот попытался занять её беседою, делая вид, что не замечает ни слёз, ни горя девушки; и Заряночка отвечала ему односложно, ибо стыдилась заводить разговор касательно Паладинов и их Похода и отъезда; однако же ни о чём другом говорить не могла. Но вот капеллан направил беседу в нужное русло и спросил девушку, как долго, по её мнению, продлится Поход, и ответила она, благодарно улынувшись гостю и посчитав дни по пальцам: «Если всё сложится хорошо и даже лучше, через десять дней возвратятся наши друзья». Отозвался капеллан: «Большинству людей доводилось в жизни ждать куда дольше». – «О да, – отвечала Заряночка, – но десять дней – это в лучшем случае; возможно, что Поход займёт гораздо больше времени; ибо разве ведомо нам, как всё сложится?»

«Верно, – откликнулся Леонард, – так, стало быть, скажем мы, двадцать дней или все тридцать? Воистину, время это покажется тебе долгим, хотя кое-кому приходится жить надеждою, исполнение которой отложено на куда более далёкий срок. Однако может статься, ожидание твоё продлится и долее тридцати дней, вот оно как».

На это Заряночка промолчала, и молвил священник: «Коли заскучаешь ты и не найдёшь, чем себя занять, и придёт тебе на ум выехать из замка, я всегда готов проводить тебя. По чести говоря, знаю я, что кастелян не захочет тебя отпускать; однако же он стар, строг и упрям; и, тем не менее, даже ему отлично ведомо, равно как и всем нам, что нет никакой или почти никакой опасности в том, чтобы отъехать от замка, скажем, миль на пять или далее, ибо последние

пять дней мы, по сути дела, со всеми живём в мире, кроме Красного Рыцаря*; а про него нам известно, что отбыл он в чужие края со всеми своими людьми кроме тех, кого оставил охранять свою крепость».

«Благодарю тебя, – отвечала Заряночка, – однако похоже на то, что не захочется мне выезжать за ворота, пока не вернутся домой Паладины. Даже сейчас порадовалась я, когда кастелян вернул меня в замок; по чести говоря, как раз перед тем, как сэр Эймерис нагнал меня, сердце моё сжалось от страха, и убоялась я сама не знаю чего».

Нежданный ответ девушки, похоже, отчасти огорчил священника. Немногое добавил он к уже сказанному и в скором времени поднялся на ноги, поклонился и ушёл.

Глава II

Заряночка перенимает книжную премудрость священника. Минуют десять дней ожидания

Прошёл этот день, а за ним и следующий, и Заряночка стала заговаривать со своими прислужницами, из коих осталось при ней только пять; четыре из них были совсем молоды, самой старшей едва исполнилось тридцать; пятой же, мудрой и доброй, перевалило за шестьдесят. Все они, в ответ на расспросы Заряночки, рассказывали девушке про своё собственное житьё-бытьё; а некоторые при этом заводили речь и об иных людях: кого-то знавали они сами, о ком-то слыхали от других. Весьма радовали Заряночку эти беседы: так узнавала она больше об обычаях мира и, будучи смышлёной, быстро постигала урок, так что не приходилось ей переспрашивать о чём-то дважды.

Более того, вновь занялась она вышиванием и принялась работать над парой красивых башмачков для Атры, ибо те, что были доверены ей, Заряночка порядком поизносила. И дивились женщины искусству Заряночки в обращении с иглой, и изящности её рукоделия, и быстроте, с которой возникали чудные узоры: цветы и деревья, птицы и звери, – и говорили они, что, должно быть, рукоделию учила её не иначе, как дева народа Фаэри. В ответ Заряночка лишь улыбалась смущённо, думая о своей лесной матушке; и, запертая в четырёх стенах, затосковала она о дубовых прогалинах и лесных полянах и по тамошнему зверью.

И снова сошлась Заряночка со священником Леонардом, и тот спросил девушку, умеет ли она читать по книге, и, когда Заряночка созналась, что нет, капеллан вызвался обучить её этой премудрости, и Заряночка с радостью согласилась, и после того всякий день проводила с ним немало времени; способной ученицей оказалась Заряночка, а Леонард – недурным учителем, и быстро выучила девушка алфавит.

И вот наступил девятый день с тех пор, как уехали Паладины, и за всё это время Заряночка так ни разу и не вышла за ворота; и спустя первые два дня заставила себя заняться делом и заполнить часы работой, как сказано выше; но в тот последний день всё валилось у бедняжки из рук, ибо Заряночка твёрдо была уверена, что завтра возвратятся рыцари; более того, девушка надеялась, что, может статься, приедут они уже ночью; потому, ложась спать, Заряночка вознамерилась бодрствовать по возможности, хотя и устала весьма, и уснула только на рассвете.

Спустя часа три она проснулась и услышала в замке голоса и шум и бряцание оружия, и сердце Заряночки встрепенулось, и сказала она себе: «Приехали, приехали!» Однако же девушка не посмела встать с постели, чтобы не обмануться в надежде, и полежала, не закрывая глаз, ещё с час, однако же никто так и не явился к ней с добрыми вестями; и разрыдалась она, и в слезах уснула; когда же пробудилась снова, то обнаружила, что, должно быть, плакала во сне, ибо подушка у самого лица её намочила от слёз.

К этому времени солнце поднялось уже высоко; лучи отражались от водной глади и, подрагивая, сияли на стене спальни, окно которой выходило на озеро. Тут чья-то рука взялась

за щеколду, и вздрогнула Заряночка, и заняло у неё сердце; и отворилась дверь, и вошла одна из прислужниц, и Заряночка уселась на постели и промолвила слабым голосом, ибо слова не шли у неё с языка: «Есть ли вести, Кэтрин?» Отвечала прислужница: «О да, госпожа; спозаранку на рассвете явились к воротам вооружённые люди, предлагая продать нам мясные туши, и господину моему сэру Эймерису всенепременно понадобилось выйти да поторговаться с ними; хотя, по всей видимости, люди эти грабежом промыслили то, что не принадлежало ни нам, ни им, ни соседям. Впрочем, может статься, сэр Эймерис желал откупить у них в придачу к говядине ещё и вести. Как бы то ни было, люди эти ушли, получив свои деньги и осушив по чаше. Теперь же поговаривают вот что: Красный Рыцарь ранен был в какой-то драке и не встаёт с постели; потому на время здешние края вздохнут спокойно». Отозвалась Заряночка: «Спасибо, милая Кэтрин; я полежу ещё немного, а ты ступай».

Прислужница ушла своим путём и едва переступила порог, как Заряночка принялась рыдать и плакать, и метаться на постели, не видя утешения своему горю. Затем встала она, и принялась расхаживать по комнате, и поглядела из окна на пустынную водную гладь, и зарыдала снова. Затем сказала девушка: «Однако же, кто знает, не вернутся ли они ещё до полудня или, может статься, к вечеру, а то и завтра утром». Тут Заряночка уняла слёзы и успокоилась немного. Однако же по-прежнему ходила она взад и вперёд, то и дело останавливаясь у окна, а порою окидывала она взором руки свои и ноги, и ощущала под рукою, сколь нежна её кожа, и восклицала: «О, тело моё! Как ты страдаешь!»

Но вот, наконец, Заряночка торопливо оделась и украдкой вышла из комнаты, словно бы опасаясь встретить кого бы то ни было, и поднялась на самую вершину ближней башни, и поглядела сквозь дверной проём на свинцовую крышу, и никого там не усмотрела; потому вышла она, и замерла у зубчатой стены, и долго глядела на воду, но так и не увидела ни ладьи, ни, скажем, охваченной пламенем горы.

Глава III

А теперь Заряночке запало в голову выехать из замка

Спустя какое-то время Заряночка снова спустилась вниз, и отправилась к своим женщинам, и некоторое время работала вместе с ними, и так провела томительные два часа. Затем она послала за священником и занялась с ним книжной премудростью; за уроком прошло ещё часа два, после чего девушка повелела капеллану взяться за дело, не откладывая, и наставить её и письму тоже, и тот нимало не возражал; по чести говоря, сэр Леонард сам давно хотел просить её о том же, да только не смел. Ибо за обучением письму пришлось бы священнику по необходимости сидеть с Заряночкой бок о бок и следить за рукою девушки и за тем, как пальцы её старательно выводят буквы; более того, привелось бы ему порою касаться её руки своей рукою и направлять её. Потому теперь сэр Леонард посулил себе, что вкусит райского блаженства. А надо сказать, что капеллан вполне годился в наставники, ибо по праву считался одним из лучших писцов и притом обладал превосходным почерком.

Итак, приступили они к уроку, и девушка с жаром взялась за дело; быстро постигала она и эту премудрость и от работы не отлынивала, в то время как душа учителя изнывала от любви к ней. Так миновало ещё три часа, затем вдруг Заряночка устало подняла взгляд от стола, и вновь охватили девушку тревога и беспокойство и тоска о любезном ей собеседнике, и отпустила она священника на этот день, позволив поцеловать себе руку в качестве платы.

День уже клонился к вечеру; и поспешила Заряночка на вершину башни, и долго пробыла там, глядя на воду, пока не стало смеркаться, а затем печально спустилась вниз и отправилась к своим женщинам.

Следующий день оказался во всём похож на предыдущий; ничего примечательного не случилось, и Заряночка проводила время, то поднимаясь на башню и оглядывая озеро, то

вышивая со своими прислужницами, то постигая книжную премудрость вместе с сэром Леонардом, но неизменно болело её сердце от тоски.

На третий день Заряночка надумала переговорить с кастеляном, и призвала его к себе, и спросила, что тот думает по поводу столь долгого отсутствия благородных лордов. Отвечал седовласый воин: «Госпожа моя, к чему дивиться, ежели и задержались они на несколько дней, ибо ведь отправились они на приключение, а в историях такого рода много чего случается. Теперь же, заклинаю тебя, перестань терзаться, ибо не настало ещё время даже заподозрить, что, может статься, не всё сложилось ладно».

Слова кастеляна весьма утешили девушку в ту пору, ибо понимала она: сэр Эймерис говорит чистую правду; засим поблагодарила Заряночка старика и улыбнулась ему приветливо, и он возликовал и собрался уже опуститься на колени и, по обычаю своему, расцеловать девушке руки; но она, снова улыбнувшись, удержала кастеляна, говоря: «Не сейчас, милый друг; это при расставании; у меня же есть ещё что сказать тебе, а именно: запало мне в голову выехать за ворота; это бы меня утешило и помогло терпеливо дожидаться возвращения друзей. Ибо должно тебе узнать, сэр Эймерис, что выросла я среди лесов и полей, под палящим солнцем, под порывами ветра; и теперь, лишённая всего этого по большей части, я бледнею и чахну. Ты ведь не захочешь, чтобы заболела я, находясь на твоём попечении, ведь так?»

«Разумеется, нет, госпожа, – отвечал сэр Эймерис, – сегодня же я выведу тебя за ворота; и два десятка вооружённых людей или даже более поедут с нами, чтобы беды не случилось». Отвечала Заряночка, хмуря бровь: «Нет, рыцарь, мне не нужны твои воины; я бы предпочла отправиться в путь одна, свободная, как ветер. Ибо разве не слышал ты, что Красный Рыцарь ранен и не встаёт с постели? Так в чем же опасность?» Отвечал сэр Эймерис: «Так, госпожа; но Красный Рыцарь не единственный недруг, хотя и худший из всех; и очень может статься, что слухи лгут, ибо помянутый враг весьма и весьма коварен. И вот ещё о чём подумай, добрая госпожа: к нынешнему дню он, по всей вероятности, уже прослышал, что в смиренном моём замке хранится великая драгоценность, бесценная жемчужина, равных которой не сыскать во всём мире, и задумал похитить её, ежели удастся».

Рассмеялась Заряночка и ответствовала: «А что, коли жемчужина эта наделена свободою волей, и есть у неё в придачу и руки и ноги, и готова она бросить вызов опасности и переступить порог крепости, ежели придёт ей такое в голову? Как поступишь ты в таком случае, о лорд?» – «В таком случае, – отвечал кастелян, – я верну тебя в замок, и хотя огорчит меня это несказанно, прикажу привести тебя силой, ежели ничто другое не поможет. Ибо к тому понуждает меня клятва, принесённая мною господам моим и повелителям».

Снова рассмеялась Заряночка и молвила: «Вы только послушайте, к чему ведут вставание на колени да целование рук! Потрудись-ка вспомнить, прекрасный сэр, как некогда желал ты выставить меня за ворота, хочу я этого или нет; а ныне, хочу я того, нет ли, желаешь удержать меня в стенах замка; вот как время-то переменялось и, может статься, переменится снова. Но скажи вот что: госпожа ли я над моими женщинами и могу ли приказывать им, что захочу?» – «Разумеется, – отвечал сэр Эймерис, – как и любому из нас». Молвила Заряночка: «Так ежели повелю я двоим или троим прислужницам отправиться вместе со мною поразвешаться на луга и в леса, до куда полдня пути, что тогда?» – «В таком случае и только в таком, – отвечал сэр Эймерис, – мне придётся приказывать этим женщинам послушаться госпожу». Отозвалась Заряночка: «А ежели тебе они не повинуются, а повинуются мне?» Отвечал сэр Эймерис: «Ежели приведут они тебя назад в целости и сохранности, вероятнее всего придётся им запеть под лозовым смычком, дабы остереглись на будущее от подобных безрассудств; но ежели вернуться они без тебя, клянусь всеми святыми, что буря гнева всенепременно снесёт их головы с плеч!»

При этих словах Заряночка вспыхнула и помолчала немного; а затем молвила, снова принимая приветливый вид: «Суровый из тебя господин, лорд кастелян, однако вынуждена я тебе повиноваться. Засим исполню я твою волю и выеду за ворота так, чтобы нагнать страху

на окрестности целой армией, раз уж никак иначе не дано мне полюбоваться летней землёю. Однако же сегодня не поеду я, да и завтра вряд ли; но как-нибудь вскорости. И от всего сердца благодарю тебя за ревностную обо мне заботу, каковой, к прискорбию моему, я вовсе не стою. Нет, нет, не тебе пристало стоять предо мною на коленях, но мне перед тобою; ибо ты здесь хозяин».

С этими словами Заряночка поднялась на ноги с того места, где сидела, и опустилась перед кастеляном на колени, и поцеловала ему руку, и ушла своим путём, оставив старика в смятении и восторге. Насмехаться же над ним Заряночка и не думала, но почитала сэра Эймёриса рыцарем отважным, великодушным и верным, что соответствовало истине; и благодарила его в душе ровно так же, как и на словах.

Глава IV

О том, как Заряночка выехала из замка

И в самом деле мечтала Заряночка вырваться за ворота на любых условиях и порадоваться лету; ибо теперь начинала она понимать, что, видимо, долго придётся ей прождать, прежде чем друзья её возвратятся в Замок Обета; и негодовала девушка сама на себя, что так истомилась от тоски, и упрекала себя, приговаривая: «Где же ныне та Заряночка, для которой дня не проходило, чтобы не порадовалась она земле и земным созданиям? Та, что с лёгкостью сносила подневольный труд, и насмешки, и брань, и побои? Ну не досадное ли это безрассудство? Воистину куда хуже приходится мне с тех пор, как подружилась я с нежными леди и благородными паладинами и могучими воинами. Не лучше ли бы мне было оставаться во власти ведьмы? Ибо отнюдь не каждый день, а очень даже редко мучила она меня. Теперь же на протяжении многих дней час за часом терзают меня боль, и горе, и сердечная тоска; и всякий день страшусь я наступления дня следующего и просто не знаю, как всё это вынести».

Так увещевала себя Заряночка, и приободрилась со временем, и с жаром принялась перенимать книжную премудрость; девушка собралась с мыслями, и более не ждала всякий день и час возвращения Паладинов, и не проклинала всякий день и час за то, что не приносили они желаемого, и всеми способами старалась дотянуть до вечера, не терзая себя попусту.

Потому весьма порадовалась Заряночка, когда однажды, спустя три недели со дня отъезда Паладинов, пришёл к ней кастелян и сказал: «Госпожа, в течение последних двух дней люди мои по моему приказу разведывали окрестности, и сообщают они, будто бы ничего живого нет вокруг, чего бы устрашились десятка два хорошо вооружённых воинов; потому завтра, ежели пожелаешь, мы вывезем тебя за ворота и, дабы доставить тебе удовольствие, не станем торопиться назад, но, может статься, проведём ночь в лесу и вернёмся себе не спеша завтрашним днём дня завтрашнего. Что скажешь на это и какова будет твоя воля?»

Девушка поблагодарила кастеляна и охотно согласилась, и на следующее утро отряд выехал в путь; Заряночка взяла с собою троих прислужниц, и ещё были при них выючные лошади и шатры для Заряночки и её женщин.

Так ехали они тенистыми тропами и зелёными лугами, и погода стояла ясная, ибо июль только что наступил, и всё вокруг дивило красотой; и на время Заряночка позабыла обо всех своих заботах, и веселилась от души, и говорлива была и мила; и все тому радовались, ибо в Замке Обета все любили девушку, кроме тех одного-двух, что любили её чересчур сильно.

Так проехали всадники двенадцать миль или около того, а затем добрались, как и собирались, до окраин леса, где в изобилии водились олени, и там устроили большую охоту, и Заряночка тоже в стороне не осталась, и все хвалили её охотничье искусство, хотя, по чести говоря, по её вине одна-две головы остались гулять на свободе и не достались стреле, потому что среди охотников-мужей кое-кто находил, что на Заряночку глядеть куда приятнее, нежели высматривать дичь.

Как бы то ни было, добыли они и оленей, и ланей, и прочего лесного зверя, сколько хотели; часть предназначалась на ужин, а остальное предполагалось увезти в замок. Когда же за вечерело, охотники расположились на красивой лесной поляне; неподалёку струился прозрачный ручей, и на берегу его разбили шатры для дам; и Заряночка и её прислужницы спустились к воде и смыли с себя усталость; и дивились женщины тому, как ловко Заряночка плавает; ибо купались они в средних размеров заводи, где поток расширился, так что места для девушки оказалось достаточно.

К тому времени как дамы искупались и снова облачились в нарядные одежды, привезённые с собою среди прочей поклажи, мужи разожгли костры и принялись жарить оленину, и вскоре пошёл в лесу пир на весь мир, и подавалось там доброе вино, и велись отрадные речи, и рассказывались сказки, и пелись песни; и, наконец, когда ночь уже близилась к концу и над луговыми просторами небо на востоке посветлело, Заряночка и её прислужницы ушли на покой в свои роскошные шатры, а мужи расположились на зелёном дёрне прямо под открытым небом.

Глава V

Сэр Эймерис показывает Заряночке далёкие горы

Попутру все пробудились: день выдался такой же погожий, как и накануне, и люд радовался и веселился не менее – все, кроме Заряночки; Заряночка же казалась удручённой и молчаливой, даже когда вышла из прохладной заводи в благоухание летнего леса. В ту ночь снилось бедняжке, будто осталась она в Замке Обета одна-одинёшенька, и вот прежняя её госпожа выходит к ней из Посыльной Лады, чтобы увезти пленницу с собою, и приводит её на борт, и срывает с неё богатые наряды, и сидит, глядя на неё и строя отвратительные гримасы; и казалось девушке, что та знает: все друзья Заряночки умерли, и некому ни пожалеть, ни защитить её. Затем вдруг каким-то образом оказались они вдвоём, Заряночка и ведьма, посреди Острова, Где Царило Ничто, и ведьма подступила к ней вплотную и собралась уже было прошептать ей на ухо нечто неизмеримо страшное, – и тут девушка проснулась. За пределами затённого белого шатра ярко светило солнце; блики листвы подрагивали на земле; утренний ветер шелестел в кронах деревьев, а неподалёку звенел ручей. Поначалу обрадовалась Заряночка, что пробудилась и что всё это оказалось только сном; но тотчас же тоска сдавила ей сердце, и сказала себе девушка, что, уж верно, в замке поджидают их новые вести, и по возвращении узнает она: либо друзья её погибли, либо возвратились живые и здоровые. А затем подумала про себя Заряночка: а ежели три Паладина и их дамы и впрямь умерли, что делать ей с теми, кто остался с ней, с сэром Эймерисом, и священником Леонардом, и пятью прислужницами? И душа девушки преисполнилась отвращения при мысли о жизни столь пустой и бессмысленной, как та, что предстояла ей; и упрекнула себя Заряночка за то, что так мало в ней дружеского расположения к друзьям меньшего ранга, коих, по чести говоря, любила она во имя любви к друзьям более значимым. Засим, как сказано выше, Заряночка казалась встревоженной и молчаливой и не разделяла всеобщего ликования.

Это заметил сэр Эймерис; и, когда люди утолили голод и направились было к коням, он подошёл к девушке и молвил: «Леди, день ещё только начался, и ежели мы поедем ведомым мне кружным путём, полюбуемся мы на места для тебя новые и, может статься, чего чудное встретим и, тем не менее, вернёмся домой вовремя. Не хочешь ли?»

Заряночка всё ещё была до крайности расстроена, но не знала, как отказать кастеляну, хотя в душе скорее предпочла бы вернуться в замок короткой дорогой. Засим подвели к девушке её верховую лошадку, и отряд двинулся в путь; и сэр Эймерис неизменно держался подле своей подопечной. И в самом деле, по красивым местам проезжали они, и всё вокруг

ликовало и пело, так что мало-помалу Заряночка снова приободрилась, насколько могла, и изо всех сил старалась казаться весёлой и беспечной.

И вот проехали всадники не спеша и чинно через чащу, и рощу, и лесную поляну, следуя по большей части помянутому ручью; и вот, наконец, деревья перед ними вдруг расступились, и отряд оказался на широкой зелёной равнине, нимало не застроенной, насколько хватало глаз, а за равниной поднималась гряда холмов, а над холмами синели высокие горы.

Когда же увидела Заряночка это невиданное доселе чудо, тревогу её и тоску как рукой сняло; она уронила поводья, и захлопала в ладоши, и воскликнула: «О, как ты прекрасна, земля, до чего ты прекрасна!» И застыла она в седле, не сводя с гор зачарованного взгляда, а седовласый кастелян улыбался девушке, радуясь её восторгу.

Спустя какое-то время сказала она: «А нельзя ли нам подъехать ближе?» – «Всенеменно, – отвечал сэр Эймерис, – только сомневаюсь, что на близком расстоянии горы придутся тебе по душе ещё больше». – «Ах! – отозвалась Заряночка. – Кабы оказаться мне только среди них и сродниться с ними, как некогда сроднилась я с лесной стороной».

Засим отряд поскакал по несжатому лугу в сторону холмов; и видели там люди оленя и лань, и одичавших коров, и мелкого зверья в изобилии, домашнего же скота вовсе не встретили; и холмы поднимались перед ними стеною. Приблизившись, увидели всадники, что помянутую стену холмов пересекает узкая, с отвесными склонами долина, что наискось врежется в скалы; помянутая долина почти не поросла травой, а голый камень отливал чёрным, словно вороново крыло. Когда же проехали странники чуть вперёд, они заметили, что у самого подножия холмов земля поднимается грядами и буграми, однако у входа в долину бугров не так много и не так высоки они. Очень скоро отряд натолкнулся на ручей, что выбегал из помянутой лощины, и сказал сэр Эймерис, что это – тот же самый поток, у вод которого охотники разбили лагерь прошлой ночью; хотя здесь он был совсем узок.

И вот, проехав по равнине ещё миль пять, всадники оказались среди бугров у входа в долину, и сэр Эймерис поднялся вместе с Заряночкой на вершину самого высокого из них: оттуда смогли они заглянуть в ущелье и проследить, как, петляя, уводит оно вверх, в сторону гор, словно угрюмая улица; ибо не только травы в нём почти не росло, но ни деревьев, ни кустов не встречалось. Более того, на дне лощины тут и там громоздились огромные камни; могло показаться, будто некогда установили их в определённом порядке; тем более что эти валуны были не чёрными, как скалистые склоны, но тускло-серыми, так что походили на пасущихся в долине огромных овец, собственность легендарных великанов.

Тут заговорила Заряночка: «Воистину, сэр рыцарь, правду сказал ты, что увижу я много чего нового и необычного. Но нельзя ли нам сегодня хоть чуть-чуть углубиться в эту лощину?» – «Нет, госпожа, – отвечал сэр Эймерис, – ни сегодня, ни в другой день без нужды не станем мы этого делать; и ближе к ней не подъедем, чем сейчас». – «Почему нет? – спросила Заряночка. – Кажется мне, что это – врата гор, а в горах весьма хотелось бы мне оказаться».

«Госпожа, – отвечал кастелян, – чересчур опасно въезжать в эту долину, что, как ты верно говоришь, является вратами гор. Ибо помянутое ущелье, прозванное Чёрной Долиной Серых Овнов, пользуется дурною славой, и говорят, что таится в нём всякая нежить, противу которой наши вооружённые воины бессильны. А ежели кто и ускользнёт от призраков, и пробьётся сквозь врата, и поднимется в скалы, – водятся ли в горной стране такого рода демоны и неведомые твари, я не ведаю, однако же досконально известно, что живут там свирепые дикари, с демонами весьма схожие и к мирной жизни не склонные, и убивают они всякого, кто окажется у них на пути, – разве что их удастся убить раньше».

«Ну что ж, – отвечала Заряночка, – значит, сегодня, по крайней мере, мы в лощину не спустимся, но не знаешь ли ты каких-либо преданий об этих диких местах?» – «Немало доводилось мне слышать, – отвечал кастелян, – да только менестрель из меня никудышный, и только испорчу я легенды пересказом. Порасспроси-ка о том сэра Леонарда, нашего священника, он

об этих краях знает куда больше других и говорить умеет красно, так что расскажет – лучше некуда».

На то Заряночка ничего не ответила; она поворотила коня и поскакала вниз с бугра; и возвратились кастелян и его подопечная к отряду, и все вместе двинулись к Замку Обета.

На обратном пути ничего ровным счётом не произошло; однако чем ближе подъезжал отряд к замку, тем задумчивее становилась Заряночка, и хотя и скрывала это, но, оказавшись у самых ворот, едва не потеряла голову; мысли её были в смятении, ибо надеялась девушка, что навстречу им выбежит кто-нибудь с криком: «Вести, вести! Приехали, приехали!»

Но ничего подобного не произошло; и на возвращение Паладинов приходилось уповать не более, чем, скажем, на Судный день. Вскоре после того, как всадники оказались в воротах, настала ночь; и Заряночка устало поднялась в свои покои и легла в постель, и настолько утомилась она за день, что тотчас же уснула крепким, без сновидений, сном.

Глава VI

Заряночка выслушивает повесть о Чёрной Долине Серых Овнов

На следующий день на сердце у Заряночки сделалось тяжелее, чем прежде, и измучилась она в ожидании вестей; и недоумевала девушка, как это удавалось ей так веселиться в лесу накануне. Однако же немало размышляла она о Долине Серых Овнов и спустя некоторое время обрела в том хоть какое-то утешение, ибо безмерно хотелось Заряночке оказаться там, а, как говорится, клин клином вышибают. Засим поутру, когда подошёл к концу урок её со священником Леонардом, девушка завела с наставником речь о долине и повторила слова сэра Эймериса касательно того, что он, сэр Леонард, якобы весьма сведущ касательно тамошних мест; и спросила капеллана, что именно ему известно.

«Я там был», – отвечал Леонард. При этих словах вздрогнула девушка и воскликнула: «Случилось ли с тобою что дурное?» – «Нет, – отозвался священник, – но овладели мною великий страх и ужас; и говорится, что отправиться туда дважды – значит искушать судьбу».

Молвила тогда Заряночка: «Расскажи мне, какие предания сложены об этой долине». Отвечал Леонард: «Немало есть историй; главная же такова: Серые Овны эти на самом деле – великаны былых времен, духи земли, мужи и жёны, что обращены были в камень уж и не знаю за какую провинность; порою же вновь оживают они и ходят и разговаривают, как прежде; и ежели найдётся такой храбрец, что дождался бы их пробуждения и, едва завершится превращение, сумел бы облечь в слова сокровенное своё желание, и ежели при этом окажется он и мудр, и стоек, тогда духи исполнят его волю, сам же он возвратится из долины живым и невредимым. И вот как должен сказать он и не иначе: «О Земля, ты и твои перворождённые дети, я прошу у вас того-то и того-то», – чего бы уж он там ни просил. А ежели добавит он к тому хоть слово, тогда погиб он. И не след ему отвечать на расспросы духов; ежели же великаны примутся угрожать ему, никак нельзя ни молить их о пощаде, ни дрогнуть перед занесённым оружием; короче говоря, должно ему обращать на великанов не больше внимания, чем если бы они по-прежнему оставались безжизненными камнями. Более того, когда объявит он о своём желании, духи тотчас же обступят его и примутся предлагать ему золото и драгоценные камни и всё богатство земли; и ежели того будет недостаточно, они приведут к нему прекраснейших женщин, у коих ни в чём нет недостатка, кроме разве одежд, так что увидит он своими глазами, сколь совершенны их тела. Но тот, кто примет подобные дары, погибнет навеки и станет одним из Каменного Племена; кто же откажется от подношений и будет твёрдо настаивать на своей просьбе до того мгновения, как прокричит петух, тот победит, и желание его исполнится, и, как говорят иные, прочие дары ему тоже достанутся; ибо с наступлением дня Каменное Племя не властно забрать их назад».

Тут священник замолчал, и ни слова не промолвила Заряночка; она глядела в землю, и тоска подчиняла себе её душу. Капеллан же заговорил снова: «Для несчастного, о госпожа, то было бы достойным приключением; а для счастливого – порядочной глупостью». Девушка ничего не ответила, и на том расстались они.

На следующей неделе, когда новостей по-прежнему не было, Заряночка попросила кастеляна снова вывезти её за ворота, дабы могла она опять полюбоваться на горы и врата их; и сэр Эймерис исполнил просьбу своей подопечной и выехал вместе с нею в сопровождении надёжного эскорта, как и прежде; только на этот раз, по воле Заряночки, они поехали напрямик к помянутой равнине, и снова разглядывала она с бугра долину Серых Овнов. Странники слегка задержались в пути и не смогли вернуться в замок до сумерек; засим снова расположились они на ночлег в диком лесу, только на этот раз не царило промеж них такого же ликования и радости, как давеча. Отряд возвратился в замок на следующий день, после полудня, и ничего нового не узнал народ по возвращении; по правде говоря, Заряночка и не ожидала вестей; и тяжело было у неё на сердце.

Глава VII

Заряночка уещает священника, дабы тот помог ей выбраться за ворота

Проходили неделя за неделей, и на дворе уже стояли первые дни августа; сердечная тоска и скука всё сильнее овладевали Заряночкой, и стала она бледнеть и чахнуть. Однако же когда заговаривала девушка о задержке Паладинов с кастеляном либо со священником (каковой был не в пример мудрее сэра Эймериса), и тот и другой отвечали одно и то же, а именно: неудивительно, что до сих пор не возвратились рыцари, принимая во внимание, на какое приключение они отправились; и ни кастелян, ни сэр Леонард, судя по всему, надежды ещё не теряли.

Трижды за это время выезжала Заряночка за ворота с сэром Эймерисом и его отрядом; и в последний раз из этих трёх опять побывали они на бугре, что выходил на Чёрную Долину; но теперь не особо радовалась Заряночка, разглядывая ущелье издали, ибо снедало её желание оказаться там, среди камней; однако же ничем не выказала она, что досаден ей запрет спуститься в лощину; и в должное время всадники повертели коней и благополучно возвратились в замок.

На следующий день сидела Заряночка со священником сэром Леонардом за уроком письма, и по воле девушки урок затянулся, и не раз и не два капеллан касался её руки, так что блаженство недостижимого желания проникло до самых глубин его сердца.

Наконец Заряночка подняла взгляд и молвила: «Друг мой, спрошу я тебя вот о чём: усматриваешь ли ты опасность в том, чтобы побывать мне в Чёрной Долине Серых Овнов при свете дня, ежели бы покинула я ущелье до темноты?» – «Одна?» – переспросил капеллан. «Да, – отвечала девушка, – одна». Сэр Леонард слегка призадумался, а затем сказал: «По чести говоря, сама долина не кажется мне опасной, ежели, конечно, не одолеет тебя страх. Однако же весьма сомневаюсь я, что удалось бы тебе поглядеть на чудесное пробуждение Каменного Племени; ибо говорится, что оживают великаны только в определённые ночи, и главным образом в Ночь Середины Лета; разве что тот, кто отважится бросить вызов приключению, самую судьбою к тому предназначен превыше прочих; как в твоём случае вполне может оказаться. Что до опасности, кою заключают в себе недобрые люди, немного найдётся на свете смельчаков столь безрассудных, как ты или я. Не смеют лиходеи вступать в эту чёрную улицу, разве что вынудит их к тому великая нужда. Вот на пути туда и обратно вполне может подстергать опасность. Однако же надо признать, что за последние недели не слышно ни о каких беспорядках, и все в один голос твердят, будто Красный Рыцарь не выезжает из замка».

Заряночка помолчала немного, а затем призналась: «Добрый и прекрасный друг, тоска грызет моё сердце, истомилась я в ожидании друзей, и похоже на то, что если не прибегну я к какому-либо спасительному средству, всенепременно заболела бы от помянутой тоски, и тогда что за жалкое зрелище ожидает Паладинов по возвращении! А спасительное средство мне ведомо, и заключается оно в том, чтобы бросить вызов приключению Чёрной Долины; ибо сдаётся мне, – ежели поеду я туда, то вернусь ко мне и здоровье, и силы. К чему тратить лишние слова? Коли ты посодействуешь мне, я отправилась бы прямо завтра. Что скажешь: поможешь или нет?»

Покраснев до ушей, отозвался сэр Леонард: «Госпожа, почему желаешь ты упорхнуть из замка одна-одинёшенька, словно птица-зарянка, под стать имени? Только что назвала ты меня своим добрым другом, по собственной доброте душевной; так отчего бы другу твоему не поехать с тобою?»

Девушка улыбнулась капеллану и впрямь по-доброму, но покачала головой. «Снова назову я тебя добрым и верным другом, – молвила она, – но замысел свой должна я осуществить сама и одна. Более того, к чему тебе ехать? Ежели повстречаюсь я с призраками, так и два десятка воинов мне не помогут; ежели натолкнусь я на вооружённых людей, что вздумают причинить мне вред, выстоит ли противу них один? И подумай вот ещё о чем, сэр Леонард: куда полезнее тебе остаться в замке, ибо, ежели не вернусь я спустя два дня, или три, самое большее, ты поймёшь, что случилось со мною недоброе, и тогда можешь сообщить, куда я отправилась; и тогда меня станут искать и, может быть, спасут».

Тут Заряночка вдруг умолкла и побледнела, как полотно, и схватила рукою за грудь, и проговорила слабым голосом: «О, сердце моё, сердце! Что, коли возвратятся они в моё отсутствие!» И вполне могло показаться, что девушка близка к обмороку.

Тут перепугался Леонард и не знал, что делать; но вскорости лицо Заряночки снова порозовело, и спустя некоторое время девушка улыбнулась и молвила: «Видишь, друг мой, как я ослабела; воистину, никак мне без спасительного средства не обойтись! Так неужели ты мне в том не поможешь?»

«Помогу всенепременно, – откликнулся капеллан, – скажи только, как». Проговорил он это с видом безумным и одержимым; девушка же улыбнулась ему мило и молвила: «К этому времени тебе бы должно уже измыслить, что делать, и избавить меня от этой заботы. Две просьбы у меня к тебе будет: первая и главная – незаметно вывести меня из замка на рассвете, пока все спят; и вторая – позаботиться о том, чтобы поджидала меня поблизости от ворот моя лошадка, так, чтобы не пришлось мне идти пешком; ибо, живя в четырёх стенах, сделалась я слаба и изнеженна».

При этих словах Леонард словно бы очнулся и молвил: «У меня есть ключ от часовни и от задней двери позади неё; через неё-то, госпожа, ты и выберешься за крепостные стены. Я приду спозаранку к твоим покоям и поскребу в дверь, и позабочусь о том, чтобы конь твой стоял в той самой хижине, где отдыхала ты в первую ночь своего приезда». Отозвалась Заряночка: «Уповаю на тебя, друг мой».

Тут девушка ласково поблагодарила капеллана, а затем встала и принялась расхаживать по залу туда и сюда. Леонард постоял некоторое время, не сводя с неё глаз, Заряночка же не гнала его, ибо мысли её были далеко, и о капеллане она напрочь позабыла; и, наконец, несчастный ушёл своим путём исполнять её поручение.

Глава VIII

Заряночка отправляется на приключение

Рассвет только занимался, когда пробудилась Заряночка; и подумала девушка, что, должно быть, не услышала Леонарда у двери; она спрыгнула с постели, и набросила на себя

чёрное платье, и прихватила с собою суму с хлебом, и не позабыла привесить на пояс нож. Едва собравшись, услышала Заряночка, как капеллан царапает в дверь; и уже двинулась она было к выходу, как вдруг взгляд её упал на лук и колчан со стрелами, что висели на стене; засим взяла Заряночка лук в руку и перебросила колчан через плечо, прежде чем открыла дверь и обнаружила за нею Леонарда. Не обменявшись ни словом, они тихо спустились по ступеням и к часовне и вышли через калитку священника и через заднюю дверь, скрытую в крепостной стене; и тотчас же оказались на свежем утреннем воздухе. Душа Заряночки ликовала, лёгкой поступью спешила беглянка вперёд, едва ощущая землю под ногами, так веселила девушку надежда, ибо полагала она, что есть ей о чём попросить Каменное Племя, ежели оно пробудится перед нею. Очень хотелось ей при этом порадовать и другого тоже, насколько возможно; засим, едва отошли беглецы от замка, Заряночка взяла капеллана за руку и молвила: «Рука об руку шли мы, когда впервые проследовала я этим путём; уже тогда сочла я тебя добрым другом; таковым и оставался ты с тех самых пор».

Сперва священник онемел от восторга – столько радости доставили ему прикосновение девичьей руки и нежные её слова; но тут же заговорил он с Заряночкой, смущаясь и запинаясь, и похвалил за то, что надумала она взять с собою лук и стрелы; ибо они и защитят её в пути, и пищи помогут добыть, и при необходимости послужат предлогом, объясняющим, для чего бродит она по лесу. Заряночка кивнула в ответ и снова наказала ждать её три дня, и ежели не вернётся она за это время, во всём сознаться сэру Эймерису.

«Да, – отвечал Леонард, – и тогда...» – «А что тогда?» – «Тогда он всенепременно выставит меня из замка, и придётся искать мне приюта в обители святых отцов у Крестовых Врат, что по дороге в Гринфорд».

«Ах, друг мой! – отозвалась Заряночка. – Как мы, женщины, не думаем ни о ком, кроме себя! Так тебе откажут от дома за то, что помог мне? Зачем сама я не позаботилась о коне? И ключи могла бы я украсть у тебя, и ты бы не возражал. А теперь, выходит, причинила я тебе вред».

Отвечал сэр Леонард: «Леди, у священника дом там, где стоит обитель веры. Ничем не повредила ты мне, разве что сэр Эймерис надумает повесить меня на крепостной стене; и весьма сомневаюсь я, что поступит он так со священником. Более того, заклинаю тебя, поверь, что, ежели покинешь ты замок, тамошний дом и кров для меня ничего не значат». И поглядел он на девушку скорбно и словно бы умоляюще.

Нечего было ответить на это Заряночке; и понурила она голову; и очень скоро дошли беглецы до хижины в рощице, что теперь служила стойлом для коня Заряночки, а не покоями для неё самой. Сэр Леонард вошёл внутрь и вывел на свет доброго скакуна; и Заряночка постояла с капелланом недолго под сенью рощи. Девушке не терпелось поставить ногу в стремя, однако же не могла она не помедлить немного и не поглядеть на священника, что застыл на месте, словно бы подыскивая слова.

Засим молвила девушка: «Надо бы мне поторопиться с отъездом. Однако скажу тебе напоследок вот что, друг мой: не случилось ли промеж нас чего, в чем бы причинила я тебе зло? Ежели так, то, молю тебя, облегчи душу, ибо, может статься (хотя в это я не верю), нам не суждено более свидеться».

Дыхание у Леонарда перехватило, словно немалого труда стоило ему сдерживать рыдания; но капеллан совладал с собою и молвил: «Госпожа и милый друг мой, ежели не суждено мне более тебя увидеть, тогда нет мне дела до того, что со мною станет. Ни в чём ты мне зла не причинила. Одно только случилось промеж нас, а именно: я люблю тебя, а ты меня – нет».

Заряночка поглядела на него взглядом ласковым и сострадательным и ответствовала: «Не могу я иначе понять слова твои, кроме как следующим образом: любовь твоя ко мне есть не что иное, как желание, кое испытывает мужчина к женщине; и в том заключено несчастье; потому что воистину люблю я тебя, но не так, как женщина любит мужчину. Лучше сказать

тебе об этом прямо. Но теперь, когда выговоришься я, подсказывает мне сердце: признаться тебе в этом – всё равно что объявить, будто не в моей власти помочь тебе; и немало это меня огорчает».

Капеллан постоял перед нею смущённо, а затем молвил: «Столь ты добра, нежна и чисто-сердечна, что не могу я не полюбить тебя ещё сильнее; и это придает мне храбрости, засим скажу я, что в твоей власти помочь мне немного, вот как мне кажется». – «Чем же?» – отозвалась Заряночка. Отвечал сэр Леонард: «Кабы позволила ты мне расцеловать лицо твоё один только раз». Отозвалась девушка, качая головою: «В чём тут помощь, ежели случится это один только раз и не более, а иначе, по чести говоря, быть не может? Однако таков твой выбор, а не мой, и не откажу я тебе».

Тут Заряночка подставила ему лицо, и Леонард поцеловал её в щёку, никак иначе к ней не прикасаясь; а затем поцеловал в губы; и понимала девушка, что он опечален и робок, и стыдилась она поднять на Леонарда глаза или заговорить с ним снова, опасаясь, что увидит и его пристыженным, потому проговорила она только: «Прощай, друг, до завтра, по меньшей мере».

С этими словами Заряночка поставила ногу в стремя и вскочила в седло, и конь её пошёл быстрой иноходью туда, куда направила его всадница.

Глава IX

Заряночка достигает Чёрной Долины

Мало что можно рассказать о путешествии Заряночки до бугра, что возвышался над Чёрной Долиной Серых Овнов. Добралась она туда к полудню, и по пути почти никого не встретила: разве что пахаря, либо старуху, либо юную поселянку, из тех, что бродят спозаранку по полям неподалёку от Замка Обета.

И вот, восседая в седле, Заряночка снова поглядела вниз, в долину, и на каменное племя и ничего там живого не обнаружила, кроме трёх воронов, что перепархивали неподалёку с одного Серого Овна на другой и громко каркали, переключаясь друг с другом, словно знали: затевается что-то необычное. Девушка некоторое время наблюдала за игрою их, а затем сошла с коня и уселась на траву бугра, и разложила свои съестные припасы, и подкрепилась, ибо казалось ей, что лучше поесть-попить здесь, нежели в пасти Чёрной Долины.

Покончив с обедом, девушка снова вскочила в седло и медленно проехала вниз к ручью, а затем, вдоль него, к долине и к вратам гор, под сень коих так хотелось ей вступить; но теперь, ровно так же, как случилось с нею в то далёкое утро, когда отправилась она к Посыльной Ладье, в преддверии приключения Заряночка слегка оробела и теперь старалась отдалить решающий миг, и, когда до долины осталось не более ста ярдов, она снова спешила и оставила свою верховую лошадку попастись на травке, сама же уселась на берегу, следя за журчащей водой.

Спустя некоторое время Заряночка сняла туфли и чулки, и вошла в неглубокий ручей, и омочила руки, и умылась, и наклонилась к воде выше по течению, и напилась из горсти, а затем вышла на берег, чувствуя прилив мужества; затем девушка натянула лук, и оглядела стрелы в колчане, и обулась, и снова уселась в седло, и погнала иноходца напрямик в долину, и очень скоро оказалась среди Серых Овнов. Теперь могла Заряночка разглядеть, сколь велико число их: валуны загромаждали всё дно долины по обе стороны ручья, а многие поднимались над водою, земля же была того же чёрного цвета, как и склоны долины, хотя ручей, что струился там, казался прозрачнее стекла.

Что до долины, девушка углубилась в неё уже порядком, но что впереди, разглядеть не могла, ибо ущелье вилось змеей и попервоначалу резко ушло влево; склоны долины поднимались по обе стороны достаточно крутыми каменистыми осыпями, наверху которых, словно частокол, вздымались скалистые пики и громоздились чёрные отвалы породы; по правую руку

такого рода разломы казались особенно огромными и выдавались далеко вперёд; а в фарлонге впереди твёрдый камень пробился сквозь осыпь и отвесной стеной обрывался в ущелье и суживал его настолько, что пройти можно было с трудом, разве что вдоль ручья; поток же был стремителен, но неглубок, даже там, где толщи скал теснили его с обеих сторон.

Но Заряночке непременно хотелось подняться по долине выше, что бы ни поджидало впереди; и теперь девушка впервые созналась себе самой в том, что задумала уже давно, а именно: вознамерилась она переждать в долине ночь и поглядеть, что произойдёт; а ежели великаны и впрямь оживут, тогда, надеясь Заряночка, достанет у неё храбрости бросить им вызов и попросить исполнить её просьбу.

Засим девушка послала коня в воду и некоторое время ехала по ручью, пока не миновала помянутую отвесную скалу; затем склоны снова раздались в разные стороны, и очень скоро ущелье сделалось ещё шире, нежели вначале. В этой части долины Серых Овнов оказалось куда больше; они теснились один к другому и, как показалось Заряночке, установлены были кольцами вокруг одного огромного валуна, что и в самом деле слегка напоминал человека, что сидит неподвижно, положив руки на колени.

Заряночка на мгновение остановила коня и огляделась, а затем выехала на траву и направила коня напрямик к помянутому огромному камню, и там снова спешила и остановилась подле валуна, размышляя. Вскорости показалось девушке, будто за камнем мелькнуло что-то тёмное; но ежели и так, то тень исчезла в мгновение ока. Тем не менее Заряночка похолодела от ужаса, и застыла на месте, и долго вглядывалась в ту сторону, ничего не видя; однако некоторое время не смела пошевелить ни рукой, ни ногой.

Наконец девушка воспряла духом и подумала: «Что, коли это сам великий вождь пробуждается к жизни и вот-вот воскреснет? Сказать ли мне слова сейчас, дабы не упустить нужного момента?» Тут Заряночка протянула правую руку, и коснулась камня, и проговорила вслух: «О Земля, ты и твои перворождённые дети, прошу у вас, чтобы возвратился он немедленно и тотчас же, и при этом любя меня». Странно и непривычно прозвучал голос девушки в пустынном этом месте, и пожалела она, что нарушила тишину.

Глава X

О том, как Заряночка повстречалась в Чёрной Долине Серых Овнов с незнакомцем

Сей же миг произошло нечто достойное упоминания; ибо, едва договорила Заряночка, из-за огромного камня вышел высокий незнакомец и направился прямо к девушке; и в первое мгновение просительнице пришло в голову, что это ожил сам вождь и вот-вот её схватит, и от страха девушка едва не потеряла сознания; незнакомец же некоторое время не говорил ни слова, но разглядывал Заряночку жадно и с любопытством.

Девушка быстро пришла в себя и смогла рассмотреть чужака во всех подробностях; и теперь скорее устыдилась Заряночка, нежели испугалась, убедившись досконально, что стоит перед нею человек рода Адамова; но от стыда ли, или от недавно пережитого страха, только девушка по-прежнему не могла стронуться с места; бледная и дрожащая, словно лист под ветром, застыла она перед ним, едва удерживаясь на ногах.

Тут незнакомец с улыбкой поклонился Заряночке и молвил: «Прощения прошу, прекрасная дева (или скорее пристало сказать мне, прекраснейшая из дев), что напугал тебя. По чести говоря, заметил я, что едешь ты сюда, и даже издалека углядел, что всё отдам за возможность полюбоваться на тебя поближе и услышать твой голос. Засим укрылся я вот за этим королём-камнем; и, сдаётся мне, ничего дурного не произошло от того, ибо вижу я, что щёки твои розовеют и страх рассеялся. Что до меня, ты не поспешила прочь от меня, как непременно бы поступила, кабы я не спрятался и не застал тебя врасплох; тем паче что ты была верхом,

я же пеш; непременно ускользнула бы ты от меня, а так – вот она ты, рукой подать». Затем незнакомец снова улыбнулся и проговорил: «Более того, столь немного поведала ты о своей тайне сему каменному королю, что не стал я мудрее, даже подслушав слова твои; ты же почти ничем себя не выдала. Одно только скажу я: ежели Он тебя не любит, так Он куда больший глупец, чем я».

Тут незнакомец потянулся к её руке, но Заряночка руку отдернула, и устыдилась ещё более, и ни словом ему не ответила. Голос чужака звучал мягко и выразительно, и говорил он красно; но тревожило девушку, что не слышит она в этом голосе привычной доброты, что успокаивала её в любом, кого доводилось ей повстречать с той поры, как покинула она Обитель у Леса; засим Заряночка опасалась доверить ему руку.

Что до внешности незнакомца, видела Заряночка, что он высок, хорошо сложен и пригож собою: темноволосый, светлокожий, с большими карими глазами и гладкими щеками; длинный нос его слегка загибался на конце и доходил почти что до губ, полных и алых; ни бороды, ни усов не было на лице его, если не считать узкой полоски над губою. Одет он был вот как: вместо шлема голову его венчала небольшая шляпа с золотою пряжкой впереди; на поясе висели длинный меч и кинжал; а у ворота и у колен Заряночка могла разглядеть кольца отличной кольчуги; другого оружия при нём не было. Поверх кольчуги носил он чёрное сюрко без герба; доспехи рук и ног отливали тем же цветом; потому мы станем называть его Чёрным Рыцарем. По правде говоря, несмотря на приветливую речь чужака, он внушал девушке страх, и встреча эта Заряночку не радовала.

Тем временем незнакомец снова обратился к Заряночке и молвил: «Вижу, что ты гневаешься на меня, госпожа; но, может статься, оно и к лучшему, что я оказался на твоём пути, ибо про долину эту ходят недобрые слухи; ох, много чего про неё рассказывают; и девицам едва ли пристало бродить по ней в одиночестве. Но теперь, когда оказался при тебе вооружённый воин, да и сама ты, клянусь всеми святыми, не вовсе безоружна, сможешь ты проехать по долине вверх и полюбоваться на окрестности в своё удовольствие. Потому садись-ка ты на коня, а я поведу его за уздечку».

Тут к Заряночке вернулся дар речи, и ответствовала она: «Рыцарь, ибо таковым я тебя почитаю, теперь кажется мне, что и впрямь не стоит углубляться в долину; засим сяду я в седло и поверну коня назад, пожелав тебе сперва доброго дня и поблагодарив за учтивость». С этими словами Заряночка двинулась было к лошадке, дрожа всем телом; рыцарь же последовал за нею и молвил, слегка хмурия брови: «Нет, госпожа, я оставил коня чуть выше, и нужно мне вернуться и привести его, дабы выехали мы из долины вместе. Ибо не позволю я тебе бежать от меня и попасться в руки злобным созданиям, будь то призраки или живые люди; тем паче что уже услышал я голос твой, что словно мёд, и сливки, и розы. Потому, ежели намерена ты покинуть ущелье, так я пойду с тобою пешком, ведя в поводу твоего коня. А там уже сама думай, учтиво ли сделать пешим рыцаря, что готов тебе служить. Более того, раз уж приехала ты в эту долину чудес и ничто тебе не мешает её покинуть, жаль было бы так и не поглядеть толком на эти места, ибо воистину много чего любопытного тут встречается, и похоже на то, что снова ты здесь не окажешься. Засим я снова смиренно прошу тебя сесть на коня и позволить мне проводить тебя вверх по долине».

Последние слова рыцарь проговорил так, словно отдавал приказание, а вовсе не умолял, и теперь Заряночка откровенно его боялась. Воистину в руке девушка сжимала лук, но не говоря уже о том, что рыцарь стоял к ней слишком близко, чтобы Заряночка успела извлечь стрелу из колчана и вложить её в тетиву прежде, чем чужак ей помешает, и не говоря уже о том, что незнакомец был при кольчуге, девушка почитала, что не пристало ей убивать или ранить человека только потому, что желает она избавиться от его общества. Потому, раскрасневшись, сердито ответствовала ему Заряночка: «Да будет так, сэр рыцарь, или скорее, так тому и быть, раз уж ты меня принуждаешь».

Тот расхохотался и молвил: «А! Разгневалась! Я тебя ничуть не принуждаю, но говорю только, что и тебе не след принуждать меня расстаться с тобою. Ступай куда пожелаешь, вверх по ущелью либо вниз и прочь от него, мне всё равно, пока я с тобою. Воистину, госпожа, приходилось мне говорить слова более резкие дамам, что исполняли мою волю и не под принуждением».

Заряночка побледнела, но ничего не ответила; затем она села в седло, и рыцарь без долгих рассуждений взял в руки повод и так повёл лошадку вверх по долине, осмотнительно выбирая путь промеж Серых Овнов.

Глава XI

Заряночка следует за незнакомцем до самого конца Чёрной Долины

По дороге рыцарь принялся занимать Заряночку разговором, и в голосе его уже не слышалось скрытой насмешки, как давеча; и показал он девушке разные приметные места, как, скажем, пещеры под отвалами породы, и крохотные островки в ручье, и те камни из числа Серых Овнов, про которые поминается в легендах; и рассказал о том, как сложилась судьба того или иного смельчака, что вздумал переведаться с призраками земли; и как этот погиб, а тот обрёл счастье; и всё такое прочее. Затем незнакомец в чёрном повёл речь о народе гор, главным же образом о том, как жители равнин сошлись с горным племенем в битве в этом самом ущелье, когда сам он был едва ли не мальчишкой; и о том, сколь непримиримая ярость владела врагами: ибо горцы сражались за то, чтобы заполучить наяву всё, о чём доселе лишь грезилось; а люди равнины бились за жизнь и за всё то, что придаёт жизни цену и без чего уподобилась бы она медленной смерти. Засим вверх и вниз по ущелью, куда ни глянь, везде кипел бой: сперва недруги сходились упорядоченным строем, а потом группами, а под конец противники дрались один на один, и меч ударял о меч, и вот не осталось ни фута травы или чёрного песка, коего не оросил бы кровавый дождь; трупы перегородили поток, и ручей вытекал из долины ярко-алым; и, наконец, всё воинство горцев полегло, и людей долины погибло едва ли меньше, однако же поле битвы осталось за ними, а стало быть, и победа.

Всё это пересказывал незнакомец Заряночке красно и живо, и хотя прямо о том не помянул, однако же дал ей понять, что несмотря на юные свои лета и он тоже принимал участие в битве. Голос Чёрного Рыцаря был мелодичен и не лишён приятности, и гнев Заряночки поутих; девушка внимала речам незнакомца и то и дело задавала вопросы; и столь почтителен сделался нежданный собеседник, что подумалось Заряночке, будто сама она изначально повела себя с ним неучтиво, ибо страх и усталость ожидания взяли над нею верх; и это девушку пристыдило и раздосадовало, ибо очень не хотелось ей обижать людей понапрасну. Засим теперь рассудила она, что, надо полагать, ошиблась, сочтя незнакомца дурным человеком; и, поглядывая на него то и дело, нашла Заряночка, что Чёрный Рыцарь весьма хорош собою, взор его глубок, черты лица правильны и радуют глаз, однако же нос незнакомца загибается на конце и слишком тонок у переносицы, а губы кажутся чересчур нежными и чувственными.

Когда же запас рассказов себя исчерпал, Заряночка принялась приветливо расспрашивать рыцаря о Каменном Племени, что окружало путников со всех сторон; и незнакомец поведал девушке всё, что знал; начал он серьёзно, а закончил, по чести говоря, тем, что принялся насмехаться над призраками, однако же над спутницей более не насмехался. Под конец же молвил он: «Прекрасная госпожа, то, что явилась ты сюда неспроста, я отчасти понял по тем словам, кои слетели с уст твоих подле Королевского Камня; засим весьма подивился я, когда объявила ты, что желаешь тотчас же покинуть долину; ибо я-то почитал, что намерена ты бросить вызов приключению и пробудить Каменное Племя с приходом ночи. Сознайся: разве не этот замысел привёл тебя в ущелье?»

При этих словах Заряночка густо покраснела и ответила: «Да», – ничего к тому не прибавив. Отозвался рыцарь: «Выходит, передумала ты?» «Сэр, – отвечала девушка, – мне вдруг сделалось страшно». – «Да? Вот странно, – откликнулся он, – ибо ты готова была пробудить долину в полном одиночестве; а теперь, когда ты уже не одна, но при тебе я, готовый охранить и защитить тебя в миг пробуждения, ты боишься сильнее, чем прежде».

Заряночка пристально вгляделась в лицо незнакомца, подмечая, не улыбается ли он краем губ; однако же показалось девушке, что спутник её вполне серьёзен; и не нашла, что ответить ему, кроме одного только: «Сэр, теперь убоялась я пробуждения». И более рыцарь не поминал о том.

Так продвигались они вверх по ущелью, и Заряночка поглядывала по сторонам не без удовольствия, ибо страх её перед рыцарем поутих; уже три часа брели они по долине, но по-прежнему, куда ни глянь, возвышались Серые Овны; так что путешествие длилось почти столько же часов, сколько миль проделали путники.

Судя по всему, противоположный конец долины был уже недалёк; отвалы породы и скалы стеною громоздились впереди и повсюду вокруг, хотя до выхода оставалось ещё около мили; в этой своей части ущелье резко расширилось.

И вот путники подъехали к ровной прогалине зелёного дёрна, свободной от серых камней; вокруг прогалины валуны располагались упорядоченными кольцами, словно бы находился тут круг судьбы и судилище какого-нибудь древнего племени; и увидела Заряночка, что среди камней ходит на привязи огромный чёрный конь, пощипывая траву. Рыцарь ввёл лошадку своей спутницы в круг и молвил: «Вот мы и дома, госпожа моя, и ежели соизволите вы спешиться, мы поедим-попьем и потолкуем немного». Незнамец подошёл поближе, дабы помочь девушке сойти с коня, однако Заряночка не приняла его помощи и сама легко соскользнула с седла; но ежели от руки спутника она уклонилась, то от взоров уклониться никак не могла: рыцарь жадно разглядывал её точёные ножки и ступни, пока соскакивала она на землю.

Как бы то ни было, Чёрный Рыцарь взял девушку за руку, и подвёл к небольшой насыпи по другую сторону круга судьбы, и пригласил её сесть, что девушка и сделала. Из-под ближайшего валуна незнакомец извлёк перемётные сумы, и достал вина и снеди, и путники приступили к трапезе, словно старые друзья. И теперь Заряночка уверяла себя, что рыцарь сей обходителен и честен; однако же воистину отлично знала девушка, что сердце её тому не верит и что по-прежнему боится она незнакомца.

Глава XII

Как эти двое выбрались из Чёрной Долины Серых Овнов

И вот отобедали спутники и потолковали немного о том о сём, и вот, наконец, молвил рыцарь: «Снова спрошу я у тебя, почему непременно желаешь ты уехать из этой долины, так и не попытавшись обратиться к Серым Овнам. Однако вот что должен я открыть тебе сперва: только в этом кругу камней у выхода из долины и нигде более возможно пробудить Серых Овнов, ежели всё делать правильно, и очень немногие о том знают. Не скажешь ли теперь, что у тебя на уме?» Заряночка потупила взор и долго глядела в землю; затем девушка подняла голову, и поглядела на Чёрного Рыцаря, и молвила: «Сэр рыцарь, столь близко свела нас нынче судьба и настолько, кажется мне, нахожусь я в твоей власти, что скажу я тебе всю правду, как есть. И впрямь задумала я пробудить долину нынче ночью, а там уж чему быть, тому не миновать. И приходится ли удивляться, что весьма пугало меня приключение, которого, по чести говоря, редкий человек бы не убоялся. Но нет мне жизни без того, о чём хотела бы я просить духов, засим желание возобладало над страхом, и осталась я тверда в своём намерении, въезжая в долину. Затем повстречала я тебя; и, опять-таки, скажу всю правду как есть, по душе ли тебе она придётся или нет: в первое мгновение испугалась я тебя и боюсь до сих пор;

ибо пристально наблюдала я за тобою всё это время и заметила, что весьма тебе приглянулось бедное моё тело, и охотно бы ты овладел им, кабы представилась такая возможность. И вот ещё что в тебе есть, как мне кажется, хотя сам ты, возможно, этого и не осознаёшь: ты наслаждался бы мною, невзирая на то, огорчило бы меня это или обрадовало; и в том должна я отказать тебе; ибо хотя сможешь ты впоследствии стать моим другом, однако же есть у меня и другие друзья, друзья истинные, и таковы они, что горе моё обратит для них в ничто любую отраду. Выслушал ли ты и понял ли?»

Выговаривая всё это, Заряночка не сводила со спутника глаз и увидела, как вспыхнул он, и помрачнел, и нахмурился, и сжал кулаки, и стиснул зубы. И снова молвила девушка: «Сэр, узнай же, что помимо лука и стрел, есть у меня за поясом нечто, что послужит либо против тебя, либо противу меня самой, ежели иного выхода не будет; потому заклинаю тебя смирить своё сердце. По чести говоря, очень скоро повстречаются на твоём пути и иные женщины, что порадуют тебя больше, нежели могу порадовать я».

К тому времени, как договорила Заряночка, лицо рыцаря прояснилось, он громко расхохотался и отвечал: «Что до последних твоих слов, госпожа, тут, по крайней мере, солгала ты. А в остальном, вижу я, что всё должно быть так, как тебе угодно. И ежели такова твоя воля, так сядем мы на коней и проедем по долине вниз, и у самого выхода я с тобою распрощаюсь, и отправишься ты домой одна, как тебе угодно». Отвечала Заряночка: «За это я благодарю тебя от всего сердца. Но почему ты не спрашиваешь меня, кто я такая и где мой дом?»

Снова расхохотался Чёрный Рыцарь и молвил: «Да потому что я и без того знаю. Не раз и не два слышал я о тебе от тех, кто тебя видел, либо беседовал с теми, кто тебя видел; слухи только и твердят о том, как славные Паладины Замка Обета уловили в Великом Озере дивную и бесценную жемчужину; и едва разглядел я твою красоту, как тотчас же понял, что помянутая жемчужина находится не иначе как перед моими глазами».

«Оставим это, — отвечала Заряночка, не меняясь в лице. — Теперь скажи мне правду, ровно так же, как говорила с тобою я, почему ты столь упорно уговариваешь меня пробудить нынче ночью Серых Овнов?» Рыцарь помолчал немного, и при взгляде на него показалось девушке, что в лице её собеседника отразилось смятение; но, наконец, отозвался незнакомец: «Неправа ты, говоря, что мне дела нет до твоего удовольствия, и покоя, и блага. Казалось мне, да и сейчас кажется, что весьма на пользу пошло бы тебе, кабы удалось пробудить нынче ночью Серых Овнов; а снова подобной возможности тебе может и не представиться, как сказал я прежде. Поверь: очень бы мне хотелось, чтобы исполнилось сокровенное твоё желание. А бояться тебе призраков нечего, ибо губят они только негодяев да глупцов».

Тут под пристальным взглядом Заряночки рыцарь запнулся и смешался, и, помолчав немного, признал: «Ты клещами вытягиваешь из меня правду; ибо, помимо всего прочего, хотелось бы мне удержать тебя при себе дольше, чем вышло бы, кабы мы проследовали вместе вниз по ручью и выехали из долины, и отправилась бы ты дальше одна».

Заряночка призадумалась, рыцарь же не сводил с неё жадного взгляда; и вот снова заговорила девушка и молвила: «Теперь я скажу тебе вот что: я непременно дождусь ночи и брошу вызов призракам, к чему бы это ни привело». — «Я же, — отвечал незнакомец, — всё сделаю для того, чтобы меньше ты меня боялась; ибо, когда стемнеет, я разоружусь и тебе оставлю на хранение свою кольчугу, и меч, и кинжал». Отвечала Заряночка: «Хорошо; я возьму их, дабы искушение не взяло над тобою верх».

Более они о том не говорили; а к тому времени от полудня минуло пять часов. Заряночка поднялась на ноги, ибо тяжело ей было сидеть неподвижно и дожидаться ночи; она вышла за пределы первых двух кругов Серых Овнов, что далее располагались в менее тесном порядке, и оглянулась по сторонам, рассматривая чёрные скалы слева и справа, и гигантскую чёрную стену у самого выхода из долины, и синюю гряду гор, что поднималась над скалами; затем взор её скользнул вниз, на ровное дно ущелья, и пригляделась девушка повнимательнее сквозь

строй серых камней. Но вот что-то словно бы приковало к себе её взор; тут же позвала к себе Заряночка Чёрного Рыцаря, что бесцельно бродил рядом, не сводя с неё глаз, и сказала ему: «Прекрасный сэр, далеко ли и хорошо ли ты видишь?» – «До сих пор на близорукость мне жаловаться не приходилось», – отвечал её спутник. Тогда Заряночка протянула руку, и указала пальцем, и спросила: «Не видишь ли ты чего необычного вон там, в верхней части долины?» Отозвался рыцарь: «Слишком ясно вижу я руку твою и запястье, и ослеплённый взор мой не различает ничего другого». – «Прошу тебя, перестань дурачиться, – отвечала Заряночка, – но приглядишься повнимательнее, и, может статься, усмотришь то, что вижу я, и тогда расскажешь мне, что бы это значило. Хотя, надо признать, глаз мой и впрямь на редкость зорок».

Рыцарь внимательно пригляделся, заслонив глаза от солнца, затем повернулся к девушке и воскликнул: «Клянусь всеми Святыми! – ты наделена всеми мыслимыми совершенствами! Права ты: я вижу гнедого коня, что пощипывает траву среди Серых Овнов». – «Погляди снова! – велела Заряночка. – Не рассмотришь ли что ещё? Нет ли чего поблизости от гнедого коня, что походит на блеск и сверкание металла?» – «Христос! – воскликнул незнакомец в чёрном. – Снова права ты. В долине – вооружённые люди. Не медли, заклинаю тебя, но сей же миг садись в седло, и я поступлю ровно так же».

«Ну вот, похоже, что о пробуждении долины на этот раз можно забыть, – со смехом отозвалась Заряночка. – Однако же ты не торопишься, прекрасный сэр? Может быть, это друзья?»

Рыцарь схватил Заряночку за плечо, и толкнул её к лошади, и проговорил свирепо, но негромко: «Теперь я тебя прошу не валять дурака! Нельзя терять ни минуты. Ежели меня ты считаешь человеком недобрым (а, полагаю я, ты и в самом деле так думаешь), так эти люди хуже меня, поверь, куда хуже. Но об этом мы побеседуем, когда окажемся на конях и выберемся из проклятой долины».

Ничего не оставалось делать Заряночке, кроме как повиноваться своему спутнику, засим она легко вскочила в седло и поспешила за Чёрным Рыцарем; ибо он оказался на коне в мгновение ока и уже двинулся вперёд. Незнакомец выехал из круга камней и принялся пробираться сквозь лабиринт Серых Овнов, направляясь напрямик к крутому склону долины, к тому, что выходил на Замок Обета, то есть к восточной стене. Весьма подивилась Заряночка подобному выбору дороги и, поравнявшись с рыцарем, обратилась к нему, с трудом переводя дух, и молвила: «Но, прекрасный сэр, почему не поскакали мы вниз по долине?» Отвечал всадник в чёрном: «Во-первых, госпожа, потому, что нам следует немедленно от них укрыться; и ещё потому, что их куда больше нас, намного больше, и лошади у них свежие, в то время как твой конь, по крайней мере, слегка приустал; и ежели они погонятся за нами вниз по долине, они очень скоро нас настигнут; ибо не думай, что я ускачу от них и брошу тебя на произвол судьбы».

Отвечала Заряночка: «Так, выходит, ты знаешь, кто они такие, раз ведомо тебе число их и намерения? Послушай! Заклинаю тебя душой твоей и вечным спасением, признайся: тебе они друзья больше, чем мне?»

Отвечал рыцарь, чуть придержав коня: «Клянусь моей душой и вечным спасением, что эти люди для тебя – худшие недруги, страшнее не сыскать во всём мире. А теперь, госпожа, обещаю тебе, что разрешу для тебя эту загадку и поведаю всю правду о том, что происходит, к чему бы ни привели мои слова, когда мы окажемся в месте более безопасном, нежели это; а тем временем умоляю тебя довериться мне хотя бы настолько, чтобы не сомневаться: я уважу тебя от опасности, ужаснее которой не выпадало тебе на долю. Нет же, ты должна мне довериться; ибо я говорю тебе, что хотя люблю тебя больше всего на свете, я бы лучше своими руками убил тебя в этой долине, нежели допустил бы, чтобы ты попала в руки этих людей».

Сжалось сердце Заряночки при этих словах; но столь страстно звучала речь рыцаря, что девушка ему поверила и тихо ответствовала: «Сэр, ровно настолько я готова тебе довериться; но заклинаю тебя сжалиться над бедной девушкой, которую мало кто жалел вплоть до последнего времени, – и тут же воскликнула: – О горе мне, опять не знать мне доброты и любви!»

Чёрный Рыцарь помолчал немного, а затем проговорил: «Насколько способен я к жалости, я над тобою сжалюсь. Снова говорю тебе: когда бы ты только знала, ты бы поблагодарила меня за то, что я сделал для тебя в этот час; и ещё сделаю, и стану щадить тебя настолько, насколько позволит мне любовь. Но ло! – здесь мы на какое-то время в безопасности; однако же медлить всё равно нельзя».

Тут поглядела Заряночка и увидела, что оказались они у самого склона долины; отвесной стеною обрывался он вниз, а прямо перед ними зияла расщелина, что в нескольких шагах резко сужалась; прямо над нею скалы почти сходились, так что весьма напоминала она пещеру. Всадники немедленно туда въехали; совсем недалеко удалились они от входа, а долина за их спиною уже обратилась в звезду света, ибо каменный коридор слегка петлял то вправо, то влево; очень скоро ущелье перестало сужаться; теперь напоминало оно мрачную и до крайности тесную улицу, в которой становилось то темнее, то светлее, в зависимости от того, образовывали ли скалы крышу над головой, или расходились в разные стороны. Долго ехали всадники; порою по скале ручейком сбегала вода, то по правую руку, то по левую; иногда преграждал им дорогу поток, что разливался от одной стены ущелья до другой на глубину фута или более. Огромные валуны то и дело загромождали тропу, так что порою всадникам приходилось спешиваться и пробираться через шероховатые камни; и по большей части путь был труден и утомителен. Рыцарь почти не обращался к Заряночке, кроме как для того, чтобы объяснить ей дорогу и предупредить, ежели грозила опасность; и девушка тоже молчала, отчасти из страха перед незнакомцем, или, может быть, даже из ненависти к нему, ибо кто как не он навлёк на неё такую беду, а отчасти от неизбывной печали. Ибо, терзаемая скорбью, она вновь и вновь задумывалась о том, а не приехали ли её друзья домой, в Замок Обета, и если да, то станут ли они её разыскивать и спасать. И так устыдилась Заряночка, вообразив себе их горе и смятение, когда вернутся Паладины и обнаружат, что её нет, что даже спросила она себя не раз и не два, а не лучше ли было бы ей никогда с ними не встречаться. Однако же, по чести говоря, ум бедняжки отказывался осмысливать такого рода предположение, несмотря на все усилия девушки.

Глава XIII

Путники останавливаются на ночь в узком ущелье

Ехали путники долго, может статься, часов шесть, и в запредельном мире давно царила лунная ночь; и останавливались они отдохнуть редко и на короткое время, и вот, наконец, рыцарь придержал коня и обратился к Заряночке, и спросил спутницу, не притомилась ли она. «О да, – отвечала девушка, – я уж готова была умолять тебя, чтобы позволил ты мне спешиться и прилечь на голый камень. Говоря по чести, слишком измучена я, чтобы задумываться об опасности и о том, кто ты есть такой и куда мы едем». Отвечал всадник в чёрном: «По моим подсчётам, мы преодолели половину пути через горы, и похоже на то, что и впрямь можем отдохнуть, не подвергая себя большой опасности; ибо думается мне, что никто из тех людей не знает об этом ущелье, да и не осмелится войти в него, кабы и знал; и в долину они наверняка попали по верхнему перевалу, что достаточно узок, однако открыт солнцу».

Едва договорил Чёрный Рыцарь, Заряночка качнулась вперёд в седле и упала бы, если бы спутник не поддержал её. Затем он снял девушку с коня и уложил в самом пристойном месте, что только сумел отыскать; а ущелье здесь весьма расширилось, и свет внешнего мира, пусть даже только от луны и звёзд, свободно проникал туда; а дно ущелья было скорее песчаным, нежели каменистым. Засим Чёрный Рыцарь устроил, как смог, ложе для Заряночки, и снял сюрко, и укрыл девушку; а затем остановился в отдалении, не сводя с неё взгляда, и пробормотал: «Не в добрый час так случилось; однако что за отрада, что за отрада! Да уж, – добавил он, – неудивительно, что притомилась она; я сам с ног валюсь, хотя в нашей шайке я не из самых слабых». С этими словами он улёгся у противоположной стены ущелья и тут же заснул.

Глава XIV

Чёрный Рыцарь рассказывает о себе всю правду

Когда в узком проёме потаённого пути забрезжил утренний свет, Заряночка открыла глаза и увидела, что Чёрный Рыцарь седлает коней: засим поднялась она, и совладала с горем, и пожелала спутнику доброго дня, и он принёс девушке еды; и подкрепились они малость, и сели на лошадей, и двинулись дальше. Теперь дорога стала ровнее, и повсюду вокруг значительно посветлело, ибо скалы более не смыкались над головой, и показалось Заряночке, что теперь дорога ведёт вниз.

Рыцарь держался с Заряночкой учтиво и до поры более не навязывал ей своей любви, засим общество незнакомца в чёрном было девушке отчасти отрадно, хотя заговаривал он со спутницей крайне редко.

Поднялись они спозаранку и ехали всё утро, пока не наступил полдень; а об этом путешествии не составило труда узнать, потому что ущелье весьма расширилось и стены скал уже не поднимались так высоко, как прежде, так что солнце светило прямо на всадников, подбадривая их.

И вот Чёрный Рыцарь натянул поводья и молвил: «Не отдохнуть ли нам, госпожа, и не подкрепиться ли? А после того, ежели пожелаешь, я поведаю тебе мою повесть. Или, лучше, коли позволишь ты мне, я расскажу сначала, а поем потом, иначе кусок не пойдёт мне в горло». «Рыцарь, – отвечала Заряночка, улыбаясь, – я надеюсь, что не станешь ты перед обедом глотать ложь». – «Нет, госпожа, – отвечал её спутник, – сейчас, по крайней мере, ты лжи не услышишь».

Засим спешили они, и Заряночка уселась на обочине под берёзой, что пробилась сквозь скалу, и рыцарь встал перед девушкой, понутив голову, словно осуждённый, что вынужден говорить в свою защиту, и начал свой рассказ:

«Госпожа, прежде всего должен я тебе признаться, что сегодня поступил я как вероломный слуга и предатель своего господина». Молвила Заряночка в простоте душевной: «Скажу тебе правду: с самого начала показался ты мне человеком ненадёжным, коему доверять не след». Отвечал рыцарь: «Ну что же, мысли твои я прочёл, и до глубины души ранило меня, что ты так думаешь и что ничуть при этом не заблуждаешься. Но теперь открою я тебе, что именно ради тебя изменил я своему господину». – «Как так?» – спросила девушка. Отозвался незнакомец в чёрном: «Доводилось ли тебе слышать о Красном Рыцаре?» – «Да, – отвечала Заряночка, – все говорят, что тиран он и деспот». Тут побледнела девушка и воскликнула: «Это ты и есть?» – «Нет, – отвечал её спутник, – я – только родич его и вассал, коему доверяет он превыше прочих; и отроду не подводил я его – вплоть до вчерашнего дня».

Тут Чёрный Рыцарь помолчал немного, а затем молвил: «Вот тебе вся правда как есть: дошли до нас слухи о тебе и о разъездах твоих по окрестностям вместе с этим старым дурнем, сэром Эймерисом; и узнали мы, как дважды отправлялась ты поглядеть на Чёрную Долину. Об этом, говорю я, проведал Тот, Что в Красном, и сама молва о тебе задела его за живое; а, кроме того, его хлебом не корми, а дай причинить зло рыцарям Замка Обета; засим послал он меня караулить в долине и постараться захватить тебя, по возможности; ибо знал он, будучи мудр, что тебе страстно захочется побывать среди Серых Овнов; более того, повелел он одной из своих ведьм наслать на тебя чары. Засим углядел я тебя издалека, а потом и столкнулся лицом к лицу, и никого-то при тебе не было; и полагалось мне, раз уж повстречался я с тобою именно так, доставить тебя в целости и сохранности в Красную Крепость. Воистину приступил я к поручению своему так, как должно, и принялся всячески улаживать тебя, так что неудивительно, что увидела ты во мне предателя. Но затем... затем не сумел я довести игру до конца, потому что более не смотрел я на тебя глазами похоти, как на рабыню своего господина, но полюбил

тебя и возмечтал, чтобы стала ты мне подругой и любезной собеседницей. Засим сказал я себе: «В Красную Крепость она не отправится, ежели в моей власти этому помешать».

Заряночка побледнела как полотно, но совладала со страхом и горем и молвила: «Но те вооружённые всадники у входа в долину, кто они?» Отвечал Чёрный Рыцарь: «Не стану я лгать тебе, даже в малом; они попали в долину по тому самому верхнему перевалу, о котором я помянул тебе; это наши люди; я их привёл. Один в долине я не оставался ни на минуту; я должен был приманить тебя к ним, но так, чтобы не заметила ты до поры отряда и не ускользнула от нас; а затем мы все возвратились бы домой по верхнему перевалу. Однако же нам двоим полагалось встретиться с ними у входа в долину, ибо, несмотря на все мои угрозы, эти люди отказывались спуститься к кругу судьбы, где мы давеча разделяли трапезу и вели беседы. Ты и не догадываешься, сколько отваги и силы духа выказали мы, вздумав отобедать там; ибо все боятся этого места. Что до меня, мне доводилось бывать там не раз и не два; в одно из таких путешествий я и набрёл на ущелье, в коем мы ныне находимся; и об этом ущелье я никому не помянул ни словом, полагая, что в один прекрасный день оно сослужит мне службу; как уже и произошло, и с лихвой, ибо ущелье это стало укрытием для тебя».

«Да, но куда мы едем теперь? – спросила Заряночка. – Уж не в Красную ли Крепость?» «Нет, никогда, – отвечал рыцарь, – да помогут мне Бог и святые угодники!»

«Так куда же? – повторила Заряночка. – Скажи мне, чтобы могла я хоть сколько-то тебе доверять, хотя кому, как не тебе, обязана я страданиями и горем, кои навлёк ты на меня». Чёрный Рыцарь покраснел и отозвался: «Подожди немного; я везу тебя в место весьма недурное; там ты окажешься в безопасности». Тут незнакомец в чёрном закусил губу, и нахмурился, и смешался, и изменился в лице, и затем, запинаясь, молвил: «Когда доберёмся мы до того места, я, может статься, попрошу тебя о милости».

«Что до меня, я прошу тебя о милости теперь и сейчас, – отозвалась Заряночка. – Загладь свою вину передо мною и отвези меня назад к моим друзьям и к Замку Обета! Тогда, несмотря ни на что, станешь ты мне дорог, хотя, может быть, и не совсем так, как бы тебе хотелось». И она протянула к спутнику руки.

Грудь Чёрного Рыцаря вздымалась, словно бы с трудом сдерживал он рыдания; но молвил он: «Нет, госпожа, ни о чём не проси меня здесь и сейчас; но там и завтра. Однако же снова клянусь я тебе твоими прекрасными руками: ни за что не отвезу я тебя в Красную Крепость и не допущу этого, покуда жив; не бывать тому, пусть даже погибну я, тебя защищая».

Заряночка задумалась ненадолго, а затем проговорила: «А что случится со мною, ежели окажусь я в Красной Крепости? Что за человек этот самый Красный Рыцарь и что он со мною сделает?» Отвечал предатель в чёрном: «Красный Рыцарь грозен, и свиреп, и мудр; и даже я, я боюсь его». Спаситель Заряночки помолчал, а затем добавил: «Вынужден я сказать, что тебе покажется он хуже Смерти и самого Дьявола. Сперва он разделит с тобою ложе...» Тут перебила Заряночка спутника: «Нет, никогда!» – и залилась ярким румянцем. Но продолжал рыцарь: «А после того – не знаю; смотря что придёт ему в голову. Что до твоего «никогда», госпожа, – ты не знаешь, что это за человек и какими людьми он себя окружает». «Такими, как ты?» – воскликнула девушка гневно. «Нет, – отвечал Чёрный Рыцарь, – куда хуже меня; эти люди редко выезжают из замка; приключения и опасности войны не облагородили их сердца; а женщины замка ещё хуже них; и с женщиной поступят они куда более жестоко». Заряночка снова примолкла и побледнела как полотно; затем щёки её опять порозовели, и протянула она рыцарю руку, и проговорила приветливо: «Принимая во внимание, кто ты такой, я благодарю тебя за то, как ты со мной обошёлся; до завтрашнего дня, когда снова попрошу я тебя о милости, я с тобою в дружбе; засим давай же поедим и попьём вместе».

Чёрный Рыцарь поцеловал девушке руку, а затем кротко опустил на землю подле неё, и они разделили трапезу в этом диком месте, словно были давними друзьями.

Глава XV

Чёрный Рыцарь привозит Заряночку к хижине в долине

Покончив с трапезой, они снова сели на коней и двинулись своим путём; и с каждой милей дорога становилась всё легче, ущелье всё шире, а склоны его всё понижались, и тут и там показались просветы; и вот, наконец, всадники проскакали вниз по холму, и спустя короткое время дорогу словно бы поглотила густая чаща грабов и падубов. Однако же рыцарь не остановился, но направил коня прямо в помянутые заросли и даже отыскал какое-то подобие пути среди строя деревьев, хотя очень скоро путники оказались среди непролазных сплетений ветвей и на протяжении почти что часа не видели света дня под сенью крон, настолько густ и непроходим был лес; и путь сквозь этот лабиринт приходилось прокладывать с величайшей осторожностью.

Наконец лес перед ними поредел, и промеж стволов замаячили светлые блики; и показалось Заряночке, будто слышит она шум падающей воды, и вскоре девушка готова была поклясться, что это так; и обратился к ней рыцарь: «Терпение, госпожа моя; ибо мы почти дома, — на сегодня, по крайней мере». Девушка приветливо кивнула своему спутнику, и в это самое мгновение выехали они на открытое пространство и оказались на крутом склоне холма, каковой по правую руку обрывался отвесным утёсом: это Заряночка разглядела, когда рыцарь подвёл её к самому краю скалы и повелел посмотреть вниз. Затем увидела девушка, что далеко внизу раскинулась чудесная долина; по ней струилась речушка, прозрачная и быстрая, но отнюдь не бурная, а в верхней части долины поток шумным каскадом низвергался со скалы, — его-то и слышала Заряночка, проезжая через лес. Что бы ни находилось по другую сторону помянутой долины, всё скрывали от взоров высокие и раскидистые деревья, кои теснились ствол к стволу на расстоянии каких-нибудь двадцати ярдов от ручья, а между деревьями и ручьём расстилалась полоса зелёного дёрна; там росло несколько кустов и терновников.

Молвил рыцарь: «Там, внизу, отдохнём мы до завтра, ежели согласишься, госпожа моя; а поскольку солнце сядет уже через час, лучше бы нам немедленно тронуться в путь». — «Соглашусь с превеликой охотой, — отвечала Заряночка, — весьма хотелось бы мне пройти по траве у реки, ибо утомилась я несказанно, насколько могут утомить поездка верхом и путь через ущелье».

Засим поскакали всадники вниз по склону холма, и немного времени потребовалось им, дабы спуститься вниз; и подъехали они к реке там, где низвергалась она с отвесного утёса в долину; и перебрались на другой берег, и оказались на помянутом мягком зелёном дёрне под сенью дерев; тут, между стволов, приютилась хижина, выстроенная из торфа и крытая тростником. Там, по повелению рыцаря, всадники спешили, и молвил рыцарь: «Вот твой дом на эту ночь, госпожа моя; здесь, отужинав, отдохнёшь ты себе в полной безопасности; более того, можешь хранить при себе моё оружие, коли хочешь; а сам я расположусь под деревьями вон там. И ежели угодно тебе искупаться в прохладной воде, дабы освежиться после долгой езды и смыть усталость, я клянусь твоей рукою, что отоюду за пределы видимости и подожду там, покуда сама ты не позовёшь меня».

Отвечала Заряночка, не в силах сдержать улыбки: «Достойный сэръ, не допущу я, чтобы защитник и страж мой оставался безоружен; оставь доспехи и меч при себе; но смотри, не забывай, что и я не вовсе безоружна, ибо вот при мне лук, и стрелы, и нож. Что до купания, тут я ловлю тебя на слове и уже сейчас попрошу тебя удалиться на некоторое время, ибо очень хочется мне спуститься к воде; а ежели станешь ты за мною подглядывать, так позор в том не мне, а тебе».

Засим рыцарь отошёл подальше, а Заряночка спустилась к заводи и разделась, но, прежде чем войти в реку, положила у самой кромки воды лук и три стрелы. Затем окунулась она в воду

и принялась там весело резвиться; и теперь, по чести говоря, нимало не горевала девушка и говорила себе: «Человек этот не вовсе плох и любит меня искренне, и ожидаю я, что завтра он отвезёт меня в Замок Обета единственно из любви ко мне; и тогда станет он мне дорогим другом, и стану я утешать его, как смогу, пока оба мы живы».

Затем вышла Заряночка на берег, и оделась, и покричала своему спутнику, и тотчас же явился он на зов, словно находился не так уж и далеко; впрочем, незнакомец в чёрном поклялся великой клятвой, что за купальщицей никоим образом не подглядывал. Ничего не ответила ему девушка, и пошли они бок о бок к хижине; там рыцарь всё приготовил к трапезе, и уселись путешественники рядом и поужинали мирно, словно старые друзья. И принялась Заряночка расспрашивать своего избавителя касательно долины и хижины, и давно ли он их знает, и отвечал тот: «Да, госпожа, ещё юным отроком набрёл я на эту долину; полагаю, что немногим известно о ней, помимо меня; по крайней мере, никто из наших людей о долине понятия не имеет; чему я весьма рад. Насколько от меня зависит, суждено им и впредь пребывать в неведении, ибо если бы прослышал господин мой о том, что завёл я себе потаённое убежище, ох, не пришлось бы ему это по душе».

Побледнела Заряночка, услышав, как помянул незнакомец в чёрном о своём господине; ибо страх пред Красным Рыцарем уже вошёл в душу девушки, и теперь кровь застыла у неё в жилах. Однако Заряночка заставила себя улыбнуться и молвила: «А что же такое он с тобою сделал бы, коли навлёк бы ты на себя его недовольство?» – «Воистину, госпожа, – отвечал рыцарь, – ежели бы мог он обойтись без меня, он бы расправился со мною каким-нибудь изощрённо-жестоким способом; впрочем, ежели бы я рассердил его порядком, он бы поступил со мною ровно так же, неважно, нужен я ему или нет; а в противном случае он выждал бы подходящего часа и причинил бы мне горе, да так, чтобы дошло оно до самого сердца». – «Увы мне! – воскликнула Заряночка. – Злому господину ты служишь». Чёрный Рыцарь ничего на то не ответил, и Заряночка продолжила со всей убеждённостью: «Стыдно тебе исполнять волю этого демона; почему не расстанешься ты с ним и не станешь честным человеком?» Отвечал рыцарь угрюмо: «Бесполезно говорить об этом, нельзя мне; да и в придачу боюсь я его». Тогда умолкла Заряночка, и проговорил рыцарь: «Ничего-то ты не знаешь; когда я с тобою расстанусь, должно мне отправиться напрямик к нему, а тогда чему быть, того не миновать. Не будем говорить об этом более».

При этих его словах Заряночка зарумянилась от радости и надежды, ибо так поняла она речь своего спутника, что тот намерен отвезти её завтра к Замку Обета. Рыцарь же заговорил снова, и теперь голос его звучал бодро: «Что до этой хижины, госпожа, рассказ о ней короток; ибо своими собственными руками выстроил я её лет пятнадцать назад; и приезжаю я в эти места снова и снова, когда на душе у меня беспокойно и чёрное бремя зла давит невыносимо на сердце; и порою удавалось мне превозмочь зло, а порою нет». – «Да возьмёшь ты верх и на этот раз!» – пожелала девушка. Ничего не ответил ей незнакомец в чёрном, но заговорил о другом, и оба держались друг с другом приветливо и открыто, пока не сомкнулась вокруг них августовская ночь. Тогда объявила Заряночка: «Теперь хотела бы я отдохнуть, ибо глаза мои закрываются сами собой. Завтра утром ты не приходи сюда, но подожди в отдалении, пока сама я не позову тебя, как нынче вечером; а после, прежде чем мы снова разделим трапезу, ты скажешь мне, чего от меня хочешь». Собеседник девушки поднялся, чтобы уйти, и Заряночка протянула ему в сумерках руку, и он заметил это, но сказал: «Нет, ежели возьму я твою руку, то и всем телом завладею». С этими словами Чёрный Рыцарь удалился, Заряночка же легла спать в одной сорочке и тотчас же уснула крепким, без сновидений, сном; и позабыла обо всём до тех пор, пока поутру не поднялось солнце.

Глава XVI

Они задерживаются в долине ещё на сутки

И вот лучи солнца проникли в хижину, и проснулась Заряночка, и немедленно поднялась, и спустилась к реке, и смыла с себя ночь; а затем, одевшись, покричала рыцаря; и явился он, с видом удручённым и встревоженным, засим подумала про себя Заряночка: «Очень хорошо; он поступит так, как угодно мне».

И предстала перед ним девушка и пожелала спутнику доброго утра, он же поглядел на неё скорбно. И молвила Заряночка: «Настало мне время попросить тебя, чтобы отвёз ты меня назад в Замок Обета, к моим друзьям». Чёрный Рыцарь не торопился с ответом, и девушка заговорила снова: «Либо исполнишь ты мою просьбу, либо придётся тебе отвезти меня в Красную Крепость и передать тамошнему тирану; а из твоих же собственных уст слышала я, что это сулит мне не что иное, как стыд, и муки, и смерть. И полагаю я, сделать этого ты не сможешь... Нет, – поспешила добавить девушка, прерывая своего собеседника, готового уже разразиться потоком слов, – я понимаю, что тебе это труда не составит, ежели только позволит тебе сердце, ибо ты сильнее меня и можешь сломать мой лук и отнять у меня нож; ты можешь скрутить меня верёвками и накрепко привязать к седлу, и так отвезти моё беспомощное тело в рабство и на погибель. Но ты сказал, что любишь меня, и в этом я тебе верю. Потому знаю я, что не станешь ты поступать так».

Чёрный Рыцарь отвечал ей угрюмо: «Ты права, госпожа, и впрямь не могу я этого сделать. Нет, теперь выслушай ты меня. Всю ночь размышлял я над твоими словами касательно того, чтобы покинуть мне господина, то есть предать его, ибо иначе невозможно; и теперь решился я так и сделать; я изменю ему ради тебя. Однако же есть для нас третий путь, коего ты не видишь: мы выедем из этой долины через час, и я отвезу тебя к тем, что враждуют с Красным Рыцарем не на жизнь, а на смерть, разве что самую малость уступая в том твоим Паладинам Обета, а именно, к военачальнику и к горожанам славного города Гринфорда, что у Озера. Я дам им понять, что спас тебя из рук Красного Рыцаря и стал его недругом; и покажу им все входы и выходы крепости и все его тайные тропы, и открою все его замыслы, и помогу заманить его в ловушку, так что Красный Рыцарь окажется у них в руках. Так вот: хотя, ежели бы горожане захватили меня в битве, недолго бы судили они и рядили, прежде чем отправить меня на виселицу, или, может статься, на костер (ибо в Красной Крепости все мы до одного – чародеи), – однако теперь, коли явлюсь я к ним с такого рода рассказом и жители Гринфорда ему поверят, я стану их военачальником, а впоследствии и правителем. А в словах моих горожане ни за что не усомнятся, коли ты их подтвердишь, и окажут тебе великие почести, и позволят тебе со мною обвенчаться; и тогда я пойму твою душу, да и себя тоже; и в скором времени станем мы могущественны, богаты и всеми любимы; и веселы будут наши дни».

По мере того, как говорил Чёрный Рыцарь, голос его делался всё мягче, и под конец он запнулся и, наконец, разрыдался и бросился перед девушкой на траву, не в силах вымолвить более ни слова.

Заряночка побледнела, и нахмурила брови, и изменилась в лице; но ответствовала холодно: «Этим путём я не последую; дивлюсь я на тебя, что вздумал ты предложить мне подобный путь, ведь и сам ты превосходно знаешь, что не могу я с тобою ехать. Никуда я отсюда не поеду, кроме как в Замок Обета. Ежели отказываешься ты отвезти меня туда или хотя бы показать дорогу, я прямо тебя спрашиваю: удержишь ли ты меня, коли я отправлюсь на поиски Замка сама?»

Чёрный Рыцарь поднялся с земли с бледным, искажённым от гнева и горя лицом, и сомкнул железные пальцы на запястьях девушки, и спросил свирепо: «Тогда говори, кто из них тому виной: Бодуэн ли, этот бестолковый мужлан, или пустоголовый повеса Хью, или уны-

лый резонёр Артур? Только это неважно; ибо знаю я, как знает весь здешний край, что каждый из них связан обетом с одной, навеки избранной дамой; и ежели не отыщут они своих возлюбленных, такие уж они олухи, что станут до скончания дней поклоняться теням, жалким воспоминаниям о них, отвращаясь от созданий из плоти и крови, пусть даже самых прекрасных и желанных, таких, как ты».

Заряночка отпрянула от него насколько могла, но незнакомец в чёрном так и не разжал пальцев; засим молвила девушка дрожащим голосом, и губы её побелели от страха и гнева: «За версту видно, что служишь ты Красному Рыцарю; и, похоже, желаешь поступить со мною так, как поступил бы он. Об одном прошу я тебя, ежели осталась в тебе хоть капля милосердия: возьми меч и пронзи меня насквозь; можешь выпустить меня и сходить за клинком, я не строюсь с места. О! – подумать только, что я почти готова была счесть тебя честным человеком».

Чёрный Рыцарь выпустил руки Заряночки и теперь стоял на некотором расстоянии от своей спутницы, не сводя с неё глаз; затем он бросился на землю и принялся кататься по ней, с корнем вырывая траву. Мгновение Заряночка глядела на него, затем шагнула вперёд, наклонилась к несчастному, коснулась его плеча и молвила: «Поднимайся немедленно и веди себя как пристало человеку, а не дикому зверю».

Засим спустя несколько минут Чёрный Рыцарь поднялся на ноги и встал перед девушкой, словно побитый пёс; тогда поглядела на него Заряночка сочувственно и молвила: «Благородный сэр и доблестный рыцарь, ты на краткое время утратил рассудок и тем опозорил и меня, и себя; теперь же лучше тебе о том позабыть, равно как и последние мои слова к тебе».

Тут Заряночка протянула ему руку, и Чёрный Рыцарь опустил на колени и, рыдая, поднёс её к губам и поцеловал. И молвила девушка с улыбкой: «Вот теперь я вижу: ты сделаешь то, о чём я тебя прошу, и выведешь меня отсюда, и покажешь мне дорогу к Замку Обета». Отвечал незнакомец: «Я отвезу тебя в Замок Обета».

Отозвалась Заряночка: «Тогда сбудется всё то, что пообещала я: я останусь твоим добрым другом до тех пор, пока оба мы живы. А теперь, если можешь, приободришься немного и присядь подле, и давай-ка позавтракаем, ибо меня мучит голод».

Рыцарь улыбнулся не без горечи, и вскорости сели они за трапезу; и попытался он развесть себя хоть сколько-нибудь и вести себя так, словно находится на пиру; но то и дело не удавалось ему совладать с собственным сердцем: несчастный стискивал зубы и вцеплялся пальцами в траву, и лицо его принимало выражение свирепое и грозное, так что страшно было глядеть; однако Заряночка делала вид, что ничего не замечает, и держалась с ним неизменно приветливо и учтиво. Когда же с трапезой они покончили, Чёрный Рыцарь некоторое время сидел, не сводя со спутницы глаз, а затем молвил: «Госпожа, не кажется ли тебе теперь, когда всё промеж нас сказано, я всё-таки сделал для тебя кое-что с тех пор, как мы с тобою повстречались впервые позавчера в нижней части Чёрной Долины?» – «Да, – отвечала девушка, – как признала я давеча, всё приняв во внимание, нахожу я, что сделал ты немало». – «А теперь, – подхватил незнакомец в чёрном, – предстоит мне сделать ещё более; ибо должен я отвезти тебя туда, где отныне и впредь останусь я для тебя чужим и посторонним, как если бы ты находилась в раю, а я – в аду». – «Заклинаю тебя, не говори так, – отвечала Заряночка, – разве не пообещала я тебе, что стану твоим другом?» – «Леди, – отвечал рыцарь, – я отлично знаю, что по доброте своего сердца ты сделаешь всё, что в твоих силах». Тут замолчал он надолго, и она тоже.

Затем молвил Чёрный Рыцарь: «Я бы попросил тебя о милости, кабы смел». – «Так попроси, – отвечала Заряночка, – и я исполню твою просьбу, ежели смогу; сдаётся мне, что достаточно я тебе отказывала».

«Госпожа, – отозвался незнакомец в чёрном, – вот какого вознаграждения попрошу я у тебя за услуги проводника: хотелось бы мне, чтобы прожила ты со мною в этой долине, в чести и почёте, до завтрашнего утра; пусть это место, что помогало мне и прежде, освятится твоим

присутствием; а у меня будет в жизни хотя бы один счастливый день, даже если второго не дано. Не согласишься ли? Ежели нет, мы выедем через час».

При этих словах заметно опечалилась Заряночка и надолго примолкла; ибо всей душою стремилась она туда, где бы отыскали её друзья, ежели возвратились они в замок. Но подумала про себя девушка, что спутник её неукротим и яростен в гневе, и испугалась, что тот, чего доброго, обезумеет совершенно и убьёт её, ежели она окажется чересчур неуступчивой; кроме того, всей душой жалела Заряночка несчастного и готова была сделать всё, что в её силах, чтобы смягчить его боль и унять горе его сердца. Засим лицо Заряночки прояснилось, и не позволила она себе больше досадовать, но улыбнулась рыцарю и ответствовала: «Прекрасный сэр, услуга эта кажется мне пустячной, и охотно исполню я твою просьбу; пусть день этот станет первым днём нашей дружбы, ежели угодно тебе принять его таковым, и да утешит он тебя».

И кто же возликовал тогда, как не рыцарь; и удивительно было видеть, как скорбь его немедленно развеялась, и сделался он весел и беспечен, словно мальчишка, и однако же с Заряночкой держался исключительно учтиво и обходительно, словно служил могущественной королеве.

Засим целый день провели они вместе в дружбе и согласии, и сперва поднялись спутники вверх по долине, к основанию высокого утеса, где поток с грохотом низвергался с отвесной скалы; и долго стояла там Заряночка, любуясь на водопад, ибо ничего подобного прежде не видела.

Затем пешком отправились они в лес, что начинался сразу за зелёной хижинкой, и, побродив там в своё удовольствие, принялись выслеживать оленя к обеду; и Заряночка вручила спутнику свой лук и стрелы, дабы подстрелил он дичи, однако же рыцарь заставил девушку перепопсаться своим собственным мечом, дабы не оставалась она безоружной. Так добыли они козлю и возвратились с трофеем в хижину, и рыцарь освежевал тушу и приготовил мясо должным образом, и снова разделили они трапезу в дружбе и согласии. Заряночка же загодя побывала у реки и принесла оттуда букет синих костенцов и спиреи*, что не вовсе ещё отцвела на лугу со времён первых дней лета, и сплела себе пояс и гирлянду для волос; и незнакомец в чёрном поклонялся девушке, словно божеству, при этом едва насмеливаясь коснуться её руки, несмотря на то, что сводила рыцаря с ума красота её тела.

Затем, когда друзья отобедали и, устроившись отдохнуть в тени деревьев, прислушивались к тому, как болотная курочка кричит над водою, Заряночка обратилась к своему спутнику и повелела ему рассказать что-нибудь о своей жизни и деяниях; но отвечал Чёрный Рыцарь: «Нет, госпожа, умоляю простить меня; ибо мало хорошего могу я о себе сообщить, и весьма не хотелось бы мне, чтобы узнала ты меня с ещё худшей стороны, нежели уже знаешь. Лучше ты окажи мне милость и поведай о своём прошлом; и уже знаю я наверняка, что ничего в нём нету, кроме самого доброго».

Заряночка улыбнулась и покраснела, но, не заставляя себя упрашивать, принялась рассказывать ему о своей жизни в Обители у Леса; и даже о лесной матушке не умолчала. И ни слова не произнёс рыцарь в ответ на это; но благодарил и хвалил рассказчицу за милость снова и снова.

Наконец день приблизился к концу, и тогда горе овладело рыцарем с новой силой, и сделался он задумчив и молчалив. Заряночка по-прежнему держалась с ним приветливо и учтиво и старалась утишить его тоску, но сказал рыцарь в чёрном: «Оставь, как есть; что до тебя, завтра ты будешь счастлива; но мой счастливый день почти миновал, а с ним словно бы и жизнь уходит капля по капле». И вот стемнело, и незнакомец печально пожелал своей спутнице доброй ночи и отправился к своему убежищу среди дерев. Заряночка же расположилась в хижине и долго не могла уснуть, заранее радуясь завтрашнему дню, каковой должен был вернуть её в Замок Обета.

Пробудилась Заряночка спозаранку, когда солнце ещё едва поднялось; девушка встала, и оделась, и призвала к себе слугу своего, Чёрного Рыцаря, и тот немедленно явился к госпоже своей, ведя в поводу двух лошадей; и молвил: «Теперь едем мы в Замок Обета». И был он сдержан и удручён, но отнюдь не свиреп и не дик.

Ласково поблагодарила Заряночка спутника и похвалила его, он же изменился в лице, непонятно почему.

Засим вскочили друзья на коней и двинулись в путь, и рыцарь направился напрямиком в лес и поскакал известными ему тропами, так что не слишком-то медленно продвигались путники, принимая во внимание густую чащу. Так ехали они вместе, он – скорбя, она – радуясь.

Но теперь оставим мы Заряночку и рыцаря, с коим повстречалась она в Чёрной Долине Серых Овнов, и обратимся к Замку Обета и тамошним обитателям и поглядим, чем занимались они всё это время и после.

ЗДЕСЬ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ КНИГИ «ВОДЫ ДИВНЫХ ОСТРОВОВ», ПОСВЯЩЁННАЯ ДНЯМ ОЖИДАНИЯ; И ТЕПЕРЬ НАЧИНАЕТСЯ ПЯТАЯ ЧАСТЬ ПОМЯНУТОЙ ИСТОРИИ, ПОД НАЗВАНИЕМ «ПОВЕСТЬ О ЗАВЕРШЕНИИ ПОХОДА».

Часть пятая

Повесть о завершении похода

Глава I

О горестях сэра Леонарда и о возвращении Паладинов

Говорится в повести, что, расставшись с Заряночкой у хижины в роще, капеллан побрёл домой в замок весьма удручённый, настолько любил он девушку и тосковал по ней, превосходя при этом зная, что тоске его утolenия нет. Более того, едва оказался Леонард снова в стенах замка, несчастного охватил страх при мысли о том, что может случиться с беглянкой, и пожалел, что послушался Заряночку и помог ей покинуть замок. Напрасно повторял себе священник все доводы в пользу того, что малой опасности подвергается девушка или вовсе никакой, – ровно так же, как объяснял всё это Заряночке, сам свято веря каждому слову; только теперь казалось Леонарду, что любому из доводов возможно возразить. И вот тяжело вздохнул священник и вошёл в часовню, где находился алтарь Святого Леонарда; и преклонил он перед алтарём колена и помолился святому, чтобы тот спас и его самого, и Заряночку от опасности и оков, как встарь вызволил народ свой из рабства. Но хотя долго молился сэр Леонард и не жалел слов, не принесла молитва облегчения его душе или почти не принесла; засим, снова поднявшись на ноги, он пожелал от всего сердца, чтобы кто-нибудь порешил бы его и избавил от бремени жизни, ежели с этим перлом среди женщин приключится беда.

Тем временем замок пробудился, и капеллан вышел из часовни, обдумывая всё происшедшее, и порешил, что отправится прямоком к сэру Эймерису и во всём сознается, дабы немедленно выслали вооружённых людей на поиски Заряночки. И сказал Леонард самому себе: «Что за дело, если сэр Эймерис убьёт меня или бросит в темницу, ежели Заряночка погибнет?»

Засим направился Леонард к самой высокой башне, что обращена была в сторону суши и прозывалась Открытое Око, надеясь застать там сэра Эймериса; однако же, поднявшись на вершину, капеллан не обнаружил ни начальника стражи, ни вооружённого воина. Леонард постоял там немного, вглядываясь в даль сквозь бойницы, словно, вопреки всему, надеялся увидеть, как Заряночка возвращается под кров замка; но ничего не различил зоркий взгляд священника, кроме овец, и волов, и окрестных поселян, что работали в поле. Засим повернулся Леонард и по навесному мосту перешёл ко второй по высоте башне, что глядела на озеро и называлась Надеждой Сердец; и по пути принялся священник обдумывать слова речи, что предстояло ему держать перед кастеляном.

Так выбрался он, измождённый и несчастный, на свинцовую крышу башни, весьма широкую и просторную; и там обнаружил дюжину вооружённых людей и кастеляна среди них; сбившись в кучу, они во все глаза глядели на озёрную гладь. На подошедшего капеллана собравшиеся не обратили ни малейшего внимания, хотя, переступая порог, несчастный споткнулся и с грохотом рухнул на свинцовый настил. Тотчас же понял Леонард, что происходит что-то необычное; однако в голове его царил только одна-единственная мысль, а именно, как бы спасти Заряночку.

Засим Леонард подошёл сзади к кастеляну, перегнувшись через парапет, потянул его за полу платья и, когда оглянулся сэр Эймерис, молвил: «Лорд, надо бы мне сказать тебе два слова». Но развернулся престарелый рыцарь всего лишь вполоборота и оборвал священника раздражённо: «Тьфу на тебя! погоди до другого раза! Разве не видишь, что не до тебя мне и не оторвать мне взгляда от того, что различаем мы на озере?» – «Да что же там такое?» – спросил

священник. «Вон плывет ладья, – отозвался сэр Эймерис, не оборачиваясь к собеседнику, – и думается нам, что на борту её – наши господа».

При этих словах показалось священнику, что под ногами у него разверзлась адская бездна; и целую минуту не мог он вымолвить ни слова, а затем воззвал: «Заклинаю, сэр Эймерис, выслушай меня». Но престарелый рыцарь досадливо оттолкнул капеллана рукою, и в это самое мгновение один из стражников воскликнул: «Я слышу голос рога!» Тут закричал сэр Эймерис: «Куда задевался Гром? Да труби же, труби, как не трубил за всю свою жизнь!» И раскатился медный гул, и сэр Эймерис кивнул трубачу, и тот загудел в рог что было сил, и ещё раз, и ещё, так что священник с таким же успехом мог бы и онеметь, всё равно никто бы его не расслышал; и всё это время минуты казались Леонарду часами, так что несчастный едва не потерял рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.